Гай Джонс

ЛЕДЯНОЙ САД

качели
издательство

Гай Джонс ЛЕДЯНОЙ САД

Гай Джонс

ЛЕДЯНОЙ САД

Гай Джонс десять лет писал для театра — в Великобритании с успехом шел мюзикл «Never Forget», — прежде чем решился взяться за книгу. «Ледяной сад» — его первый роман: история об одиночестве, застывшем в пространстве между сном и явью, между мистикой и горькой реальностью.

Двенадцатилетняя Джесс такая необычная, что кажется персонажем легенды: она не переносит солнечного света и выходит на улицу только в капюшоне, очках, перчатках. У нее нет друзей, нет возможности жить нормальной жизнью, у нее есть только воображение: она пишет книгу и рассказы для Дэйви, мальчика в коме, которого увидела в больнице. Но однажды реальность окажется круче фантазии. За детской площадкой, ночью, она найдет проход в сад, полностью созданный изо льда. Там можно снять защитный колпак и подставить лицо ветру. Там живут летающие слономыши и висят яблоки, наполненные сверкающим соком. Это ее мир. Но скоро Джесс обнаружит, что она там не одна. И что жуткая тьма совсем рядом…

«Ты не похожа на других.
И это хорошо. Это просто прекрасно».

12+

Все книги издательства «Качели»
на www.labirint.ru
тел. +7 (495) 745-95-25
Бесплатный телефон для регионов РФ:
8-800-500-95-25

качели
издательство

EAC
9 785907 076488

Посвящается
Изабель

Гай Джонс

ЛЕДЯНОЙ САД

Перевод с английского *Ольги Лютовой*

Иллюстрации *Татьяны Булгаковой*

Санкт-Петербург
Издательство «Качели»
2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д42

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Andrew Nurnberg Literary Agency
за содействие в приобретении прав

ISBN 978-5-907076-48-8

Original English language edition first published in 2018 under the title
THE ICE GARDEN by The Chicken House, 2 Palmer Street, Frome,
Somerset, BA11 1DS
Text copyright © GUY JONES © 2018
The Author has asserted her moral rights.
All rights reserved.

© О. Лютова, перевод, 2019
© Т. Булгакова, иллюстрации, обложка, 2019
© ООО «Издательство Качели», 2019

Он назывался колпаком. Это был глубокий белый капюшон, который полностью покрывал лицо и шею Джесс; поверх она надевала нечто вроде лыжных очков. Тело ее защищали мешковатая блуза, брюки и толстые перчатки: чтобы ни один участок кожи не был открыт солнцу.

— Мне здесь не нравится, — сказала она, приподняв очки и принимаясь чесать до безумия зудевший нос.

— Никто не любит больницы, — ответила мама.

— Может, уйдем?

— Похоже, ты не в настроении.

Джесс вздохнула, выпуская изо рта тошнотворный воздух. На дисплее́ лифта начали меняться числа, увеличиваясь по мере приближения к детскому отделению. На затылке девочки уже выступили капли пота, заставляя ткань липнуть к коже. Совершенно точно: лето — худшее время года.

— Мы здесь всего-то несколько раз в месяц, — заметила мама.

— *Всего-то?* — повысив голос, переспросила Джесс.

— Нам обязательно это обсуждать?

Джесс подумала, что, видимо, обязательно. До тех пор, пока мама не поймет, насколько она терпеть не может это здание и все то, что в нем есть.

На третьем этаже двери открылись, и перед ними оказалась женщина в лиловом платье. Она шагнула было к ним, но затем замерла, увидев колпак. Разинула рот, словно рыба, но не издала ни звука.

— Вам подсказать что-нибудь? — спросила мама.

— Э-э-э... — произнесла незнакомка, приходя в себя, — вы вниз или вверх?

— Вверх.

— А, ладно. Мне вниз. Спасибо. — Женщина сделала шаг назад, не сводя с них глаз.

— Рот можно уже закрыть, — сказала Джесс, когда захлопывались двери лифта.

— Дорогая, это грубо, — пожурила мама.

— Она меня не слышала.

— Жаль. — Обе улыбнулись, не глядя друг на друга.

Мама несколько раз ткнула в кнопку пятого этажа и постучала ногой по полу. Звякнув и дернувшись, лифт снова поехал вверх.

— Он мне не нравится, — призналась Джесс.

— Он вполне приятный.

— Это с тобой он приятный. А со мной разговаривает, как с идиоткой.

— Он разговаривает с тобой как с ребенком.

— Вот именно.

— Но он очень хороший врач.

— Откуда ты знаешь? У тебя нет медицинского образования.

«Шах и мат», — подумала Джесс.

— Надень очки, — велела мама. — В коридоре полно окон.

— Но, мама... — начала было Джесс.

— Джессика, — с нажимом произнесла мама.

«Шах и мат», — поняла девочка.

Доктор Стэннард был чрезвычайно высоким, чрезвычайно худым и, как считала Джесс, чрезвычайно противным. У него была привычка нагибать верхнюю часть тела, отчего он походил на флагшток в ветреный день. Доктор казался настолько огромным, что сомнений не оставалось: его отец точно был великаном — не обычным человеком мощного телосложения, а самым настоящим гигантом, о каких пишут в книжках. Однажды Джесс и сама написала такую историю — о чрезвычайно противном персонаже, который жил в пещере, от пола до потолка выложенной костями незадачливых прохожих.

Но доктор Стэннард не походил на человека, хоть когда-то обитавшего в пещере. Может, его родители просто решили переоборудовать жилье? В этом случае им ежедневно приходилось прикладывать массу усилий, чтобы не сожрать почтальона.

Насколько помнила Джесс, ее собственный отец был вполне нормального роста. Мама молчала на этот счет, а потому девочка сделала свои выводы на тему его нынешнего местопребывания. Если бы кто-нибудь спросил, она бы пояснила,

что, увы, папу похитили инопланетяне и что подпольное правительственное учреждение — они же все подпольные — старается держать это в большом секрете.

— Джесс? — Это был доктор Стэннард.

— Да?

— Доктор попросил тебя снять перчатки, — подсказала мама.

— Ну да, — отозвалась девочка.

— Она витала в облаках, мамочка, — проговорил доктор. Он всегда называл маму «мамочкой». Звучало это по-идиотски. — Ты же витала в облаках, Джесс, верно?

— Ну вроде того, — ответила она.

— О чем ты думала? — поинтересовался доктор.

— О щенках, — ответила девочка.

Мама метнула на нее взгляд, говоривший: «Не знаю, о чем ты там думала, дорогая, но я готова поспорить на собственный дом, что никак не о щенках». Однако доктора Стэннарда ответ устроил.

Он взял Джесс за руку и, повернув ее ладонь с тыльной стороны на внутреннюю, отодвинул рукав блузы, чтобы осмотреть предплечье. Закончив с одной рукой, он принялся за другую.

— А это что? — спросил он.

— Что именно? — с невинной улыбкой произнесла Джесс.

— Что там? — встревожилась мама.

— Выглядит не очень, верно, Джесс? И даже весьма серьезно.

Мама склонилась над ее рукой вслед за доктором, и Джесс бросила взгляд на макушки двух взрослых, которые рассматривали обожженный участок ее запястья.

— Я почти ничего не почувствовала, — возразила она.

Ожог появился несколько дней назад. Мама была на кухне в задней части дома, а на улице поднялся крик. Господин Олмос, сосед из дома № 33, стоял на тротуаре и орал на почтальона, который, если верить соседу, в очередной раз не доставил

ему новенькую мороженицу. Почтальон попытался объяснить, что он не способен доставить товар, который еще не прибыл в его отделение, однако господин Олмос не желал ничего слушать. Разумеется, почтальон был неумелым дураком, а может, даже прохвостом, норовящим стащить у человека мороженицу.

Натянув колпак, Джесс открыла дверь, чтобы послушать. Окна нижнего этажа были затемнены, но отправляться на улицу девочке непременно нужно было в «глухом колпаке», как это называла ее мама. Господин Олмос нравился Джесс. Этот неугомонный человек способен был подхватить новое увлечение так же, как иные подхватывают простуду. Нынешний месяц был посвящен изготовлению собственного мороженого, в прошлом он учился играть на губной гармошке, а несколько недель назад предпринял попытку построить настоящую ракету у себя в палисаднике. Как подозревала Джесс, господин Олмос и сам испытал некоторое облегчение, когда она не сработала.

Наблюдая развернувшуюся сцену, девочка потянулась вниз, чтобы почесать зудевшую руку. Голую руку. Подскочив, она метнулась назад в дом и захлопнула за собой дверь. Джесс бросила взгляд вниз и увидела, где именно задрался рукав, обнажив гладкий участок белой кожи. Всего за несколько минут на солнце кожа там превратилась в целый выводок воспаленных волдырей.

— Что это было? — спросила мама, зайдя в прихожую.

— Господин Олмос сердился из-за мороженого, — объяснила Джесс.

— А, этот... — Мама покачала головой.

— Он мне нравится.

— Ты могла бы почистить картошку, — отозвалась мама, снова направляясь на кухню.

Джесс одернула рукав и обошлась без жалоб.

— Джесс, — произнесла мама, терзая пальцами выпавшую прядь своих волос, — если я не могу доверить тебе заботу

даже о твоей собственной безопасности... Я же не в состоянии ежесекундно следить за тобой!

— В этом нет необходимости.

— Ты вышла на улицу средь бела дня!

— Я же была одета.

— Не вполне.

— У меня рукав задрался, я ведь не нарочно.

— Прекрати говорить со мной в таком тоне!

— Никакого «такого тона» и не было.

Мама посмотрела на доктора Стэннарда, который следил за ними весьма выразительным взглядом, словно бы говоря: «Я вас понимаю», — отчего Джесс безумно захотелось огреть врача его собственным степлером.

— Что вы об этом думаете, доктор? — вздохнула мама.

— Я думаю, мамочка, ей следует вести себя осторожно. Причем очень осторожно.

— Ты слышишь, что говорит доктор, Джесс?

Девочка открыла было рот, чтобы ответить, чтобы прокричать им: это всего-навсего случайность, а так она *была* осторожна, она *всегда* осторожна! Но вместо этого Джесс просто сделала непроницаемое лицо и поднялась со своего места.

— Я могу выйти? — спросила она.

— Выйти куда?

— Погулять. Вам будет легче обсуждать меня в мое отсутствие. — Мамин взгляд вонзился в нее ножом. — Ну пожалуйста, — добавила Джесс.

— Тебе придется идти в глухом колпаке.

— Да знаю я. — Джесс схватила капюшон со стола, который вдруг показался ей пластиковым.

Мама, вздохнув, снова скользнула на сиденье своего стула.

— Тогда пять минут, — сказала она. — Не больше.

Джесс по-военному отдала честь — резко, язвительно, — и дверь, немного поболтавшись на петлях, захлопнулась за ней.

Надвинув на глаза очки, девочка нахмурилась: оранжевые стекла лишь чуточку приглушали белый свет. Беспомощная рисованная радуга делано выгнулась на одной из стен коридора. Мимо прошла санитарка, толкая перед собой инвалидную коляску, скрип которой напоминал щебетанье маленькой пташки. Сидевшая в кресле пожилая женщина окинула Джесс взглядом с головы до ног.

— Бедняжка, — произнесла она, проезжая мимо. — Все будет хорошо.

Джесс знала, что взрослых коробит от этого зрелища: она в глухом колпаке. Скорее всего, они просто не представляют, с чего вдруг ребенку нужно ходить в наряде, куда больше подходящем для пчеловода. В любом случае, люди прекрасно понимали, что перед ними *ненормальный* ребенок, а потому он *нуждается в сочувствии*. Джесс не испытывала нужды в чужом сочувствии. У нее было все необходимое. Во-первых, мама. Прекрасная мама — пусть даже она бесит и раздражает.

И, конечно же, истории. Только сегодня девочка дополнила очередным рассказом свою «Большую книгу сказок». Однажды этот сборник произведений принесет ей богатство и известность, после чего Джесс купит себе письменный стол поудобней, чтобы полностью отдаться своей мечте и написать «Самую большую книгу сказок».

Джесс несколько раз свернула, однако каждый последующий коридор почти ничем не отличался от предыдущего. Свет флуоресцентных ламп придавал помещениям сине-зеленый оттенок. Тут и там попадались ряды оранжевых пластиковых стульев, прикрученных к стенам. Девочка подошла к окну. Сквозь стекло прорывался поток солнечного света, и Джесс подставила под него свои перчатки, ощущая знакомую дрожь — жажды и страха.

«Я могу снять их», — подумала она, воображая, как рассвирепеет доктор Стэннард, если она это сделает. Футбольный мяч, ударивший в оконный переплет прямо перед ней, вырвал девочку из фантазий.

Пристально поглядев вниз, она увидела группку детей на дороге. Один из них, щуплый мальчишка, лазал по клумбам под стенами больницы и шарил в тамошних кустах. Его друзья бесцельно топтались тут же, разговаривая такими громкими голосами, будто стояли на разных концах улицы, а не рядом друг с другом.

— Скорее уже! — крикнула одна из девочек.

У нее были такие же светлые волосы с рыжеватым оттенком, как у мальчика.

«Его сестра», — решила Джесс. Тут под кустом вскрикнули, и оттуда вылез щуплый мальчишка с багрово-красными рубцами на руках — выглядел он таким же сдутым, как и мяч, который держал.

— Я же говорила, что будет, если ты по нему ударишь! — рявкнула девочка. — Иди домой за другим.

Мальчик начал было отпираться, но его быстро перекричали. Только после того как он помчался прочь, ватага отправилась дальше, к парку, куда и вела дорога.

В груди у Джесс зашевелилось знакомое чувство опустошенности — как будто кто-то орудовал там черпачком для мороженого. Девочка с рыжеватыми волосами остановилась и, отстав от других, опустилась на корточки, чтобы завязать шнурок. Джесс она показалась интересной. На ней была очень просторная одежда; ее джинсы протерлись, а на коленках были видны зеленые пятна от травы. Как бы отреагировала эта девочка, если бы Джесс решила с ней познакомиться? Каково это — провести с ними целый день, на солнце, пиная мяч, дразня друг друга и обсуждая все, что придет в голову? Джесс вдруг поняла, что улыбается, — эта улыбка напомнила ей пену газированного напитка: она пузырится, когда воду только что налили, а потом так же быстро тает. Потому что в тот самый момент девочка подняла голову и увидела ее.

Джесс подняла руку для приветствия, но девочка, стоявшая на улице, не шевельнулась и не помахала в ответ. В это же мгновение огрызок облака наплыл на солнце и Джесс уловила свое отражение в окне — увидела себя такой же, какой видела ее девочка с улицы. Осознала, что ее лицо скрывает маска, а рука, которой она приветственно махнула, затянута в плотную белую перчатку.

Джесс отскочила от окна, желая только одного: стать невидимой. Ее лицо и грудь раскраснелись, а в ушах пульсировала кровь. Неудивительно, что блондинка не помахала в ответ. Джесс даже и не выглядит девочкой. Она другая. *Странная.*

Из палаты напротив торопливо вышла медсестра с копной седеющих волос, которые напоминали проволочную мочалку, и двинулась дальше по коридору. Пока за ней закрывалась дверь, Джесс сумела углядеть лежавшего в палате мальчика. А потом вдруг нырнула туда, не забыв проверить, пусто ли в коридоре.

В палате никого не было, если не считать мальчика на кровати. Он выглядел ее ровесником. На тумбочке возле больного стояла ваза с желтыми цветами, а подоконник украшало несметное количество открыток с пожеланиями выздоровления. Джесс подняла одну из них и поставила прямо. На открытке был изображен завернутый в одеяло мышонок с большими ушами и градусником во рту. Сам мальчик лежал абсолютно неподвижно. К его телу тянулись трубки сразу из нескольких аппаратов. Мигали зеленые огоньки, а равномерное пиканье задавало гнетущий ритм. Джесс опустила жалюзи, затем приподняла свой капюшон и очки — «полуколпак». И тут же ее ноздри уловили запах пыльцы. Девочка опустила

голову и сделала глубокий вдох — так, чтобы аромат пересилил резкий больничный запах антисептика.

На тумбочке была фотография. Запечатленное на ней семейство стояло на хлипкой с виду поперечной дамбе, что протянулась через целое замерзшее озеро. На переднем плане виднелись покрытые льдом цветочные клумбы, а позади, чуть поодаль, возвышались заснеженные горные вершины. Лед серебрился на солнце, и Джесс вдруг почувствовала, как все напряглось и сжалось у нее в груди. Отогнав печаль, она обратила взгляд на мальчика.

Он выглядел почти таким же бесцветным, как и сама Джесс. Паутинки голубых сосудов просвечивали сквозь слишком бледную кожу на его висках. Грудь вздымалась и опускалась с едва различимым свистом. Парнишка был худым — куда тоньше, чем на фотографии. На ней он широко улыбался, глядя в объектив, а его родители, стоявшие по обе стороны от сына, смеялись над чем-то, что не попало в кадр.

Кто же он?

«Сын шпиона», — решила Джесс. Его папа... нет, его мама на госслужбе в одном из самых опасных мест в мире. Она говорит на восьми языках, обладает черным поясом по дзюдо и может сделать двенадцать обратных сальто подряд. Джесс казалось само собой разумеющимся, что такая мама наверняка натренировала сына и он должен пойти по ее стопам. В свои двенадцать лет он уже способен отстрелить пробку от бутылки со ста метров, управлять вертолетом и выжить в условиях дикой природы, имея всего лишь водонепроницаемую куртку и банку консервированной фасоли.

Как он оказался здесь? Ну это понятно. Его мама расследовала преступления коррупционеров на высшем уровне, и тут ее раскрыли. И послали агентов, чтобы те захватили ее семью; несмотря на то что она победила их всего лишь при помощи столовых приборов, лежавших в кухонном ящике, она не сумела остановить пулю, которая погрузила ее сына в кому...

Внезапно Джесс ощутила невероятную усталость и уронила лицо в ладони.

— Бедняжка, — наконец проговорила девочка; ее голос звучал так тонко и неестественно в этой тихой палате. — Наверняка ужасно лежать тут со всеми этими штуковинами, которые воткнули тебе в руки. И слышать только то, что говорят о тебе врачи и медсестры.

В какой-то безумный момент Джесс почти ожидала ответа от мальчика, но, разумеется, услышала всего лишь медленное прерывистое дыхание.

«Где ты сейчас?» — задумалась девочка.

Может, его разум уплыл куда-то в другие края? Видит ли он сны? Или просто ждет? Ждет какой-нибудь перемены, чтобы наконец очнуться?

Джесс перебралась на краешек койки и почувствовала, как под ее весом просел матрац.

— Я немного понимаю, как ты себя чувствуешь. Ну то есть насчет врачей. Я приезжаю сюда раз в несколько недель, и они всего-навсего говорят обо мне, о том, какая я и что они теперь будут со мной делать. И никто ни разу не спросил у меня разрешения — по-настоящему то есть. Знаешь, о чем я мечтаю? Я хочу, чтобы никогда и ни за что не было солнца. Ни для кого не было, и чтобы все были такими, как я. Это плохо, да? Хотеть, чтобы все остальные тоже жили во тьме? Что же — мне все равно, плохо это или хорошо.

Она сняла одну перчатку и потянулась вниз, чтобы взять мальчика за руку, почти ожидая, что и его пальцы сомкнутся у нее на ладони. Но ничего не произошло — пальцы мальчика были неподвижны и холодны.

«Какие холодные», — подумала Джесс. И вдруг в ней все затрепетало от ужаса. Как человек, в котором осталось так мало тепла, все еще жив? Хотя многие, наверное, спросили бы: неужели человек может жить вообще без солнца, как она?

— Я бы не стала так делать, — наконец произнесла Джесс. — Не стала бы превращать всех в таких, как я. Но мне

бы очень хотелось, чтобы было такое место, куда бы я могла пойти. Какое-нибудь безопасное место. — Она испустила долгий печальный вздох.

На кресле в углу лежала сумка. Коричневая, потертая кожа. Женская сумка — очень похожая на мамину. В ее открытой пасти примостились ключи, а это означало, что владелица сумки вышла из палаты совсем ненадолго. И почти наверняка уже возвращается сюда. То есть девочке нужно либо выбираться отсюда, либо рисковать и объясняться с хозяйкой сумки.

— Надеюсь, ты скоро очнешься, — прошептала девочка, склоняясь над парнишкой. Она откинула прядку светло-русых волос, упавшую ему на глаза. — А еще надеюсь, что до этого тебе будут сниться хорошие сны.

Петляя, Джесс вернулась к кабинету доктора Стэннарда, — ее мама уже стояла в коридоре.

— Я же сказала — пять минут.

Джесс кивнула. На этот раз спорить было бесполезно.

— Нам нужно подлечить твой ожог.

— Я же тебе сказала, что с ним все в порядке.

— Он ужасный, и ты знаешь это.

— Я не хочу.

— Но все равно придется. — Мама смягчилась. — Пойдем, малышка, это всего на минутку. Сначала к медсестре, а потом сразу домой.

«Опять будут разглядывать и щупать, — подумала Джесс. — Опять, опять и опять». Ей так это надоело! Так надоело! Нужно что-то менять.

Джесс лежала без сна, прислушиваясь к артритному скрипу лестницы, — мама уходила к себе спать. Через несколько минут свечение, пробивавшееся из-под двери ее комнаты, полностью угасло, но девочка все ждала. Свет уличного фонаря просачивался сквозь ветви деревьев за окном и отбрасывал тени на стену.

И только когда Джесс убедилась, что дом окончательно погрузился в сон, она позволила себе встать с постели и влезть в джинсы и футболку. Она крадучись спустилась по лестнице и замерла у входной двери, сама не веря в то, что собиралась сделать.

«Я думаю, мамочка, ей следует вести себя осторожно. Причем очень осторожно».

Девочка съежилась, вспоминая слова доктора Стэннарда. А затем повернула дверную ручку и вышла на улицу. Напряжение внутри немного ослабло, и вдруг Джесс почувствовала себя всего-навсего обычной девочкой в обычной одежде — девочкой, способной делать то, что ей хочется. Сердце бешено

забилось, и Джесс не сумела сдержать широкую улыбку, что расплылась на лице.

«Я вышла, — подумала она. — Я действительно вышла!»

Ночной воздух оказался липким и теплым, но когда легкий ветерок коснулся ее обнаженных плеч, Джесс поежилась. В зимние месяцы мама часто выводила ее погулять после наступления темноты, однако летом тьма опускалась поздно, когда Джесс обычно уже ложилась спать, и таких радостей не случалось. Девочка возражала, говоря, что правила нужно пересмотреть, однако мама посоветовалась с доктором Стэннардом, а тот пустился в долгие рассуждения о достоинствах полноценного ночного сна.

Джесс бросила взгляд назад — на свой дом, такой же, как и все остальные на их улице. Всего несколько ступеней вели к черной входной двери, над ней помещались два окна второго этажа, смотревшие на нее, словно пара глаз. Мамина комната располагалась слева.

«А что, если она проснется?» — вздрогнув, подумала Джесс. Можно, конечно, вернуться, это просто, однако вокруг целый город, который ей удавалось видеть только через тонированные окна машины или оранжевые стекла колпака. Но еще хуже, как город видел *ее*: странное существо, которое все разглядывают и о котором шепчутся.

Джесс медленно выдохнула и пристально посмотрела на дорогу: узкая полоска асфальта была зажата между двумя рядами стандартных кирпичных домиков, а на углу виднелся магазин. На нем красовалась ярко-голубая вывеска, которая должна была оживлять заведение, однако, напротив, делала его совершенно неприглядным.

«Достаточно далеко», — сказала Джесс. Она вышла среди ночи, так что это *достаточно* далеко. Но девочка все равно продолжала двигаться вперед, сквозь лабиринт домов, до самой Высокой улицы. В ее голове звучала барабанная дробь, ускоряясь и усиливаясь с ростом волнения, которое ей с большим трудом удавалось держать в узде.

Все магазины пребывали в спячке; ставни на окнах, мерклo отражавшие свет уличных фонарей, напоминали опущенные веки. Джесс понимала, что днем все здесь кишит людьми, однако в ночное время городок выглядел совершенно иначе. В глаза бросился мусор, которым были забиты сточные желоба, воздух переполняли ароматы жареной пищи и уксуса.

Джессика не удивилась пристальным взглядам: нечасто увидишь маленькую девочку на улице ночью, к тому же она была миниатюрна для своего возраста. Мужчина и женщина средних лет, державшиеся за руки, остановились, и Джесс с ужасом ожидала от них вопроса: а где же ее родители? Она не замедлила шаг и продолжила двигаться так, будто бы ее присутствие — дело совершенно нормальное, однако уверенности Джесс не испытывала. Проходя мимо этой пары, она почувствовала, как мужчина и женщина переключили внимание на что-то другое. Джесс улыбнулась самой себе. Все хорошо. Она почти невидимка.

Вестонский проезд вел под гору, от Высокой улицы до более приятной части городка. С одной стороны Высокой улицы располагались большие здания, с другой — перильные ограждения. За ними находился крутой откос, поросший невысокими деревцами и кустами. В самом низу располагался парк; фонари в нем отбрасывали причудливые тени на серую траву. Маленькое озерцо поблескивало, словно серебристо-черное зеркало.

Джесс положила ладони на прутья ограды — в душном воздухе они казались освежающе прохладными. С этого удобного места она прекрасно видела слабо освещенную детскую площадку, немного смещенную в угол парка — туда, где находились поля для спортивных игр. В этот поздний час она совершенно вымерла. Металлическое оборудование казалось голым, словно кости животных в пустыне, кем-то разбросанные, забытые и выгоревшие на солнце.

Калитка застонала, когда Джесс распахнула ее и зигзагами спустилась вниз по откосу. Усевшись на качели, она принялась раскачиваться вперед-назад; когда ее туфли скребли по земле, в воздух взлетали небольшие облачка пыли.

«Все-таки лучше, чем ничего», — решила Джесс, будто ее присутствие тут при свете фонаря способно было хоть как-то заменить то, что происходило здесь днем без нее.

Если постараться, она могла представить их себе — этих дневных детей. Они возникли перед мысленным взором Джесс так же легко, как персонажи ее историй, и она начала говорить вслух, описывая сцены так, словно зачитывала их из книги. Вон там, на доске-качелях, сидели брат и сестра — близнецы, если судить по виду. Женщина возле них — почти наверняка их мама: у всех троих одинаковые густые черные волосы. Два малыша заставили свою маму отшатнуться: они ринулись вперед, подражая звукам полицейской сирены. Женщина поджала губы и слегка покачала головой.

С другой стороны площадки девочка-индианка с улыбкой в тысячу киловатт по совету младшей подруги-блондинки карабкалась все выше и выше по лазалке; какой-то папаша впустую уговаривал орущего малыша съехать с горки; три мамаши рядком сидели на скамейке — все они одним глазом следили за детьми, а другим смотрели в свои телефоны. Вопли, крики и смех сливались в единый причудливый, но прекрасный хор. Этот беспорядочный чудесный вихрь оживлял площадку.

И вдруг перестал. Было темно и пустынно. Цепи, на которых висели качели, чуть дернулись и заскрипели на слабом ветру. Девочка умолкла.

Когда Джесс была маленькой, мама часто приглашала других детей в гости поиграть, но это всегда было непросто. Дружить с девочкой, которая не могла выйти на улицу и ни разу не была в школе, сложно. Джесс до сих пор не могла забыть тот день, когда все эти визиты завершились катастрофой: две так называемые подруги сказали, что придумали песню

специально для нее. Джесс расплылась в улыбке, радуясь, что им пришло в голову сделать для нее такое, и сгорала от нетерпения, пока они не начали петь.

Чудачка Джесс не ходит гулять,
Не может бегать и с нами играть.
Чудачка Джесс сидит взаперти,
Не может из дома чудачка уйти.

Они пели это снова и снова, пока глаза девочки не обожгли горючие слезы, но, казалось, гостий это только подхлестывало. По счастью, в конце концов мама услышала ее всхлипывания. С этого дня произошли сразу две перемены: во-первых, больше никто из детей не приходил поиграть, а во-вторых, Джесс больше никогда не плакала при посторонних.

«Именно такие дети и приходят сюда», — решила она. Наверняка они лазали по этому металлическому комплексу. Но ни разу среди ночи, как это приходилось делать Джесс. Дети видели совсем другую площадку — не такую, как она.

Донесся какой-то шум. Джесс остановилась, внимательно прислушиваясь. Ничего. Ничего, но у нее в затылке снова застучал барабан, как бы говоря: «Что-то не так, что-то не так». Оттолкнувшись, она спрыгнула с качелей и пристально посмотрела на узкую тропку между деревьями, что вела вверх, на основную дорогу.

Это путь домой. А вдруг там стоит кто-то и ждет, чтобы прыгнуть на нее?

«Что-то не так, что-то не так», — не унимался барабанный бой. По шее побежали мурашки, и Джесс поежилась — так, будто на нее налетел порыв ледяного ветра.

«Там может быть кто угодно, — думала Джесс. — Лиса или кролик. Или... непонятно кто... Кто-то, кто прячется и наблюдает». Этого девочке было достаточно — паника накрыла ее, словно наступающая волна, способная затопить лодку, и она стала искать другой путь к отступлению. Детская площадка

была плотно, почти без промежутков обсажена хвойными деревьями. Если протиснуться между ними, можно будет пробежаться к спортивным полям и подняться наверх с той стороны. Джесс поискала и нашла небольшую щель, в которую можно было проскользнуть.

Тошнотворный хвойный аромат заполнил нос и рот — деревья словно бы кричали на своем собственном языке, что к ним проник нарушитель. Их унылые зеленые пальцы царапали и кололи кожу девочки. В бой вступили даже иголки, выстилавшие землю возле деревьев, они громко хрустели в знак протеста, когда Джесс наступала на них. Защитив одной рукой лицо, другой девочка подхватывала и отодвигала в сторону ветви — она почти плыла к другой стороне живой изгороди.

Но выхода не было. Джесс оказалась в узком коридоре между деревьями позади нее и непроходимыми лавровыми кустарниками впереди. Она представила себе, как неизвестное существо двинулось вперед по площадке: оно, это склизкое ночное создание, тяжело переставляло влажные лапы. И снова порыв ледяного ветра, совершенно несвойственного летней ночи.

Джесс нужно было найти лазейку. Она двинулась по коридору и наконец, к счастью, нашла прореху в кустарнике. Ей нужно было только одно: пробраться по спортивным полям к другой стороне парка — и бегом, бегом на дорогу, по городку и в свою постель.

Она шагнула в прореху, а оттуда — в неизведанное.

6

В голове у Джесс заклинило: ее разум изо всех сил пытался обработать то, что было перед глазами, но — безуспешно. Спотыкавшиеся мысли замерли — они не в силах были вместить нечто столь странное и нелогичное. Затем разум медленно ожил, и на девочку нахлынуло ощущение чуда. Ибо в тот момент, когда Джесс оказалась в прорехе, мир вокруг нее изменился.

Во-первых, пропала луна. Она сияла еще несколько секунд назад, но теперь ее не было видно. Да и само небо оказалось совершенно другим. Такую знакомую темную скатерть, испещренную звездами, сменило крапчатое сумеречное небо, напоминавшее о самом замечательном закате на свете. Розовато-лиловое вдали, над головой небо приобретало темно-пурпурный оттенок. Раскиданные по нему облака светились по краям, несмотря на отсутствие солнца в вышине.

Во-вторых, ее предплечья покрылись гусиной кожей. Ночной воздух перестал напоминать бархатный бальзам, сменившись колючей пронизывающей стужей.

И наконец — это бросалось в глаза сразу, — все перед ней было белым и блестящим. Сделав несколько шагов вперед, Джесс уловила тихий хруст, доносившийся из-под кроссовок. Девочка посмотрела вниз и поняла: она идет по лужайке, но вместо травы на ней — лепестки инея. Оглянувшись, она увидела позади себя следы — треснувший лед.

Она находится в саду, поняла Джесс. Но этот сад полностью состоит изо льда. Правда, нельзя сказать, что он *покрыт* льдом, как случается морозным утром с обычным садом после ночного снегопада. Скорее, каждое дерево, каждый листик, камешек, цветок и росток травы полностью состоят из одного только льда.

Джесс закрыла глаза, ожидая, что мираж исчезнет, стоит только ей открыть их вновь. Но сад никуда не пропал. Он был всамделишным. Студеный воздух превратил ее дыхание в пар. Джесс вдруг ощутила внутри себя натянутую струну, вибрирующую на высокой ноте — между ужасом и счастьем.

У нее за спиной, насколько хватало взгляда, возвышалась огромная белая стена. Посередине виднелась узенькая прореха, через которую она прошла. Лед был прочным и до странности гладким на ощупь — казалось, он простирается на многие километры. Хотя, когда Джесс вышла через отверстие назад, с той стороны лед был толщиной всего несколько сантиметров. И вообще — по ту сторону все было по-прежнему: лавровый куст, а позади него ели. Все то же лето, а на небе — жирная луна. В сущности, все вокруг было... обычным. Но стоило снова пройти между кустарниками, мир тут же совершенно менялся. Это все равно что оглядывать машину, а потом обойти ее и понять, что на самом деле это слон. Оба мира казались абсолютно реальными, без подделок и световых эффектов.

«Такого быть не может, — решила про себя Джесс. — Это просто...» А что — просто? Как вообще можно объяснить то, что она видит собственными глазами?

Девочка осмотрела саму прореху и заметила, что на ветках кустарника начал нарастать лед, и теперь некоторые из

них свесились в стороны. Внизу, на земле, обнаружилась даже смятая банка из-под какого-то напитка — она застыла подо льдом, словно древнее насекомое в янтаре. На месте этой прорехи сошлись два мира — другого объяснения быть не могло. С одной стороны находится тот, что знаком Джесс, а с другой — нечто вроде ледяного сада.

Стояла полнейшая тишина — такая, что становилось жутко. В городе обычно доносится шум машин или гудение самолета на небе. Но тишь ледяного сада казалась столь же безупречной, сколь безупречным был сам его воздух. Сюда не просачивались звуки реального мира. И она здесь одна-одинешенька, вдруг поняла Джесс. Здесь никто не мог докучать ей.

«И никто не будет указывать, что делать», — подумалось девочке.

Джесс обхватила себя руками и потерла плечи, пытаясь хоть немного согреть их. На мгновение она задумалась: а не сбегать ли домой за пальто или свитером? Но ведь потом она может не найти это место. Или — что еще хуже — вдруг вход возьмет и закроется, пока ее не будет? Девочка засунула руки в самую глубину карманов и двинулась вперед по главной тропе, решив не обращать внимания на мелкие тропиночки, то и дело вливавшиеся в дорожку то с одной, то с другой стороны. Джесс заметила, что лед вокруг нее был неодинаково прозрачным. Цветы переливались разными оттенками, а в некоторых даже угадывался намек на определенный цвет. Она потянулась к земле и оборвала стебель — тот треснул, словно сосулька, отломанная от оконного карниза. Разглядев цветок поближе, Джесс поняла: он прозрачный, испещрен неровными, слабо сияющими бороздками. Она вдруг осознала, что задерживает дыхание, словно боится, что даже небольшая перемена способна рассеять это волшебство.

Чуть в стороне виднелся небольшой утес, и в надежде получше рассмотреть местность Джесс свернула к нему. Она немного поскользила у самого подножья, но потом извили-

стая тропинка стала более пологой и в конце концов привела на вершину. Теперь Джесс тяжело дышала, собирая вокруг себя клубы пара. На вершине лежал валун высотой с рослого мужчину.

«Ростом с доктора Стэннарда», — подумала Джесс, ощутив пронзительно-острый укол раздражения. С одной стороны валуна обнаружилось углубление — некое подобие сиденья.

«Трон», — решила про себя Джесс, усаживаясь и оглядывая виды.

Сад раскинулся вокруг нее, словно огромный участок загородного дома, но только все здесь блестело белизной и серебром. Местность пересекала паутинка извилистых тропинок. Тут и там огромные деревья стояли в одиночку, словно постовые, маленькие же сбивались в рощицы, словно о чем-то сплетничали друг с дружкой. Края сада обозначал лес, сдерживая и оберегая его.

Взгляд Джесс жадно обыскивал пейзаж, вбирая каждую деталь, и девочка начала давать имена вещам — так, словно все происходило в одной из ее сказок. Внизу, посреди цветочных клумб, стояло огромное дерево с изогнутым стволом; две ветки свисали вперед, словно руки.

«Старик», — мысленно постановила Джесс.

По другую сторону от Трона изящно скатывался вниз длинный уклон, поросший серебристой травой — имя Размах должно ему подойти. В реальном мире все те места, которые ты видишь, в которые ты едешь, кто-то уже давным-давно назвал. Однако ледяной сад был неизведанной территорией.

«Все может быть таким, как я захочу», — решила девочка.

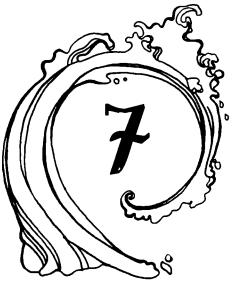
Внизу, у самого подножья Размаха, собрались разнообразные высокие кусты, объединенные в причудливый орнамент. Джесс поднялась и прищурилась, чтобы разглядеть получше. В тот же миг все формы слились в одну, и Джесс поняла, на что она смотрит.

— Лабиринт, — выговорила она. А потом закричала: — Лабиринт!

Девочка рассмеялась — внезапно и неудержимо. Она вытянула руки вверх и тут же, хихикая, принялась кружиться. В ее голове носились миллиарды мыслей и ощущений, оживших благодаря невероятному месту, которое ей удалось найти. Месту, которое было только ее — и больше ничье.

Но вдруг смех застыл в горле: Джесс увидела нечто новое, то, чего раньше не замечала. Она подошла к краю уклона. Земля здесь была твердой и гладкой, без намека на ледяную траву. На одном участочке ветер намел неглубокий сугробик. И в нем — в самой середине — был отпечаток ноги. Джесс смотрела, раскрыв рот: это был человеческий след. Но оставила его не она.

— Здесь есть кто-то еще, — обессиленно проговорила девочка, и легкий ветерок, словно бы в ответ, взметнулся и обнял ее.



«Большая книга сказок» не напишется сама по себе. Только из-за того, что Джесс занималась изучением нового невероятного мира, она не могла пренебречь своими обязанностями. Своим большим замыслом. Взяв в руки любимую ручку и несколько листов бумаги, девочка щелчком включила настольную лампу. Ей до невозможности хотелось просто взять и описать события прошлой ночи. Если удастся правильно подобрать слова и выражения для настоящего взрыва новых эмоций, тогда, возможно, получится осознать произошедшее. Но это ведь, конечно, невозможно? Как обычные закорючки на листе бумаги помогут понять нечто настолько невероятное?

Останавливало ее и кое-что еще: нарастающий и закипающий ужас, горячей желчью поднимавшийся откуда-то из желудка, когда Джесс вспоминала тот след.

«Я была не одна», — думала она. Там, в ее собственном обледенелом раю, был кто-то еще. Этот кто-то, возможно, даже следил за ней.

«Или все-таки нет?» — задавалась вопросом она.

А может, это вовсе и не был отпечаток ноги? Джесс вспомнила, как выглядели ее собственные следы: узор с подошвы кроссовок ясно отпечатывался на ледяной траве. А тот след был совсем другим — нечто вроде неясного очертания босой ступни на песке. Но кому придет в голову ходить босиком по такому месту, как ледяной сад? Но все равно от этого воспоминания по коже пробежали мурашки.

Джесс оглядела свою комнату в поисках вдохновения. Плотные шторы не пропускали ни лучика солнца. Она не могла открыть окна из боязни, что порыв ветра сдует шторы в сторону, а потому в углу, возле двери, был установлен все время жужжавший и булькавший передвижной кондиционер. Лампа над кроватью была закрыта серебристым экраном, немного сглаживавшим яркий свет. Стены были увешаны картинками, которые распечатала сама Джесс. В основном пища для ее воображения — высокие готические замки и густые темные леса. Но тут и там попадались снимки с изображением группы, которая нравилась ей в этот момент; белозубые улыбки и безупречные прически звезд тревожили ей сердце.

Однако сегодня ничего не помогало. Идеи отказывались приходить в голову, и Джесс оставалось только одно — тренироваться ставить подпись на первой странице. Важно было хорошо расписываться, чтобы подписать все свои книги, которые купят читатели. Девочка воображала, что они будут выстраиваться в очереди, придумывала мимолетные беседы — с детьми, которые будут рассказывать, как много для них значат ее сказки.

«Правда, когда я буду приезжать, им придется опускать жалюзи. Ну или мне придется ходить в „глухом колпаке“».

Эта тошнотворная мысль ударила, словно камень. Джесс ненавидела эти моменты — когда действительность шаровым тараном разбивала ее фантазии. От обдумывания этой мысли ее спас звонок в дверь, донесшийся с первого этажа, и жизнерадостный крик «Бонжур!» несколько мгновений спустя.

Большинству предметов ее обучала мама, однако некоторые уроки все же проводили приходящие учителя. Из всех них самой-самой нелюбимой была госпожа Агата Добсон, которая, родившись неподалеку от Суиндона[1], тем не менее упрямо говорила по-английски с французским акцентом.

Джесс неохотно поднялась и потащилась вниз по лестнице.

— Бонжур, Джессика, — сказала Мадам (так она велела себя называть).

— Джесс, а не Джессика.

— *En français, s'il te plait.*[2]

— Я не знаю, как по-французски «Джессика».

Мама нарочито откашлялась и метнула на девочку многозначительный взгляд.

От Мадам пахло так, словно она принимала душ из духов. Любой решил бы, что она объявила полномасштабную войну всем естественным запахам окружающего мира. Она была упакована в длинное, расшитое бисером платье, которое бряцало и клацало, пока Мадам мчалась по комнатам и усаживалась за кухонным столом. Джесс всегда занимал вопрос: если она так хотела, чтобы все думали, будто она из Франции, почему не сменить фамилию? На Д'Обсон, например. Джесс принесла учебник из стопки в прихожей, сделала последний глоток свежего воздуха и погрузилась в занятия. Но даже в течение последующего часа, наполненного лексикой и грамматикой, Джесс, как ни старалась, не могла удержаться от мыслей о предыдущем дне. Она, конечно же, думала об искрящихся серебристых деревьях, но вспоминала и о мальчике на больничной койке.

Она припомнила, какой холодной была его рука.

«Возможно, ему понравится сказка», — размышляла девочка. Хоть что-то еще послушает, кроме нудных речей доктора Стэннарда. Врачи любят изъясняться как можно заум-

[1] Суиндон — город на юго-западе Англии.

[2] По-французски, пожалуйста *(франц.)*.

ней, чтобы не задавали лишних вопросов. Именно так им и удается удерживать власть. Именно так они умудряются подчинять своим рекомендациям даже самых разумных и сообразительных людей, вроде ее мамы, и это несмотря на то, что дочь прекрасно знает, как для нее лучше. Сказка отвлечет мальчика от всего этого, пусть даже ненадолго.

— Джессика? Джессика! — Мадам погладила девочку по руке, которую та положила на стол.

— Извините.

— *«Excuzes-moi», s'il te plait!*[1]

Джесс посмотрела вниз, на учебник. Она не помнила, как перевернула страницу. На фотографии был запечатлен метеоролог возле карты. Что нужно было делать?

— Пожалуйста, Джессика, скажи: «солнечно».

— *Il fait beau.*

— Жарко.

— *Il fait chaud.*

— Холодно.

— *Il fait froid.*

— Идет снег.

— *Il neige.*

Il fait froid. Il neige...

«Мальчику понравится сказка». После того как Мадам ушла, Джесс снова удалилась наверх и попыталась сочинять. Для начала она задумалась о том, что́ именно может понравиться мальчику. Но из этого, конечно, ничего не вышло. Ей придется писать то, что хочется самой, чтобы сказка приобрела вкус и аромат ее собственного воображения.

Обратившись к бумаге, она глубоко втянула воздух. Ей необходимо избавиться от того, что отвлекает. Джесс мысленно представила себя в тот момент, когда она обнаружила вход в ледяной сад, правда, теперь он находился за затейливыми железными воротами. Она закрыла их на замок и положила

[1] Говори «извините», пожалуйста! *(франц.)*.

ключ в карман — до лучших времен. Позади нее обнаружилась еще одна дверь — в палату мальчика; она ее тоже закрыла, понимая, что вскоре увидит это место на самом деле. Завершив «железный» ритуал, она смогла приступить к творчеству.

Джесс начала сагу о портном, который вдруг обнаружил, что вся сшитая им одежда разваливается на куски, стоит лишь кому-нибудь сказать слово «апельсины». Он пробовал использовать различные ткани, разнообразные нити и даже другую швейную машинку, но все без толку: как только кто-нибудь, оказавшись поблизости от его творений, произносил роковое слово, все стежки сами собой исчезали, а платья превращались в кучу тряпья. Джесс писала быстро, и ее красные чернила покрывали страницу завитками и точками.

У сказки был аромат цитруса и специй. Ее герои проводили свои дни в спорах и хохоте — и все это они делали так громко и с таким жаром, какого не встретишь в дождливой английской действительности. Они жили свой век под палящим солнцем Ближнего Востока. Джесс остановилась. Как ей удастся описать это? Как ей удастся передать читателям *ощущение* солнечного тепла? Она уставилась на страницу, ожидая, что на ум придет хоть что-то. Пальцы сжимали ручку все сильней и сильней, пока не вспухли и не покрылись красными пятнами. В глазах щипало от слез, и она прикусила губу — так, что стало больно. Никуда ей от этого не деться. Никуда не спрятаться от этой болезни, даже в собственных сказках.

Джесс изо всех сил пыталась вернуть привычный ритм дыхания. Это ей удалось.

«Дождь лил уже несколько месяцев, — писала она. — И люди решили, что это никогда не закончится». Вот так-то лучше.

Как только сказка была завершена, Джесс откинулась на спинку стула и внимательно посмотрела на четыре страницы, покрытые беспорядочными каракулями. Сказка получилась короткой, решила Джесс, но хорошей.

В дверь постучали, и спустя мгновение в комнату просунулась голова мамы — с надутыми щеками и глазами в кучку. Джесс попыталась сдержать смех и громко фыркнула. Мама широко улыбнулась в ответ.

— У тебя все хорошо, малышка? — спросила она.

— Только что написала новую сказку.

— Можно мне ее прочитать?

— Когда... — начала Джесс.

— ...вся книга будет готова, — закончила за нее мама. — Знаю. Знаю. — Она покачала головой. — Ладно. Мне нужно, чтобы ты собралась.

— Собралась — куда?

— На улицу.

— Куда мы идем?

— Узна́ешь, когда мы туда доберемся.

— Глухой колпак?

— Глухой колпак.

— А это обязательно? — Джесс поморщилась, услышав собственный заунывный тон.

— Не будь такой, ты ведь не знаешь, куда мы.

— Мне там понравится?

— Давай, а то опоздаем.

— Скажи, куда, — настаивала Джесс.

— В больницу.

— Но мы же вчера там были!

— Но ведь у тебя же раньше не было такого ожога, верно? — Мама кивнула на повязку у Джесс на запястье.

— Так значит, ты знала, что нам нужно идти в больницу еще раз?

— Доктор сказал, что нужно, когда ты пошла погулять.

— Но ты мне ничего не говорила!

— Нет, потому что мне не хотелось иметь дело с таким настроением целых двадцать четыре часа.

Кровь у Джесс вскипала, словно капли воды на электрической плитке. Она сжала губы и постаралась прожечь дыры

в мамином лице, пользуясь лишь уничижительной силой своего взгляда.

Мама вздохнула.

— Ну прости, ладно? Я должна была сказать. Знаешь, а ведь мне нравится это не больше, чем тебе. — Она сменила тактику, и голос ее стал жестким, как наждак. — Джессика, твое запястье превратилось черт знает во что. За ним нужно наблюдать и менять повязку. Поехали сейчас же, или опоздаем.

Джесс неохотно поднялась.

— И прости меня. Малышка, мне правда жаль.

Мама протянула руку, и спустя мгновение Джесс вложила в нее свою. Они еле заметно улыбнулись друг другу, не подозревая, до какой степени похожи выражения их лиц.

Когда они уже выходили из комнаты, Джесс прихватила страницы «Незадачливого портного» и на ходу сунула их в пластиковую папку с кнопкой. У нее будет возможность поделиться сказкой со слушателями раньше, чем она рассчитывала.

Как же ускользнуть? Эта мысль билась у Джесс в голове, пока сестра обрабатывала ожог. Раны оказались мерзкими и мокнущими, а руки сестры, обтянутые резиновыми перчатками, делали больно, однако Джесс старалась не морщиться.

Как только процедура закончилась, Джесс вслед за мамой пошла назад по лабиринту коридоров. Если так все пойдет и дальше, Джесс придется забрать сказку с собой назад, а в этом ничего хорошего не было. Мальчик с радостью послушает ее, думала Джесс, даже если не сможет ничего сказать в ответ.

«Думай, Джесс!» — сказала она себе.

Ей ведь удалось обнаружить неизведанный волшебный мир, значит, она наверняка сумеет придумать, как улизнуть ненадолго. Разумеется, можно сказать все как есть, но мама, вероятно, решит, что это глупости, и история закончится, так и не успев начаться. Джесс может сказать маме, что ей нужно в туалет, но это освободит слишком мало времени. Никаких идей у Джесс не возникало, и они уже были почти у лифта, когда вдруг из маминого кармана донесся пронзительный звук. Мама ответила на звонок; услышав, что голос ее зазвучал

чуть ниже и чуть протяжнее, Джесс тут же поняла, что это по работе.

— Прошу прощения. Вообще-то я сейчас в дороге. Я могу вам перезвонить, как только приеду домой. Это будет минут через двадцать.

Джесс начала мотать головой и продолжала это делать, пока не испугалась, что голова вот-вот отвалится.

— Что? — одними губами спросила мама.

— Поговори спокойно, — прошептала Джесс в ответ. — Все нормально.

Мама сморщила губы, и складочки вокруг них собрались в букву «дельта» — Джесс это обожала.

— Все нормально, честное слово, — прошептала девочка.

Мама кивнула.

— Впрочем, я могу поговорить прямо сейчас.

Джесс поспешила в палату мальчика; когда вокруг никого не было, она пускалась почти бегом, а когда кто-то проходил мимо, замедлялась до шага. Она подумала, что даже без колпака представляла бы собой странное зрелище. Девочка постучала в дверь и, когда никто не ответил, засунула голову в палату. Мальчик был один. Все осталось по-прежнему, кроме фотографии, которая упала стеклом вниз. Поправив ее, Джесс опустила жалюзи и придвинула тяжелый деревянный стул, стоявший в углу. Затем она сняла капюшон.

— Здравствуй еще раз, спящий мальчик, — сказала Джесс, вынимая листы из пластикового конверта. — Я принесла тебе кое-что.

Она откинула со лба мальчика светло-каштановое крылышко волос. У него было сердцевидное лицо с высокими острыми скулами, усыпанными веснушками. На веках проглядывала целая дорожная карта из бледных пересекавшихся сосудиков. Джесс уселась рядом с ним и принялась читать.

— «Жил да был один портной, — начала она, — его одежда была самой лучшей во всей стране. Поговаривали, будто его платья способны сделать красавицей самую невзрачную

женщину, а костюмы — превращать заурядных мужчин в настоящих принцев. У него была только одна сложность, и эта сложность была связана с фруктами...»

Читая сказку вслух, Джесс вдруг поняла, что способна видеть героев и места действия так же отчетливо, как реальный мир. Она рассказала мальчику о сердитом продавце овощей и фруктов, который в итоге оказался в своей лавке совершенно голым и так пригрозил портному, что тому пришлось бежать из города. Долгие годы портной скитался по свету в поисках места, в котором никто не слышал об апельсинах. В конце концов он прибыл на остров, где была настолько плохая почва, что ее не возделывали. Тамошние жители ели одну только рыбу. Именно такое место и искал портной. Он открыл новое ателье, и, хотя у островитян не было зубов из-за того, что они никогда не ели овощей и фруктов (и особенно апельсинов), они прослыли самым модно одетым народом в мире.

— А портной был счастлив, — завершила Джесс, — потому что все любили его.

Девочка склонила голову. Ее дыхание звучало в унисон свистам и хрипам, которые издавал мальчик. Мониторы пикали, рассказывая свою собственную историю.

— Помнишь, о чем я тебе говорила? — прошептала Джесс. — О моей мечте, чтобы в небе не было солнца? — Она напряглась, потому что за дверью, по коридору, приближались чьи-то голоса, но они скоро утихли. — Я нашла одно место, — продолжала девочка. — Я не знаю, как и почему, и вообще не понимаю, что это, но я нашла одно место. Прекрасное место. Мой ледяной сад.

Поднявшись, девочка взяла с подоконника открытку. Внутри было написано:

Дейви, мальчик мой!
Прекрати лениться и просыпайся.
С любовью,
Дядя Джейми

— Дейви, — произнесла Джесс, словно пробуя его имя на вкус. — Тебе понравилась сказка? Если хочешь, я могу принести тебе еще одну. Я знаю, ты тут, ты слушаешь. И понимаю, что ты немножко похож на меня. Тебе тоже не дано решать, что с тобой будет. Поэтому... — Говоря это, Джесс чувствовала себя по-дурацки, однако ощущала, что поступает правильно. — Поэтому мы друзья. Я приду навестить тебя еще раз. Обязательно. И принесу тебе еще одну сказку, Дейви. Я снова приду к тебе.

Джесс не придумала его. Она понимала, что не придумала. Но, несмотря на это, когда она пересекала детскую площадку и пробиралась сквозь ели, она никак не могла отделаться от боязни, что сад каким-то образом взяли и отняли у нее.

«Пожалуйста, будь на месте, — мысленно умоляла девочка. — Ну пожалуйста».

Джесс шагнула в прореху живой изгороди — и в ледяной сад. Летняя ночь мгновенно обратилась стужей, от которой защипало ничем не прикрытую кожу лица. Ей казалось, что это мгновение должно принести какие-то более сильные ощущения. В момент пересечения границы она должна была испытать головокружительный восторг или увидеть ослепляющую вспышку, но ничего такого не произошло. Напротив, переход из одного мира в другой оказался простым и будничным, словно высадка из автобуса.

Джесс глубоко втянула морозный воздух, впуская стужу в нос и легкие. Воздух был свежим, прозрачным и чистым, как хрусталь. Пурпурное небо исчертили ребра бронтозавра — белые облачка.

Девочка надела зимнее пальто, тайком вытащенное из стенного шкафа непосредственно перед побегом, и вынула из карманов перчатки. На мгновение всплыл затхлый запах влажной шерсти, а потом исчез. Она набросила на плечи маленький рюкзак, в котором поместились бутылка воды и пакетик шоколадного печенья. «Будь готов!» — как говорят у скаутов. Джесс не была скаутом, потому что не могла бегать туда-сюда на свободе в дневные часы, но это вовсе не означает, что не надо следовать хорошему совету, если его тебе дали.

В этот раз девочка двинулась по другой тропе — той, что пересекала волнистую поляну ледяных цветов. Покрытие напоминало гравий — маленькие кубики хрустели под ногами. В этот, уже второй, визит сюда удивления у Джесс не уменьшилось. Пожалуй, на этот раз она могла видеть и понимать гораздо больше и даже не пыталась сдерживать радостную улыбку.

Ей страшно хотелось добраться до леса, который она углядела за день до этого, стоя у Трона. Идти было не особенно тяжело, однако сад был куда больше, чем ей казалось, так что вскоре, несмотря на стужу, одежда начала липнуть к коже. В конце концов добравшись, Джесс помедлила минутку, а потом устремилась в чащу.

Окружавшие ее белые стволы были украшены изящной серебристой листвой. Сияющие сферы свисали с веток, словно цветные рождественские шары.

«Это фрукты, — вдруг поняла Джесс. — Ледяные яблоки».

Лес оказался не просто лесом, это был фруктовый сад. Потянувшись, она сорвала с одной из нижних веток светящийся желтый мячик. Помедлила — Джесс прекрасно знала, что нельзя есть малознакомые дикие плоды.

«Да ладно», — решилась девочка и надкусила фрукт.

Боль пронзила передние зубы и отозвалась где-то в мозгу.

«Что же, — подумала она. — Плохая идея. Холодное. Слишком, слишком холодное».

Чтобы не кусать, Джесс отделила верхнюю часть оболочки и увидела внутри целый бассейн сияющей золотой

жидкости. Девочка выпила ее, откинув голову назад. Сначала, когда жидкость стекала по горлу, ее обожгло холодом, но вскоре это ощущение сменилось странным теплом, которое разлилось по всему телу до самых кончиков пальцев.

Плутая меж деревьев, Джесс выбрала еще несколько фруктов; она надламывала их и окунала пальцы в жидкость, чтобы попробовать вкус. Темно-голубые отличались терпким резким вкусом, а красные немного отдавали лакрицей. Вскоре Джесс начало мутить, а во рту появилось ощущение вязкости. Девочка громко рыгнула — ей стало немного полегче, и она рассмеялась.

«Так бы рыгнуть в присутствии мадам Д'Обсон или доктора Стэннарда!»

Поднялся легкий ветерок. Он цеплялся за края ледяных листиков и заставлял их петь. Они тихо посвистывали — так, будто кто-то водил мокрым пальцем по краям стекла.

Из подлеска внезапно донесся какой-то шелест. Джесс испуганно отпрыгнула назад. И вдруг из-под широкого листа показался усатый нос. За ним появилось пухлое мохнатое тело — каждая прядь шерсти состояла из сверкающего инея. Размерами и телом зверек походил на мышь, однако уши у него висели и были слишком большими, даже волочились по земле. Он не сводил с Джесс своих сапфирово-голубых глаз.

— Привет, — сказала Джесс.

Существо понюхало воздух, вдыхая ее незнакомый запах.

— Ты кто же такой, малыш? — спросила девочка. Но в ледяном саду у всего появлялись названия только после того, как она их придумывала. — Слономышь, — решила она. — Отныне я нарекаю твой вид слономышами.

Зверек тонко пискнул, словно в знак согласия, и Джесс восторженно рассмеялась. Он начал нюхать землю и в конце концов остановился возле ледяного яблока; разорванное и обнаженное, оно лежало на земле. Жидкость уже замерзла, и мышка начала обкусывать ее и отгрызать своими передними зубками — острыми, словно иголки. Джесс отломила кусок от

плода, который был у нее в руках, и очень медленно положила на землю. Так же она отделила и еще несколько ломтиков — теперь у зверька была целая тропка, по которой можно было пройти. Девочка отошла на несколько шагов назад и приняла ждать.

Уловив аромат все еще жидкого нектара, сочившегося на заледеневшую почву, существо резко вскинуло голову. Несколько секунд оно не сводило глаз с девочки, при этом ковыляя вперед и волоча по земле уши, а потом сожрало первый кусок плода. Существо двинулось дальше, не в силах совладать с собой, уничтожило по очереди все кусочки и остановилось прямо у ног Джесс. Это был момент истины. Едва осмеливаясь дышать, девочка стащила с руки перчатку и потянулась вниз. Кончики мышкиной шерсти торчали в разные стороны. От мимолетного прикосновения в пальцы ударило холодом, и, к разочарованию Джесс, зверек пустился бегом; он выписал зигзаг и дал деру.

— Нет! — крикнула Джесс. — Я не собираюсь тебя обижать! Глупышка!

Слономышь домчалась до колючего ограждения и устремилась ввысь. На спине расправились два хрупких стрекозиных крыла, а уши животного растопырились в стороны, чтобы их обладательница легко парила и спускалась на землю. Джесс завопила от восторга.

— Да ты летучая слономышь! — крикнула девочка и слезла вниз по склону вслед за зверьком.

Джесс неслась между деревьями, то и дело замечая, как зверь скрывается, а потом мчится вперед. Девочка смеялась на бегу, огибая углы и перепрыгивая корни.

Затем вдруг земля исчезла, и Джесс, скользя, затормозила на краю громадной расселины. Ступни сползли вниз, и она, кувырнувшись, упала на твердый, точно бриллиант, лед; падение выбило весь воздух из груди. Девочка шлепнулась на спину, судорожно дыша и глядя на лиловое небесное покрывало.

Джесс с трудом поднялась. Перед ней лежало глубокое ущелье шириной метров сто; оно тянулось в обе стороны,

образуя ров вокруг всего сада. Девочка поглядела в яму, но дно ее скрывала тьма. Она подняла ледяной камень, швырнула его вниз и прислушалась. Ни звука. Если бы она укатилась вниз, сколько бы пришлось лететь?

«Вечно», — подумала Джесс, и по ее коже побежали мурашки.

Края обрыва соединял узенький мостик из инея. На вид он казался не прочнее кондитерской глазури. С одной стороны его ограничивали изогнутые перила, однако на полпути они обрывались. Дорожка, спускавшаяся с моста на противоположной стороне, вела в густой лес. Бессчетное множество стволов, веток и лоз сплетались и обвивались друг вокруг друга. Лед, такой блестящий и прекрасный внутри сада, там выглядел блеклым и недозволенным. Джесс поежилась.

Ее посетила незваная мысль. Откуда тут взялся мост? Мосты строятся людьми. Но ведь и сады тоже выращивают люди...

Размышления Джесс прервало тонкое пиканье, исходившее от запястья.

«Уже?»

В первый визит Джесс, к своему большому сожалению, узнала: в отличие от других волшебных миров, описанных в книгах, в ледяном саду время бежало так же быстро, как и везде. Тогда она надеялась, что здесь можно провести сколько угодно времени, а после возвращения домой окажется, что прошло всего несколько минут. Увы, не тот случай. Оказавшись тогда дома, девочка обнаружила, что уже почти утро, так что на этот раз она установила будильник.

Оглянувшись, Джесс заметила приближающееся движение. Или что? Фигуру, бегущую среди деревьев? Джесс снова посмотрела на мост. Если тут, в саду, действительно кто-то есть, мост — ее единственный путь к отступлению. Однако по другую сторону — лес...

«Я не смогу туда пойти», — подумала Джесс.

Вот опять! На этот раз она была уверена. Темная рябь позади ледяных стволов и резкий хруст. Сердце в груди Джесс начало отбивать бешеный ритм.

— Здравствуйте? — тихо произнесла она.

Это упал плод? Хрустнуло дерево? Если полить лед водой, он тут же начнет шипеть и трещать изнутри — возможно, звук был именно таким.

«Или как если бы кто-то наступил на ветку», — решила девочка.

Джесс направилась назад, к сердцевине сада, теперь она не сомневалась, что за ней следят. Стужа пробрала ее до самых костей, и девочка, поежившись, ссутулилась. Постоянно поглядывая по сторонам, она торопливо двинулась меж деревьев. Внутри нее клокотал ужас, грозясь вырваться наружу. Наконец ей удалось выбраться на открытое место. С вершины холма Джесс видела стену, уходящую в лиловые небеса, а там, в самой середине, узкую щель — выход в ее мир. Казалось, что прореха очень далеко, гораздо дальше, чем прошла Джесс. Неужели сад стал больше или это просто шутки разума?

Решение было только одно.

Джесс пустилась бегом.

Девочка неслась с бешеной скоростью, переполняясь страхом. Она сбежала вниз по склону, промчалась по основной тропе, огибая цветочные клумбы, и ни на секунду не останавливалась, пока не оказалась у прорехи. Джесс положила руку на ее внутреннюю часть, ощущая, как лавровые листики колют холодную кожу ладони. Настоящие листья, не ледяные. Девочка оглянулась. Сад казался девственно-чистым и тихим, как обычно.

Но Джесс, ощущая, как сжимается все внутри, увидела: он не был пустым.

На выступе далекого холма стояла темная фигура. Девочка была права. Кто-то следил за ней все это время.

Следующий день будто бы задержал дыхание. Город укутало душное покрывало жары. Дома у Джесс ртутный столб не прекращал расти; в конце концов маме все же пришлось растворить окна настежь и раздвинуть бóльшую часть занавесок.

— Нам нужно впустить хоть какой-нибудь воздух, — объяснила она, — а то зажаримся.

Пространства для Джесс осталось меньше обычного. Она ослабила воротник и принялась как можно тщательнее обмахиваться «Большой книгой сказок».

Занятия, как всегда, состоялись. По плану были математика, история и география. Треугольники, викинги и пойменные озера. Мама никак не могла сосредоточиться и несколько раз умолкала, чтобы промокну́ть пот, собиравшийся у ключиц.

— Когда уже Рождество! — не выдержала она.

— А в этом году у нас будет живая елка? — спросила Джесс.

— Как только похолодает, будет все, что хочешь.

После сандвичей на обед мама устроилась за кухонным столом. Она работала в рекламном агентстве, которое делало листовки, брошюрки и руководства для клиентов. Ее задача состояла в том, чтобы обратить неясный поток слов, который ей пришлют, в то, что, возможно, кто-то прочтет с интересом. Сегодня мама придумывала листовки для новых сотрудников какого-то банка.

«Добро пожаловать в нашу семью!» — гласила рекламка.

От этой работы у мамы вскипал мозг, как порой говорила она сама.

Джесс поднялась наверх, собираясь посочинять что-нибудь, но идеи опять не приходили. Кончик ее пера уткнулся в бумагу — и не двигался. Маленький кружочек красных чернил просочился меж волокнами бумаги и расплылся.

«Это для Дэйви», — напомнила себе девочка.

Дэйви. Он прикован к больничной койке и очень хочет оказаться в каком-нибудь удивительном волшебном мире. Джесс может это сделать. Только нужно написать сказку.

Девочка вообразила, что у нее в голове — пустая белая комната, и в каждой стене по входу. Обычно когда она так поступала, кто-то да входил в одну из дверей. Этот кто-то мог быть причудливо одет или приносил что-то с собой. Если приходили двое, они почти наверняка начинали беседу. И вскоре белая комната меняла форму и превращались в нечто совсем иное. Начиналась история. Однако сегодня в комнату никто не пришел.

Напротив, разум Джесс вернулся в минувшую ночь. Она торопливо шла домой по улицам городка, кожу пощипывало. Кто-то обнаружил *ее* убежище. Кто он? И чего ему надо?

Это ведь ее сад, верно? Джесс ощутила, как запылали щеки. У других есть целый мир — играй где хочешь; но ей в этот мир нельзя. Как он осмелился вот так просто взять и войти? И как она решилась взять и запросто отдать сад? Будто бы вломилась именно она, а не кто-то еще.

Но Джесс была напугана, и именно это мешало ей больше, чем все остальное. Напугана. Напугана — как в ту ночь, когда бежала от теней на площадке, как в тот момент, когда глядела на расселину в ледяном лесу, как всегда, когда ездила в больницу. Может быть, она не заслуживает ледяного сада? Возможно, чужак явился сообщить, что ей нельзя больше приходить туда.

Ее мысли напоминали гладкие камешки, брошенные в бассейн. Они оставляли круги на поверхности и падали на дно, тяжелые и непрошенные.

— Джесс! — раздался снизу окрик, и девочка услышала, как кольца занавесок скребут по карнизам. — Глухой колпак. Поскорее, пожалуйста.

Колпак сегодня напоминал переносную печь. Мама и дочка торопились на другую сторону дороги, где среди соседских автомобилей была с трудом втиснута их машина.

Оказавшись внутри, Джесс стянула колпак. Двигатель немного покашлял, а затем настроился на размеренный гортанный рокот. Мама нажала на кнопку кондиционера и пустила его на полную мощность. Через несколько мгновений по салону зазмеился приятный ручеек прохладного воздуха. Джесс откинулась на спинку своего сиденья и вздохнула.

— Я больше не могла оставаться в этом доме, — наконец произнесла мама.

Они сидели бок о бок, смакуя падение температуры градус за градусом, пока наконец впервые за день не ощутили настоящую прохладу. Мама потянулась к кондиционеру, чтобы выключить, но Джесс тихонько коснулась ее вытянутой руки и покачала головой. Холодный воздух напомнил, как она стояла на Размахе и ледяной ветерок дул ей в лицо.

— Ну, мы не можем сидеть здесь весь день, — в конце концов проговорила мама.

Она дернула рычаг переключения передач и долго передвигала его туда-сюда, чтобы выбраться на свободную дорогу.

Центр городка был почти пуст. Они переезжали бессчетные ограничители скорости, а из приемника лился бесконечный поток речей. Они ехали прочь из города, мимо скопления складов из рифленого металла, офисных зданий, мимо сверкающего торгового центра с огромным супермаркетом и магазинами одежды.

— Обожаю эту песню! — завопила мама, увеличивая громкость.

Она начала подпевать — то фальшиво, то стройно. Джесс не сумела сдержать смех, и вскоре обе закатывались так, что даже пришлось затормозить.

А вокруг раскинулся пригород. Переулки были утыканы кустиками. Позади — поля, что заросли золотистыми стеблями, тянувшимися все выше и выше вверх. Пьянящий аромат пыльцы проникал даже через кондиционер и распространялся по салону. Но, разумеется, все было немного в тени — словно они смотрели через солнечные очки. В ответе за это были специальные тонированные стекла машины.

Машина описала изгибистый круг и въехала в городок с другой стороны. Дома тут были огромными: большущие здания, спрятанные за автоматическими воротами.

Джесс узнала дорогу. Она подалась вперед на своем сиденье — мама, разумеется, вырулила на Вестонский проезд. Двигатель заворчал, когда они начали взбираться на холм, и Джесс повернулась в сторону парка. Несколько человек лежали на траве: одни в тени огромных буков, другие — подставляя лица солнцу. Детская площадка была почти пуста, только однаединственная женщина качала малыша на качелях. Джесс радовалась, что больше никто там не играет. Радовалась, что не пришлось завидовать.

Они затормозили у пешеходного перехода на полпути к вершине холма. Джесс чуть не ахнула. Отсюда открывался прекрасный вид на хвойные деревья, окружавшие площадку, и на лавровый куст прямо за ними. Девочка увидела прореху, через которую можно было попасть в ледяной сад. Отверстие

казалось таким крошечным, таким неприметным! По другую сторону от него располагалось футбольное поле, все в рытвинах, расчерченное полустертой белой краской. Кому могло прийти в голову, что это дорога в иной мир? В мир ледяных яблок, Старика и летучей слономыши! В мир, который видела только Джесс!

Мысли словно пошатнулись и рухнули. *Чужак*. Чужак тоже видел его.

Машина затормозила на светофоре возле больницы. Джесс напряглась и посмотрела на маму.

— Не волнуйся, — вздохнула та. — Мы туда не пойдем. И я вовсе не собиралась заманить тебя сюда.

— А можно?.. — Слова слетели с губ девочки еще до того, как она решила, стоит их говорить или нет.

— Можно — что?

— Пойти туда.

— Что, сегодня ты *хочешь* в больницу? — На светофоре зажегся зеленый, и мама затормозила у края тротуара. — Обычно мне приходится волочь тебя силой — ты брыкаешься и верещишь.

— Это преувеличение.

— А зачем нам туда? Мы не записывались. — Темная тень тревоги промчалась по лицу мамы. — Или... тебя беспокоит ожог? Стало хуже?

— Там есть один мальчик, — ляпнула Джесс. Мама открыла рот, но оттуда не вылетело ни звука. — Ну, в общем, я познакомилась с мальчиком.

— Ты познакомилась? Хорошо. Ну, то есть... Что ж. Я не ожидала... Ты познакомилась с мальчиком?

— Ну не совсем познакомилась.

— Не совсем?

— Он спит.

— Так.

— Без сознания то есть. Он болен. Я нашла его палату — вроде как случайно.

— И когда же ты это сделала — «вроде как случайно»?

— Два дня назад. А потом, вчера, зачитала ему одну из своих сказок. Ему понравилось, мне кажется. Хотя, разумеется, он не может сказать, как на самом деле.

— Потому что он без сознания.

— Точно.

У мамы было такое лицо, словно она вообще ничего не понимает.

— Ну и?

— Что — ну и?

— Можно мне навестить его?

— Джесс, нельзя просто так бродить по палатам других больных!

Девочка почувствовала, как покалывает кожу на лице. *Других больных*. Она больная даже для собственной мамы!

— Я просто хочу посмотреть, как у него дела. Мы же совсем рядом. Я читала, что это хорошо для таких людей, как он.

— Что хорошо?

— Когда с ними разговаривают.

— Я уверена, что у него полно родственников, которые с ним разговаривают.

— Но они же не пишут такие истории, как я.

Мама нахмурилась:

— Я могу спросить доктора Стэннарда. Полагаю...

— Нет! — почти крикнула Джесс. — Нет, — повторила она несколько тише, — это необязательно. Все нормально. Не можем же мы спрашивать его разрешения по любому поводу!

Они отъехали от тротуара, и Джесс уже подумала, что просьбы были напрасны, но спустя пару секунд машина свернула на парковку.

— Здравствуй, Дэйви, — сказала Джесс.

Мама разрешила ей заглянуть в палату на пару минут. Джесс с удовольствием заметила, что «Незадачливый портной» по-прежнему лежит на тумбочке у стола. Она напишет еще одну сказку, как только сможет. Девочка пошла за стулом, но тут дверь скрипнула и в палату вошла женщина. Джесс сразу же узнала ее по фото. Однако она так же разительно отличалась от изображения на отпускной фотографии, как и мальчик. Смешинки ушли напрочь, а вместо них под глазами повисли багровые мешки.

— Что ты... — начала она. Ее голос звучал тонко и жестко. — Тебе сюда нельзя.

— Простите, — ответила Джесс, спуская капюшон к груди.

Обе продолжали стоять на месте.

— Тебе сюда нельзя, — повторила женщина. Она говорила с мягким акцентом, повышая тон к концу фразы.

— Я пришла к Дэйви. Проведать его.

— Откуда ты знаешь Дэйви? Он здесь ни с кем не знаком, мы только успели переехать — и тут... и тут... — Ее взгляд метнулся к лежавшему на постели сыну.

— Я принесла ему сказку вчера, — пояснила Джесс и тут же почувствовала себя дурой. — Я приезжаю сюда к врачу, понимаете?

В глазах женщины промелькнул слабый огонек понимания, а потом вдруг она улыбнулась — словно солнечный свет прорвался сквозь тучу.

«А она красивая», — подумала Джесс.

— Так это ты! — воскликнула мама мальчика. — Это ты ее принесла! Я вчера пришла и увидела ее здесь. Даже и вообразить не могла, откуда она взялась.

— Я прочитала ему сказку, — сообщила Джесс. — Подумала, а вдруг он услышит?

— Да! Он слышит! — женщина принялась энергично кивать. — Я уверена. Он все слышит. «Незадачливый портной», верно ведь? — продолжила она. — Мне очень понравилось. Я подумала, очень хорошая сказка.

— А ему... а Дэйви не стало лучше?

На мгновение Джесс показалось, что женщина еле держится на ногах и вот-вот заплачет, но она взяла себя в руки и покачала головой:

— Нет. Врачи не считают... ну, они думают, что он, возможно, никогда... — Мама мальчика осеклась, не в силах продолжить.

Джесс ощутила, как в ее груди поднимается мощная волна сочувствия и боли.

— Если вам интересно мое мнение, я считаю, что врачи знают куда меньше, чем говорят.

— Да?

— Да. Они всегда говорят, что я не могу делать то и то, но очень часто мне кажется: они говорят это, чтобы добавить проблем. Я сказала об этом маме, и она говорит, что это я

добавляю проблем, но на самом деле она так не думает, потому что я просто чудо!

Женщина хотела что-то ответить, но тут в дверях возникла мама Джесс.

— Я не нашла врача, и я... — Заметив, что дочь не одна, она осеклась на полуслове и стала неловко переминаться с ноги на ногу. — Прошу прощения, — наконец молвила она, так как все равно не смогла бы объяснить, почему два незнакомых человека оказались в чужой палате.

— Ничего, — ответила женщина. И добавила: — У вас очень талантливая дочка.

Мама Джесс на мгновенье замерла, а затем ее губы робко раздвинулись в улыбке.

— Я очень рада знакомству, — ответила она. — И мне ужасно жаль вашего сына!

Мама Дэйви слегка кивнула.

— Пойдем, малышка, нам пора, — позвала мама Джесс.

Когда они уходили, мама Дэйви крикнула вслед:

— Ты ведь напишешь еще, верно? Пообещай мне, что напишешь! Я уверена, что ему нравится слушать твои сказки!

Джесс кивнула и на мгновение задумалась.

— Он скоро очнется, — выговорила девочка.

— Что ж, давай надеяться на это вместе, ты и я.

— Глухой колпак, Джессика. Немедленно, — сказала мама.

Слова прозвучали сурово, однако по пути вниз мама обхватила плечо Джесс рукой и периодически сжимала его, пока двери лифта не отворились и не выпустили их в вестибюль.

Напряжение, нараставшее весь день, отпустило прямо перед закатом. Тяжелые тучи заполонили небо, взявшись за руки, и погрузили день в преждевременный мрак. Они замерли на секунду, набираясь сил, а потом разверзлись, обрушив

на улицы потоки дождя. Капли отскакивали от асфальта с бешеной силой, и лужи доставали до щиколотки. Порывистый ветер бешено носился по городку.

Наступила такая тьма, что Джесс могла даже раздвинуть занавески и поглядеть на улицу, хотя она по-прежнему опасалась выглядывать в окна. Во всем этом было что-то невероятно прекрасное. Что-то яростное и очень мощное. По улице проскакал мужчина, силясь удержаться на ногах в разгар шторма. У него над головой торчал свернувшийся зонтик.

«С таким от дождя не укроешься, только намучаешься», — подумала Джесс.

На всей улице разом зажглись фонари.

То и дело перед глазами девочки мелькали вспышки света, и она отсчитывала секунды — одна, две, три, четыре, пять, — а затем раздавался звук далекого грома. Он становился все сильнее, а секунд между молнией и громом становилось все меньше, так что сверкание и грохот случались практически в один момент, а всполохи, казалось, возникали прямо над домом. Затем молния двигалась дальше, а после накатывала новая грозовая волна.

Мама и дочь ели в абсолютном молчании — вместо бесед и радио бу́хал и стучал шторм.

— Тебе ведь не страшно, правда? — спросила мама, когда Джесс направилась наверх спать.

Девочка поджала губы и фыркнула, но в душе она чувствовала себя не так уверенно, как хотелось бы.

— Знаешь, раньше ты прибегала ко мне в комнату. Запрыгивала ко мне в кровать. Каждый раз, когда штормило.

— Я помню, — призналась Джесс. И после паузы добавила: — Не думаю, что захочу сделать это сегодня.

Мама едва заметно улыбнулась:

— Нет, я и не думала, что тебе захочется.

Джесс поднялась еще на несколько ступеней.

— Знаешь, когда ты впервые увидела салют, — громко сказала мама, — ты была до ужаса напугана. И спросила, может ли он упасть тебе на голову.

Мама снова улыбнулась, и Джесс отправилась в постель.

Ветер продолжал бешено завывать, но дождь в конце концов стих. Джесс обрадовалась: ей совсем не хотелось гулять по ледяному саду в совершенно мокрой одежде.

Через некоторое время на лестнице послышались шаги, чуть позже свет под дверью погас. Прошло еще несколько минут, и Джесс вылезла из кровати.

Она уже наполовину оделась, когда вдруг от мощного удара грома затряслись окна. Через пару секунд снова зажегся свет. Джесс уцепилась за одежду и, пока по коридору к ней пробиралась мамина тень, она стянула с себя все, что успела. Девочка запрыгнула под одеяло, прихватив ком одежды, надеясь, что его не будет заметно.

Мама дважды постучала, и дверь распахнулась. Джесс заморгала так, как будто только что пробудилась от глубокого сна.

— Всё в порядке? — осведомилась мама.

— Конечно, — Джесс зевнула и потянулась.

«Не переусердствуй», — сказала она себе.

— Я подумала... Подумала, что ты могла испугаться. Очень сильно.

— Сильно — что?

— Громыхнуло. Ты не слышала?

— А я подумала: отчего я проснулась?

— Крепко спишь, совсем как я.

— Не волнуйся, я не испугалась.

В сердце Джесс словно вонзился нож и немного провернулся.

— Спасибо, что проведала меня, — поблагодарила Джесс.

Мама улыбнулась. На этот раз по-настоящему.

— Спокойной ночи, малышка.

— Спокойной ночи, мама.

И только когда Джесс была точно уверена, что мама вернулась в свою комнату, она выдохнула — прерывисто и с облегчением.

«Чуть не попалась, — подумала она. — Чуть-чуть».

Девочка подождала еще полчаса, а затем шагнула в непогоду.

Джесс испытала почти физическое облегчение, когда в очередной раз прошла через отверстие — словно она наконец-то смогла набрать полную грудь воздуха. Но в тот же самый момент на нее нахлынул ужас — этакий шепот беспокойства по поводу чужака, что следил за ней из леса.

Воображение всегда было ее лучшим другом. Она натренировала его — отточила до невозможности, чтобы все в нем было как настоящее. Однако все настоящим не было. Во всяком случае, настолько, насколько реальным было это место. Странное место. Пустынное место. Здешнее лиловое небо не обжигало ей кожу. Это *ее место*. Но теперь в него кто-то вторгся. Ничего не поделаешь — придется отыскать чужака. Найти ответы на вопросы, которые с бешеной скоростью носились в ее голове. Девочка с трудом отложила страхи в сторону и двинулась вперед.

Она пошла по узкой тропке меж огромных клумб, усеянных вьюгобутонами и морозоцветами, — так она назвала их, проходя мимо, — пока не оказалась у зарослей высоких белых

кустов. Это была длинная стена из растений, в центре которой располагался вход в лабиринт.

Девочка осторожно вошла внутрь, обогнув два острых угла — один слева, другой справа. Кустарник с обеих сторон был по меньшей мере в три раза выше нее. Ветки соединялись и переплетались, и каждую украшали сотни серебристо-синих листов. Тут и там свисали гроздья кроваво-алых ледяных ягод. Самое странное состояло в том, что все проходы были свободны, как будто кто-то специально обстригал внутреннюю часть кустов.

«Кто же их стрижет?» — пронеслось в голове у Джесс.

А что если чужак — вовсе не пришелец из ее мира? А вдруг он-то как раз и присматривает за садом?

Еще трижды повернув, Джесс добрела до развилки, от которой отходили три прохода. Девочка остановилась. Вероятно, ребенок в одиночку не должен был заходить в этот лабиринт. Однако, если учесть, что Джесс и так уже скачет туда-сюда между двумя мирами, с этим она как-нибудь справится. Кроме того, отпечатки ее ног на снегу укажут обратный путь.

Чем глубже в лабиринт, тем выше стали вытягиваться кусты, образуя арку над головой. Они загораживали небо, и с каждым шагом девочка все дальше погружалась в чернильную тьму. По спине бегали мурашки, и Джесс двигалась все медленней и медленней, пока наконец не остановилась совсем.

«Что ты такое творишь, Джессика? — услышала девочка мамин вопрос в своей голове. — Это очень глупо и очень опасно, разве ты так не думаешь?»

— Я не против опасности, — ответила Джесс своей воображаемой родительнице. — Знаешь, как скучно мне бывает каждый день?

«Мы говорили об этом, дорогая моя, — снова услышала она голос мамы. — Но все так, как есть. И за многое в жизни ты должна быть благодарна. Так почему бы тебе не повернуть назад, домой, и не лечь спать?»

— Я вернусь, как только разузнаю, кто приходил в мой сад.

«А как ты это сделаешь?»

— Продолжу поиски.

«Ты можешь заблудиться. Можешь упасть и пораниться. Ведь ты одна, и помочь тебе некому».

— Я не заблужусь.

«Не забудь, что я скоро проснусь».

— Я знаю.

«Если, конечно, еще не проснулась. — При этих словах мамин голос затрепетал, словно раздвоенный змеиный язык, и обратился шипением. — Я уже проснулась, Джессика, я вошла в твою комнату и обнаружила, что моя дочь превратилась в неуклюжую кучу подушек. Мое сердце разбилось, дорогая, разлетелось тысячей кусочков по полу твоей комнаты».

Джесс мысленно закрыла дверь, чтобы больше не слышать голос, и крепко заперла ее. Мама тут ни при чем, это ее собственное чувство вины ползает и обвивается вокруг разума. Но был ли у нее выбор? Без сада вся ее жизнь снова сведется к сказкам и воображаемым друзьям на пустынных детских площадках.

Девочка заставила себя углубиться в лабиринт, выбирая тот путь, который казался ей правильным. Она шла и шла, стараясь думать только о том, что происходит здесь и сейчас.

Она свернула в очередной проход, и тут ей стало нечем дышать.

В самом конце этого прохода виднелся силуэт.

Мальчик.

Мальчик изо льда с голубовато-белым отсветом.

— Кто ты? — спросил он. — Что ты здесь делаешь?

У Джесс было такое ощущение, будто она резко поднялась из слишком горячей ванны. Голова пошла кру́гом.

«Он ледяной», — стучало там.

Все-таки чужак был не из ее мира. Его глаза напоминали голубые бриллианты под сенью мерцающих инеевых ресниц. Его тело — замысловатую паутину из сосулек, соединенных между собой. Но, несмотря на все это, сомнений быть не могло: мальчик совершенно точно ее роста и возраста.

«И он босой», — заметила Джесс.

Отпечаток именно его ноги она видела.

— Я же спросил: что ты здесь делаешь? — снова заговорил он, повышая голос.

Джесс заметила, как одновременно с сердитыми словами у ног мальчика закружились маленькие снежные вихри.

— Что ты делаешь в моем саду? Ты здесь чужая.

Она вздрогнула помимо собственной воли. Его сад, не ее. И все-таки — никакое не убежище.

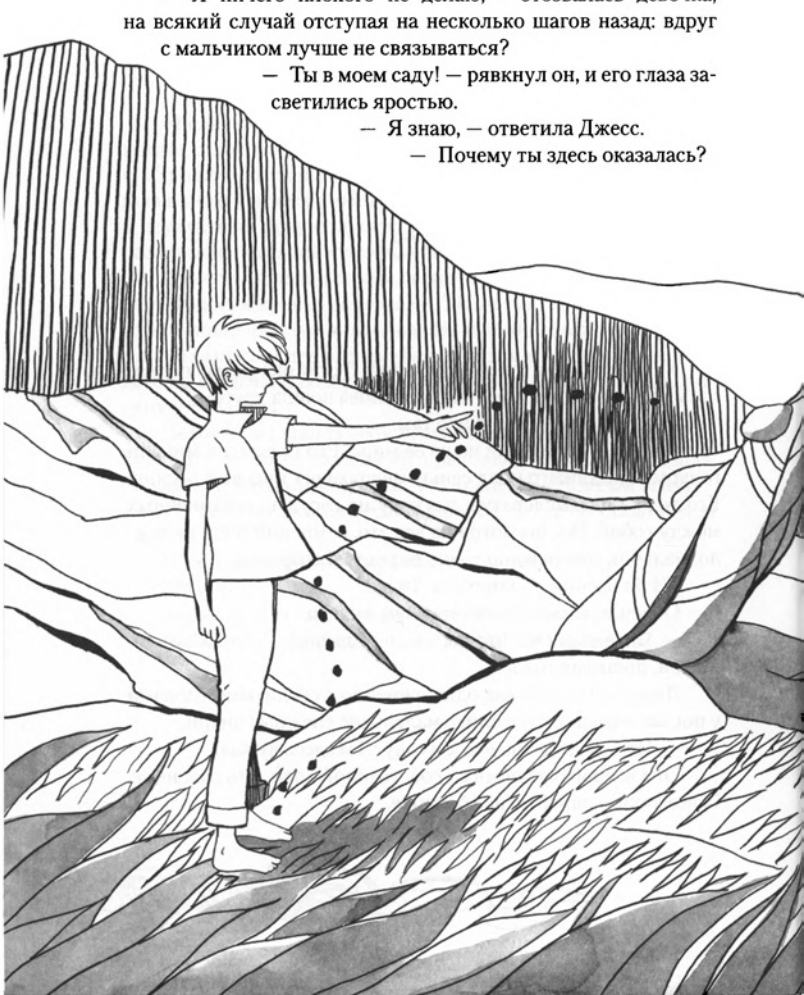
— Я к тебе обращаюсь! — выкрикнул он, и по лабиринту промчался нежданный порыв ледяного ветра.

— Я ничего плохого не делаю, — отозвалась девочка, на всякий случай отступая на несколько шагов назад: вдруг с мальчиком лучше не связываться?

— Ты в моем саду! — рявкнул он, и его глаза засветились яростью.

— Я знаю, — ответила Джесс.

— Почему ты здесь оказалась?



— Я нашла этот сад.

— Как это — нашла?

— Не знаю. Просто взяла и нашла. Я не знала, что здесь кто-то есть. — Она слышала, как в ее голосе заныли оправдательные нотки.

— Я видел тебя в лесу.

— Я так и подумала, — ответила Джесс.

— Значит, ты знала, что здесь кто-то есть, — победным тоном объявил он.

— Ну, видимо, да. Я имела это в виду с самого начала. Сначала я не знала, что здесь кто-то есть. И только потом поняла, что да.

— Но ты все равно вернулась.

Джесс заметила, что у мальчика дрожат пальцы. Он тоже испуган. И он боится *ее*. Она шагнула к нему навстречу.

— Не смей ничего делать! — рявкнул он, и снег у его ног взметнулся маленьким торнадо: оно было высотой всего с голень, но все равно метнулось к Джесс, а уж потом растаяло.

В знак примирения девочка выставила вперед обе ладони.

— Стой где стоишь, — велел он.

— Хорошо, — согласилась девочка. — Меня зовут Джесс.

Мальчик поразмышлял немного.

— Ты не изо льда, — в конце концов выговорил он.

— Нет.

— А разве такое возможно?

— Ну я ведь девочка.

— А девочки разве не изо льда?

— Нет, да и мальчики не изо льда. Никто не изо льда. — Джесс ощутила, как страх стал отступать.

— Я мальчик и сделан изо льда.

— Я хотела сказать, что в тех местах, откуда я, никто не изо льда.

— А откуда ты?

«Из реального мира», — ответила она про себя.

— Из дырки в стене, — объяснила она вслух.

— Ты ее нашла?

— Ну да.

— Ты нашла прореху?

— Ну, то есть я не специально. Я шагнула в дырку — и все.

При этих словах мальчик, казалось, немного расслабился, словно эти фразы объяснили ему что-то.

— А если там, откуда ты, никто не сделан изо льда, из чего же все сделаны? — поинтересовался мальчик.

— Из нормальных тканей. Из кожи, костей, мышц и прочего, понимаешь?

Он вздрогнул:

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, но, кажется, все это отвратительно.

Джесс улыбнулась:

— В некотором смысле — да.

Она снова сделала шаг навстречу.

— Не смей ничего делать! — опять воскликнул ледяной мальчик, но уже не так уверенно, как прежде.

— А что я могу сделать?

— Что-нибудь плохое.

— А зачем мне делать плохое?

Нахмурившись, мальчик покачал головой.

— Не знаю, — признался он.

Он казался таким маленьким и таким сердитым, что Джесс не смогла удержаться от смеха.

— Что? — спросил он.

— Ничего, просто... Я не ожидала, что ты такой.

— Да? А каким ты меня представляла?

Теперь настала очередь Джесс признаться, что она не знает.

— А почему же ты говоришь, что я не такой?

В словах мальчика была доля истины, только Джесс не собиралась это признавать.

— Как тебя зовут? — спросила Джесс. — Ну, я имею в виду... у тебя есть имя?

— Конечно. Я Оуэн, — представился он.

— Что ж, приятно познакомиться, Оуэн.

— Мне тоже приятно познакомиться. — Он напрягся. — Конечно, если ты не враг.

— Я не враг.

— Верно, но ведь вряд ли враг может вот так запросто выйти и объявить, что он враг, да?

— Думаю, если бы я была врагом, я бы ходила туда-сюда и кричала, какая я ужасная, чтобы все сразу меня испугались.

— Что же, тогда я почти спокоен. — На лице мальчика мелькнула застенчивая улыбка, и Джесс заметила, что его зубы напоминают ряды тонких иголочек.

— Твой сад прекрасен, — сказала ему девочка.

Мелкие трещинки в глубине ледяного организма Оуэна замерцали красным, словно затухающие огоньки.

— Ну то есть я пока весь сад не видела. Только немного походила. Сверху, у Трона, открывается хороший вид.

— У чего?

— У Трона. Так я назвала большой ледяной куб на холме, напоминающий кресло. Но, думаю, ты и сам как-то называешь здешние предметы, верно?

— Да в общем нет.

— Как так? А как же ты объясняешь, где тебя найти?

— Кому объясняю?

— Остальным.

— Каким еще остальным? Я здесь один.

«Один, — подумала Джесс. — Совсем один».

— Хочешь, покажу что-нибудь интересное? — радостно спросил мальчик; ярость и подозрения вмиг улетучились.

— Что?

Он снова улыбнулся.

— Я покажу тебе, — повторил Оуэн и протянул девочке руку.

Обхватив его ладонь, Джесс отшатнулась: безжалостная стужа электрическим током пронзила ее, даже несмотря на плотные шерстяные перчатки.

Но Оуэн уже развернулся и помчался прочь. Джесс пустилась за ним, быстро передвигаясь по лабиринту; она так старалась не отстать, что сердце бешено стучало в ушах. Ноги у мальчика были до невероятности крепкими. Джесс скользила и буксовала, словно маленький олененок, а мальчик даже ни разу не споткнулся. Широко улыбаясь, Оуэн держался прямо перед Джесс и то и дело оглядываясь.

— Не отставай! — смеясь, кричал он.

Джесс вдруг поняла, что хихикает на бегу — эти действия усложняли друг друга, но вовсе не портили. Наконец-то! Это происходит на самом деле. Джесс играет на улице с другим ребенком! Еще чуть-чуть — и обоих охватил такой приступ хохота, что они с трудом шли, на ходу ловя воздух ртами. Когда Оуэн смеялся, он сиял изнутри. Это напоминало закат: разноцветье, зарево и затухание.

— Куда ты идешь? — окликнула его Джесс. — Ты вообще знаешь дорогу?

Ерунда какая-то. Если глядеть от Трона, лабиринт не казался таким уж большим. И вот она несется, огибая угол за углом, все дальше и дальше, ни разу не оказавшись в знакомом проходе, словно она очутилась в лабиринте, который охватывал весь сад.

— А сад очень большой? — крикнула она.

В ответ донесся громкий смешок ее спутника — сам он скрылся из виду.

Дыхание у девочки было прерывистое, а в носу стоял запах крови.

— Оуэн! — крикнула она. А потом еще громче: — Оуэн!

Она завернула за очередной угол, и вдруг перед ней возникла сразу тысяча проходов — выбирай, какой хочешь, — их оказалось куда больше, чем способен был вместить такой маленький лабиринт. Каждый уводил куда-то во тьму — этакий разинутый рот многорукого чудовища. Заливаясь по́том, Джесс с трудом переводила дыхание и больше уже не смеялась.

«Так быть не может», — подумалось ей.

Тут раздался шум — возможно, он звучал у нее в голове. Но Джесс готова была поклясться: из туннелей, лежавших перед ней, начали вылетать какие-то тени; они бросались на землю прямо у ее ног. Тьма казалась густой, бесконечной и жадной. Девочка отступила на несколько шагов.

«Пожалуйста, не надо меня трогать, — умоляла про себя Джесс. — Не надо, пожалуйста».

Ей показалось, что из тьмы доносится чей-то голос.

«Кто ты? — голос шипел и плевался у нее в голове, однако не походил на ее собственные мысли. — Кто ты, девочка?»

Джесс отшатнулась и с ужасом обнаружила за спиной кусты, которые перекрывали путь к отступлению. Извиваясь, мрак подступал все ближе и ближе. Он почти касался ее ног. Девочка закрыла глаза.

Ничего.

Ее веки, вздрогнув, раскрылись, и перед ней возник всего один проход — изящно изгибаясь, он убегал куда-то вперед. Она сделала несколько неуверенных шагов, в глубине души ожидая, что вот сейчас из сумрака выскочит какая-то рука и схватит ее. Но ничего такого не произошло. Переход вывел ее из лабиринта на крутой холм. Оуэн уже стоял там, опираясь на дерево.

— Что это было? — спросила Джесс надтреснутым голосом, в горле у нее пересохло.

— В каком смысле — что?

— Что ты сделал?

— Ничего!

— Но это же ненормально. Со мной никогда раньше ничего подобного не случалось. Это было не... — Джесс не могла подобрать слов. Она сморгнула слезы, готовые выкатиться из глаз.

«Прекрати», — приказала она себе.

— О чем ты говоришь? — удивился мальчик. — Я ждал тебя. Почему ты так долго?

Она поглядела в его лицо, силясь обнаружить фальшь.

— Так, значит, это не ты? Ты этого не делал?

— Чего не делал?

— Там было что-то... — проговорила Джесс. — Оно хотело меня схватить.

— Там ничего нет. Только кусты. — Оуэн нахмурился.

— А лабиринт, — продолжала девочка, — он был другим. Больше. Гораздо больше, чем я думала. Как так?

— Сад больше, чем кажется, Джесс.

— Что ты имеешь в виду?

— Он многослойный, — ответил мальчик, разводя руки в стороны. — И иногда раскрывается. Во всяком случае, для меня.

Джесс с трудом села — ноги у нее болели. Неужели это правда? Она вдруг поняла, как мало на самом деле знает о саде. Совсем не как этот мальчик изо льда.

— Долго ты тут живешь, Оуэн? — спросила она.

Он не ответил. Зато отвернулся и показал куда-то пальцем.

— Смотри, — сказал он, — это я и хотел тебе показать.

Джесс тут же увидела его — крутой, гладкий желобок, змейкой скользивший вниз по холму к самому саду.

— Горка! — обрадовалась она.

На улице, под ласковым небом! Мрак лабиринта казался далеким и забытым.

Оуэн двинулся к горке первым, но напоследок обернулся, чтобы дать совет.

— Постарайся поднять ноги, когда окажешься внизу, — порекомендовал он.

Когда он помчался вниз, Джесс подумала о тех девочках, которые ходили в обычные школы и жили обычной жизнью, — они бы ни за что на свете не стали заниматься такими глупостями. И она поблагодарила свою счастливую звезду за то, что никогда не была обычной.

Джесс села на край холма и понеслась на попе вниз, ее тело моталось из стороны в сторону, словно кукла в руках малыша, — так она летела вниз по изгибам горки. И тут де-

вочка заметила что-то наверху: в небе над головой двигалось нечто. Пухлое существо, размахивающее раскинутыми в стороны ушами.

«Моя летучая слономышь!» — поняла Джесс и завизжала от радости. Это ведь она придумала ей имя!

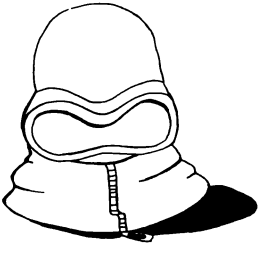
Девочка заметила быстро приближающуюся почву и еле успела поднять ноги — ее вытолкнуло, закрутило, протащило по земле, а потом неожиданно изящно остановило.

— Идеальное приземление, — похвасталась она.

— Неплохо для первого раза, — поправил Оуэн.

Джесс поднялась на ноги:

— Ну что, еще разок?



Последующие три дня слились в одно разноцветное пятно. Ежедневно она мучилась от удушающей жары — и еженощно подставляла лицо охлаждающему ветерку в ледяном саду. Мама неоднократно спрашивала у Джесс, все ли у нее в порядке, и девочка отвечала «да», хотя это было ложью. Потому что ничего не было в порядке. Все было в прекрасном беспорядке. Она не могла сосредоточиться ни на уроках, ни на чтении книг, которые стопкой возвышались возле ее кровати. Ее вообще не волновали ни телевизор, ни игра в карты. И сочинять сказки ей совсем не хотелось, а ведь сколько она себя помнила, это было ее самым любимым занятием. Как только она садилась за стол с намерением писать, мысли возвращались к новому другу, а все остальные идеи разлетались в разные стороны, словно испуганная птичья стайка. Помимо ледяного сада она вспоминала только о Дэйви, но увидеть его раньше своего очередного визита к врачу она не могла.

— А чем ты занимаешься, когда меня нет? — спросила Джесс у мальчика на второй вечер.

— Да обычными вещами, — ответил Оуэн.

— Что такое «обычные вещи» для ледяного мальчика? — спросила Джесс.

— Спать, есть, играть, думать. Обычные вещи. — Он немного помолчал. — А что ты делаешь, когда ты не здесь?

— Ну, в общем, то же самое, — ответила она. — Только у меня еще есть уроки.

— А что такое «уроки»?

— На них что-нибудь изучают.

— Что, например?

— Ну окружающий мир, — объяснила Джесс.

Оуэн задумался.

— Наверное, мне не нужны уроки, — в конце концов решил он.

— Всем нужны уроки.

— Но я ведь уже знаю все, что мне нужно.

— Глупости. Ты не можешь знать все.

Оуэн пожал плечами.

— Что ты узнала сегодня? — поинтересовался он.

— Ну... — Девочка глубоко вздохнула. — Сначала у меня была математика, но мой учитель не смог прийти, потому что свалился с гриппом, поэтому нам пришлось заниматься с мамой, но мне кажется, что она сама не очень понимала то, о чем мы говорили. Потом я читала книгу про индустриальную революцию.

— Что такое «индустриальная...» — начал Оуэн.

— Это когда все фермеры стали работать на заводах, строить машины и всё такое, и, я думаю, как раз тогда вымерли все интересные животные: единороги, драконы и прочие.

— Ясно, — медленно проговорил Оуэн.

— А потом у меня был французский.

— Что такое «французский»?

— На нем говорят люди, живущие во Франции, — объяснила Джесс.

— А Франция изо льда?

— Конечно, нет. Она из пластика, как и Англия.

— Полагаю, во Францию я тоже никогда не попаду, — подытожил мальчик.

— Видимо, нет.

Оуэн выглядел таким раздавленным, что Джесс и не знала, как поступить: заключить его в объятия или расхохотаться.

— Чего? — надулся он.

— Ты живешь *здесь*, — сказала она. — Ну, посмотри кругом. Потрясающее место. У тебя тут ледяные яблоки! Летучая слономышь! Мой мир куда скучнее. Он... он обычный. Ничего интересного. Если бы я была на твоем месте, я бы и не хотела никуда уезжать.

Но это неправда, вдруг поняла Джесс, когда слова уже слетели с ее языка. В ее мире были джунгли, горы и пустыни, что тянулись на тысячи километров. В нем обитали маленькие существа с огоньками на головах, что могли освещать морское дно. Она вдруг поняла, каким диковинным показался бы Оуэну океан: он же никогда не видел воду в жидком состоянии. Теперь, обдумав все это, девочка поняла, что даже ее маленький никчемный городок — и тот чем-то интересен. В нем полно людей, и каждый бродит по нему, пользуясь техническими достижениями, которых уже никто и не замечает. В нем живут странноватая мадам Добсон и господин Олмос со своими причудливыми идеями. И Дэйви, который интересный, даже несмотря на то, что все время спит! А еще в нем живет мама... Внезапно у Джесс комок подступил к горлу.

Будильник на запястье Джесс начал издавать трели. Три быстрых пиканья, пауза, а затем еще три. Оуэн тяжело вздохнул.

— Прости, — сказала Джесс, выключая будильник и вставая на ноги. — Мне пора.

На следующий день она даже и не пыталась написать сказку. Напротив — как только закончился урок по истории

каналов, который провела мама, Джесс нырнула под колпак и отправилась на другую сторону улицы.

Когда господин Олмос отворил дверь дома № 33, Джесс встревожилась: сосед размахивал рукой, а в ней — большая скалка. Но при виде гостьи грозовые облака, омрачавшие его лицо, исчезли, и проглянула широкая зубастая улыбка.

— Джессика! — воскликнул он, отходя в сторону и делая пригласительный жест скалкой. — Ты несколько дней ко мне не приходила.

— Для чего вам эта штука? — спросила девочка, перешагивая порог дома.

— Вот эта? Да ни для чего... — сказал он, не глядя в глаза Джесс.

— Вы ждали почтальона, верно?

— Почтальона! Ха! — Олмос изобразил плевок. — Он говорит, что почтальон, а на самом деле кто?

— Ну он ходит где-то здесь с большой почтовой сумкой.

— Очень умно́. Соглашусь. Но хочешь, я выскажу свое мнение: по мне, он демон, а вовсе не почтальон. — Олмос поймал скептический взгляд девочки. — Демон, присланный терзать меня отказом доставить мою пасеку.

— Чего-чего?

— Улей! Я собираюсь заняться пчеловодством! По крайней мере, когда этот дьявол принесет те вещи, за которые я честно уплатил. Уплатил честно, Джесс!

— Так вы собирались огреть его скалкой?

— Ну... наверное, я его все-таки не ударил бы. Просто... не знаю — немножко бы пригрозил.

Они продолжали беседу на ходу: вслед за соседом Джесс прошла через гостиную на просторную кухню в задней части дома. Как обычно, попав к господину Олмосу, она испытывала приступ радостного возбуждения. У нее дома всегда было чисто и опрятно, в то время как в доме № 33 царил необузданный хаос. При этом грязным дом нельзя было назвать — вовсе нет! Просто на каждом столе и в каждом углу тут стояло или

лежало что-нибудь недоделанное. Повсюду висели книжные полки, прогнувшиеся посредине под весом постояльцев. Здесь можно было найти издания на любой вкус: от книги в кожаном переплете, весившей почти как Джесс, до старого пожелтевшего комикса. Здесь можно было без труда составить коллекцию вещей, которые помогли бы Оуэну прикоснуться к ее миру.

По пути господин Олмос закрывал жалюзи.

— Теперь можно снять эту дурацкую штуку с твоей головы, — сказал он. — Честно говоря, ты выглядишь нелепо — даже не знаю, зачем ты упрямо ее носишь.

Джесс широко улыбнулась. Большинство взрослых впадали в панику при виде колпака и были уже не в силах шутить.

Джесс наблюдала, как хозяин льет кипящую воду в кружку с диковинной смесью листьев и трав. Через несколько секунд вместе с паром от чашки начал подниматься весьма неприятный запах.

— Будешь? — спросил господин Олмос, протягивая гостье чашку.

Девочка скорчила физиономию.

— Ну как хочешь, — ответил сосед, пожимая плечами.

— Что это?

— Именно из-за этого я и выгляжу так молодо.

Джесс подумала над его словами. Кожа господина Олмоса походила — и по цвету, и по текстуре — на грецкий орех. Волосы и борода сильно завивались и заметно седели. Однако его карие глаза всегда были зоркими, упрямыми и живыми.

— Мой особый рецепт, — произнес он, отхлебывая глоток. — Вкус ужасный, но дело не в этом. — Он снова хлебнул. — Да, боже мой, он и вправду ужасен.

Они немного поболтали о предстоящем пчелином проекте, а потом Джесс объяснила, что пришла попросить на время несколько вещей.

— Каких именно?

— Да обычные вещи. Ничем между собой не связанные, понимаете?

— Такого не бывает, Джессика, связано абсолютно все; просто кажется, будто это не так.

— У меня есть один друг. Он из... издалека, и я хочу показать ему, как мы живем.

— А откуда он? Оттуда же, откуда я? Если да, приводи его ко мне.

— Да нет, нет, он из других мест.

— Ну все равно приводи его ко мне.

— Не думаю, что это получится. — Она немного помолчала. — Я все верну.

Сосед внимательно посмотрел на нее несколько секунд. Девочка решила, что сейчас он задаст другой вопрос, но господин Олмос просто пожал плечами.

— Да забирай все это, — сказал он. — Я тебе дарю.

И тут они оба услышали громкий стук почтового ящика, Джесс рванула за скалкой — чтобы господин Олмос не успел сделать это первым.

Той ночью Джесс загрузила в рюкзак отобранные вещи. Среди них был атлас — чтобы показать Оуэну весь ее мир, — и книга об Африке — чтобы он смог посмотреть на животных из плоти и крови. Простая электроплата со светодиодиком, чтобы рассказать Оуэну о технологиях, и старая пластиковая модель истребителя, чтобы объяснить — самолеты не всегда использовались в мирных целях. Аккуратно свернутый французский флаг: раз Оуэн сам не сможет съездить во Францию, Джесс привезет ему сувенир.

И наконец девочка полезла в свой комод — в ящик для носков с маленькими отсеками, — и начала копаться, пока не нащупала шкатулочку. Вытащив ее, Джесс открыла крышку и достала крошечный бумажный сверток. Пальцы узнали очертания завернутого предмета. Это была самая важная вещь — та, что позволит Оуэну узнать ее поближе. Джесс сунула вещицу в карман и вышла на улицу.

— Спасибо за подарки, — поблагодарил Оуэн.

— *En français, s'il te plaît.*

Судя по виду, мальчик ничего не понял.

— *Merci,* — подсказала Джесс. — Ты должен говорить *merci.*

— Мереси, — выговорил он.

— Мы можем поработать над этим.

Они повесили флаг на ветви Старика. Он очень странно смотрелся на изогнутом ледяном дубе. То и дело налетал легкий вальсирующий ветерок и пускал морщины по красному, белому и синему шелку. Все остальные вещи они сложили на одной из скамеек. Казалось, от восторга у Оуэна кружится голова, он бросался от одного к другому, будто до смерти голодный человек, внезапно оказавшийся на пиру. В конце концов Джесс пришлось настоять, что они будут говорить о каждом предмете по очереди, но у Оуэна было столько вопросов, что через час им не удалось обсудить и четверти атласа.

— Значит, эта страна называется Америка?

— США, верно.

— Что такое США?

— Соединенные Штаты Америки.

— И Соединенные Штаты Америки находятся в Северной Америке?

— Точно.

— Но тут, внизу, что — еще одна Америка?

— Южная Америка.

— А это?

— Центральная Америка.

— А все вместе — это...

— Да, Америка.

— Значит, государство Америка находится в... Америке?

— Думаю, не стоит так усложнять.

Нахмурившись, Оуэн перелистнул страницы и добрался до Южной Азии.

Джесс оперлась спиной о свой рюкзак и положила руку на завернутый предмет в кармане. Она сжала пальцы в кулак, чтобы они не дрожали. А может ли она это сделать? Способна ли показать это ему? Вещь, о которой не знает даже мама.

— А вот еще кое-что, — в конце концов произнесла она.

Лицо Оуэна озарилось:

— Еще один подарок?

— Я не могу подарить тебе это. Вещь немного странная, так что пообещай, что не будешь смеяться.

— В каком смысле «странная»?

— Она... она очень личная.

Мальчик отложил атлас в сторону и присел рядом с Джесс. Она вздохнула и вынула из кармана предмет. Девочка осторожно развернула бумагу и показала морскую ракушку-конус. Она треснула пополам.

— Что это? — спросил Оуэн, его взгляд метнулся назад к стопке книг, которые принесла ему Джесс. — Оно сломано.

— Я знаю, Оуэн.

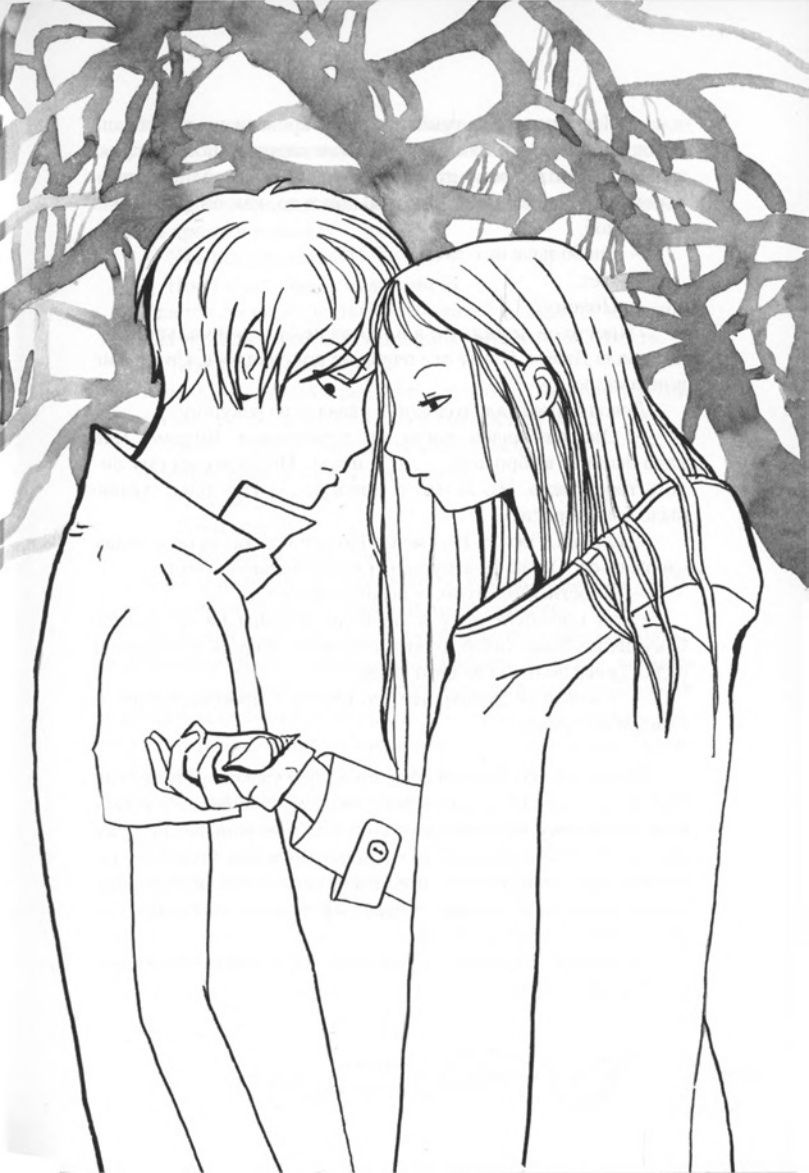
Мальчик пожал плечами.

— Мне ее папа подарил. — Внезапно в горле у Джесс пересохло. — Мы ездили в отпуск, когда я была маленькая. Как-то утром он пошел погулять, а когда вернулся, принес мне это. Я помню... помню, как эта ракушка лежала у него на ладони. На его кожу налипли маленькие песчинки. У него была очень теплая рука, и я забрала у него ракушку. Я прямо помню тепло его руки. Он сказал, что в этой ракушке жило какое-то животное.

— Животное? Внутри этого?

— А когда животное умерло, море принесло ракушку на берег. Возможно, она уже давно лежала там и ждала, что придет какой-нибудь папаша, увидит ее и заберет, чтобы подарить своей чудесной дочке. Он назвал меня своей чудесной дочкой. А потом он поцеловал меня в лоб.

Внутри все сжалось в узел, и Джесс с трудом сдерживала слезы.



— Я хранила ее на тумбочке возле кровати, но, когда папа ушел, я поняла, что мама не захочет ее видеть, а потому спрятала ее в комод. Время от времени я достаю ее, разглядываю, вспоминаю песчинки на его пальцах и то, как он поцеловал меня в лоб.

— Он больше не с вами?

— Нет.

— Почему?

«Просто он понял, что я никогда не буду нормальной», — подумала Джесс. И ему это очень не понравилось. Совсем не понравилось.

Девочка покачала головой и указала на ракушку:

— Она разбилась, когда мы переезжали. Видимо, мне надо было ее выбросить... — «Не плачь. Не позволяй ему видеть твои слезы. Ни за что и никогда». — Наверное, лучше было бы выбросить.

«Не смей, Джесс. Не смей». Но девочка была не в силах сдержаться. Слезы брызнули из глаз на ледяную землю.

— Прости. Это глупо, — выдохнула она.

Оуэн протянул руку и положил пальцы на ее ладонь. Ощущение было такое, будто в ее вены проникла студеная вода. Джесс подняла на него глаза.

— Я вовсе не думаю, что это глупо, — проговорил он. — Совсем не думаю.

Джесс шла по Вестонскому проезду и уже сворачивала на Высокую улицу. Она чувствовала себя опустошенной и уставшей, но почему-то куда более сильной, чем раньше. Ее руку все еще слегка пощипывало от прикосновения Оуэна — одновременно болезненного и утешительного. Как обычно, она шла с опущенной головой и вдруг наткнулась на прохожего, выходившего из закусочной.

— Прошу прощения, — пробормотала девочка, пытаясь обойти прохожего.

Но прохожий — это была женщина, — уверенно положила руку на плечо девочки. От джинсовой куртки незнакомки пахло какой-то тухлятиной. Джесс испуганно отшатнулась.

— Прошу прощения, — снова проговорила она, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— Уже поздно, верно?

— Пропустите меня, пожалуйста.

Удастся ли ей вырваться и сбежать? Каждая ее клеточка мечтала скрыться, добраться до дома, быть в безопасности.

— Тебе уже поздно гулять.

У женщины была кривоватая улыбка. Толстые пальцы нервно постукивали по блестящей кожаной сумочке.

— Знаю. — Джесс выпятила подбородок.

«Нельзя показать ей, что я боюсь».

— Сколько тебе лет?

— Зачем вам это?

— А твоя мама знает, где ты?

— Мне двенадцать. Какая же нормальная мать не знает, где среди ночи бродит ее двенадцатилетняя дочь?

Женщина разинула рот, и у нее возникло еще несколько подбородков. Джесс продолжала смотреть на нее — ее мама называла это *Глазением*. У Джесс был широкий лоб, узкий подбородок и огромные светло-серые глаза. Она давным-давно уже усвоила, что естественное для нее выражение сосредоточенности выражается в странно неподвижном взгляде, который нервирует многих взрослых.

— А ты хорошенькая, — в конце концов сказала женщина.

Джесс понимала, что это неправда. Она умела быть хорошенькой. Если она хотела, она могла быть просто прелестной, но этого нужно было захотеть, а так, да еще с Глазением — вряд ли.

— Может, мне вместе с тобой подождать твою маму? — спросила женщина. — Где она, ты говоришь?

— Я не говорила, что она здесь. Я просто сказала, что она в курсе, где я.

Кажется, это смутило женщину, однако приветственный крик, долетевший с той стороны улицы, отвлек ее. Понимая, что вообще-то нехорошо оставлять маленькую девочку в одиночестве посреди ночи, но совершенно не представляя, что с этим делать, женщина очень неохотно убрала руку.

— Возможно, тебе просто надо пойти домой, — отворачиваясь, сказала незнакомка.

— Я как раз туда и иду, — ответила Джесс. — Не стоит обо мне беспокоиться.

Ее переполнило облегчение.

Она двинулась было прочь, но тотчас замерла при виде невероятно высокого и худого мужчины, который шел прямо на нее. Он был в светло-голубой врачебной униформе, поверх которой набросил фуфайку с капюшоном. Это был доктор Стэннард — судя по всему, он возвращался домой после смены. Сердце Джесс колотилось так, что чуть не выпрыгивало в горло.

Врач быстро сокращал расстояние между ними. У него в руке светился телефон, и он был сосредоточен на экране — читал на ходу какое-то сообщение. Впрочем, одного движения головы было бы достаточно. Всего лишь один взгляд в ее сторону, и все — пиши пропало. Джесс тут же представила себе мамино лицо — встревоженное, напряженное, с красными запавшими глазами. Сначала она закричит — и это будет ужасно. Потом ее захлестнет разочарование, что будет еще хуже. Джесс придется объясниться по поводу ее ночных прогулок, и больше уже из дома выйти не получится. *Ни за что не получится.* Она никогда больше не увидит ледяной сад. Никогда больше не встретится с Оуэном.

Доктор был всего в десяти метрах от девочки. Выбора не было: Джесс бросилась к незнакомке, неловко обняла ее, ут-

кнувшись лицом в джинсовую куртку. Девочка ощутила, как сжалась под ней мягкая плоть.

— Я просто не знаю, где моя мама, — тонким голосом выговорила она.

— Кажется, ты говорила... — начала было незнакомка, но Джесс тихо зарыдала, ее плечи вздрагивали едва заметными рывками. Девочка почувствовала, как напряглась женщина, однако уже через секунду ладонь незнакомки начала поглаживать ее спину. — Ладно, ладно...

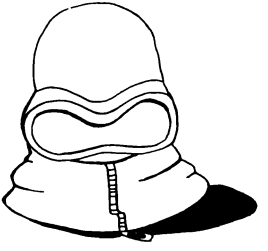
Джесс не размыкала крепких объятий. Краешком глаза она проследила, как врач прошел мимо. Его худые щеки с высокими скулами в холодном свете телефона казались окоченевшими. Джесс затаила дыхание — до тех пор пока опасность не миновала.

Она подождала еще несколько секунд, а затем внезапно отодвинулась на шаг назад. Женщина переступила с ноги на ногу.

— Теперь все нормально, — сказала Джесс, — спасибо вам.

— А твоя мама?

Джесс пожала плечами и улыбнулась. Затем, стащив кусочек картошки из бумажного пакета, который держала женщина, девочка пустилась наутек.



— Тебе слабó!

— Это тебе слабó!

— Тебе совсем слабó!

— Ага! Как же!

Они соревновались — пусть состязания были дружескими, но страсти пузырились, словно вода под придавленным мхом.

— Спорим, ты не сможешь съесть три ледяных яблока за одну минуту!

— Давай их сюда!

— Спорим, ты не съедешь с горки на животе головой вперед!

— Смотри!

— Тебе слабó повесить флаг на это дерево!

— А вдруг я поскользнусь?

— Если ты не сделаешь этого, я победила.

— Давай сюда флаг.

— *Vive la France!*[1]

[1] Да здравствует Франция! (*фр.*)

Они скрепляли уговор торжественным рукопожатием, а победитель получал право придумать новое состязание.

— Слабó перейти мост, который ведет к лесу? — спросил Оуэн, висевший на одной из «рук» Старика.

Джесс не подняла головы, но от мысли об этом по спине побежали мурашки, а руки покрылись гусиной кожей.

— Ну? — спросил мальчик.

— Погоди, — ответила она.

Девочка отломила кусок от плитки шоколада, что держала в руке, и отдала его летучему слономышу, который притаился под ближайшим кустом.

— Ты тянешь время. — Оуэн наклонился к Джесс.

— Прекрати, ты его отпугиваешь.

— Говорю тебе, это не тот.

— Тот.

— Откуда ты знаешь?

— Я его узнала.

— Они все одинаковые.

— Я узнала его, Оуэн. Это его я дрессирую.

— Как можно дрессировать его, если они все время разные?

— Нет. Это Арнольд.

— Ты зовешь его Арнольд? Почему?

— Потому что это его имя, конечно.

— Мост, Джесс. Если ты не сделаешь этого, я победил.

— Давай же, дружок, — проворковала девочка, — откуси кусочек.

Она едва заметно приблизила кусок к мордочке зверька, и усатый нос заинтересованно задвигался. Мышь подался вперед на пару сантиметров, быстро переводя взгляд с Джесс на угощение и обратно. В конце концов зверек поднялся на задних лапах и положил передние на шоколад. Потом наклонил голову и осторожно укусил.

— Шоколад, — прошептала девочка. — Я должна была догадаться.

Мышь начал есть по-настоящему — его прозрачную мордочку теперь испещряли темно-коричневые прожилки. Джесс опустила руку и осторожно положила палец на мохнатую спинку слономыша. Зверек продолжал есть.

— Он не убегает, — прошептала девочка, поднимая взгляд.

Оуэн закатил глаза. Джесс начала гладить зверька, и его тельце несколько расслабилось — теперь можно было провести по шерсти на изгибе спинки.

«Наконец-то удалось, — подумала Джесс. — Наконец-то».

То, что случилось дальше, произошло мгновенно. Мышиный взгляд резко метнулся вверх, и — Джесс готова была поклясться! — цвет глаз зверька в самом деле изменился от ясно-голубого до глубокого черного. Губы мыша отогнулись, и раздался гортанный рык. Зверек взлетел в воздух, вывернувшись так, что его рот оказался возле пальца девочки. Мышь клацнул челюстями, и два ряда маленьких острых зубов вонзилось в плоть Джесс. Девочка с криком отскочила, а зверек понесся назад, в безопасный уголок клумбы. На снегу расцвели две капельки крови.

— Ты видел? — спросила Джесс.

— Дай мне взглянуть. — Оуэн попытался взять ее за руку, но Джесс отгородилась ладонью.

— Холодно очень, — пояснила она.

Он кивнул, и оба уставились на рану.

— Ты красная внутри! Ужас какой-то, — в конце концов выговорил Оуэн.

— Чего это он так?

— Он же дикий, чего ты ожидала?

— Нет, в этом было что-то еще... не знаю. Он вдруг изменился. Его глаза.

Кровь уже почти не текла.

— Значит, это такое оправдание?

— Какое еще оправдание?

— Ну мы же поспорили, помнишь?

— Оуэн, меня укусила летучая слономышь! Весьма вероятно, что она ядовита.

— Не говори глупостей.

— А тебя когда-нибудь кусала такая?

— Я никогда к ним не приставал.

— Я просто-напросто гладила ее.

— Ты пытаешься увести разговор в сторону.

«Именно так», — подумала Джесс. При одном лишь воспоминании о мосте у нее по коже бегали мурашки.

— Ты мог бы еще что-нибудь придумать, — сказала девочка.

— Ой, да что с тобой, — проныл мальчик. — Не будь такой занудой!

— Вот и делай это сам, если тебе так хочется!

— Но я же бросил вызов тебе!

Джесс включила Глазение, однако Оуэн ответил не менее впечатляющей ухмылкой.

Отвернувшись, девочка зашагала прочь.

— Ну, — крикнула она, — ты идешь или нет?!

Бок о бок они стояли на краю расщелины — темного разинутого рта, искаженного невероятной гримасой.

— Ну? — сказал Оуэн.

Внутри у Джесс все отяжелело, будто там лежал большой моток мокрой веревки. Рот словно наполнился желчью. Стояла девочка нетвердо: неохватный мрак лишал ее равновесия. Но ведь ей не слабо́...

Ступив на мост, девочка услышала, как внизу трещит лед. От каждого скрипа и хруста она невольно вздрагивала. Джесс не решилась держаться за перила, ведь в любом случае они доходили лишь до середины моста.

Когда девочка приблизилась к лесу, он, казалось, вздрогнул. Листья затрепетали на ветках, будто их взволновало ее приближение.

— Не знаю, смогу ли я, — прошептала Джесс.

— Что ты сказала? — крикнул за спиной Оуэн.

«Переставляй ноги, Джесс, — уговаривала себя девочка. — Перейди на другую сторону, выиграй спор, а потом — опрометью назад».

Но ноги не двигались. Кожу сводило от мурашек — казалось, по телу ползают тысячи и тысячи насекомых. Плечи напряглись и замерли.

— Не думаю, что смогу, — уже громче выговорила она.

— Значит, ты проиграла?

— Выдумай другой спор.

— Да в общем мне и этот нравится.

— *Оуэн!* — сказала, словно щелкнула кнутом.

Почти в эту же секунду Джесс услышала, как мальчик ступил на мост позади нее. Он взял ее за руку, и Джесс снова вздрогнула от невообразимого холода. Но в этот раз он показался ободряющим, почти таким же утешительным, как тепло очага. Девочка обхватила его пальцы и повела назад, к тому концу моста, что находился в саду.

— Ты дрожишь, — заметил Оуэн.

Она кивнула, ощутив подступающую тошноту.

— Что там? — наконец спросила она. — Что там, в лесу?

— Я там никогда не был, — ответил мальчик, подняв взгляд, а затем быстро переведя его на девочку, словно он был не в силах долго смотреть в ту сторону.

— Никогда-никогда?

— Нет.

— Даже у кромки?

— Я только в саду как дома, — сказал он таким тоном, будто это известно каждому.

— И тебе никогда не было любопытно? — Джесс не очень верила ему.

Он покачал головой, и сильный порыв ветра заставил деревья ответить краткой колыбельной. Воронки сыпучего снега, этакие белые танцоры, принялись кружиться вокруг их ног и по земле в саду.

— Тогда зачем ты заставил меня пойти туда? — спросила Джесс.

Оуэн опустил глаза:

— Я и не думал, что ты на самом деле туда пойдешь. Мы всего лишь дурачились. Если бы ты действительно оказалась там... — По его телу пробежала дрожь.

— Оуэн, — начала Джесс. Пришло время наконец-то задать вопрос, который мучил ее уже много дней. — Кто создал этот сад?

— Что ты имеешь в виду? — озадаченно спросил мальчик.

— Это же *сад*. Кто-то должен был *посадить* его. И, если это сделал не ты, значит, кто-то еще.

Оуэн покачал головой.

— Мама или папа? — не унималась Джесс.

— Ничего похожего, — ответил он.

— Но ведь кто-то должен был это сделать!

— Никто! — рявкнул он.

Безмолвие словно наблюдало за ними.

— Никто, — произнес он уже тише.

— Оуэн, — снова спросила Джесс более спокойным тоном, — а давно ты тут?

— Не знаю, — в конце концов выговорил он. — Возможно, очень давно. А может, совсем недавно. Пока не появилась ты, время не имело для меня значения. Я просто знал, что должен быть здесь. — Он раздраженно пожал плечами. — Ты думаешь, что я странный, я знаю это.

Джесс на шаг приблизилась к своему другу и неуверенно провела по его блестящей серебристой коже своими затянутыми в перчатки пальцами. А затем медленно, едва осмеливаясь дышать, засучила рукав, под которым скрывалась повязка. Она ослабила эластичный бинт и отвела его в сторону, демонстрируя мокнущую рану.

— Тебе больно? — спросил он.

Джесс глубоко вздохнула.

— Ты когда-нибудь... слышал о вампирах? — поинтересовалась она.

— Не думаю, что они здесь водятся.

— Они выглядят как мы, но они не люди. Вместо еды и воды они питаются кровью. Люди боятся их и считают чудовищами.

— Ты знакома с кем-нибудь из них?

— Их не существует, Оуэн, — проворчала Джесс. — Но самое страшное в них — то, что они появляются только ночью. Люди боятся тех, кто может жить только во тьме. А я... я такая.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не могу выйти на улицу, когда светит солнце. Понимаешь, в тех местах, откуда я, на небе светит солнце. Это что-то вроде огромного огненного шара, и меня он обжигает. Мою кожу. Это означает, что весь день я должна сидеть в помещении или ходить в закрытой одежде, так что я всегда... — Джесс проглотила ком, застрявший в горле, и продолжила: — Я всегда отличаюсь... Я выгляжу *не как все*. Ощущаю себя не как все. Я *другая*. — Слова лились из нее потоком. — У меня есть друг. Ну то есть вроде как друг. Он лежит в больнице и никак не очнется. Я прочитала ему одну из своих сказок, поэтому мне кажется, что он мне друг, но в действительности мы с ним ни разу не разговаривали. У меня всё всегда не так. Мой единственный друг, возможно, и не знает, что я с ним. Так близко. Вот. Я вовсе не считаю тебя странным, потому что я сама страннее некуда.

Джесс ждала ответа, вызывающе вскинув подбородок, хотя в душе у нее все разбилось на тысячу кусочков. Она ожидала, что Оуэн рассмеется или прогонит ее, но он всего-навсего опустился на корточки и принялся чертить что-то на земле. Девочка подумала — уже не впервые, — что не в силах понять других людей. Даже, похоже, ледяных людей. Но только она открыла рот, чтобы снова заговорить, Оуэн поднялся на ноги и протянул ей какой-то плод, напоминавший серебристую лампочку.

— А вот эти ты не пробовала, — проговорил мальчик. — Они очень вкусные. Даже лучше, чем яблоки. Только не ешь сразу много.

Оуэн улыбнулся ей, и в этом замороженном месте Джесс вдруг почувствовала такое тепло, какого не ощущала еще ни разу в жизни.

Когда следующей ночью Джесс прошла в прореху между кустами, Оуэн сидел, скрестив ноги, на камне и отбивал пальцами бешеный отрывистый ритм. Летучий слономышь Арнольд бегал у его ног и что-то вынюхивал. Увидев девочку, Оуэн подскочил так, что зверек поспешно сбежал, и мальчик подхватил что-то с камня. Не дав Джесс раскрыть рта и поздороваться, мальчик сразу подбежал к ней и протянул это что-то ей на раскрытой ладони.

— Надеюсь, тебе понравится, — заявил он. — Я сделал это специально для тебя.

Джесс повертела предмет в руках. Один-единственный лиловый ледяной кристалл — раньше она не обращала внимания на такие. Но девочка была поражена, когда поняла: Оуэн постарался повторить ракушку, которую подарил ей папа.

— Похоже? — спросил мальчик.

Ракушка была не крупнее большого пальца девочки, однако Оуэн воспроизвел ее в мельчайших деталях.

— Как тебе это удалось? — ахнула Джесс.

Словно алая волна пробежала по всем трещинкам его тела, а ледяная трава у его ног качнулась вперед-назад.

— Ну, пришлось повозиться...

«Это уж наверняка», — мысленно согласилась девочка.

Даже сама по себе эта льдинка была ни с чем не сравнима для Джесс — она казалась до невероятности лиловой, как небо над головой. Пропорции настоящей ракушки были идеально соблюдены, а поверхность мальчик отполировал до безупречной гладкости. Джесс подняла взгляд на Оуэна. Он переминался с ноги на ногу, сжимал и разжимал пальцы.

— Тебе нравится? — Он не сводил с нее глаз, пытаясь уловить ее настрой, его лоб покрывали тревожные складки.

— Шутишь? — ответила девочка. — Конечно же мне нравится! Она прекрасна. Спасибо тебе!

Оуэн кивнул всего раз, но очень выразительно, а потом замер.

— Я рад, — сказал он. — Я подумал, что она, вероятно, поможет.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты должна взять ее домой.

— А не лучше ли оставить ее здесь?

— Возьми ее, — проговорил он. — Я хочу, чтобы ты ее забрала.

— Но ведь она растает.

— Джесс, я прошу тебя.

Девочка вглядывалась в лицо друга, чтобы понять, почему он настаивает, но мальчик выглядел таким серьезным, что ей пришлось смягчиться.

— Я могу... могу положить ее в морозилку, я думаю, — выговорила она.

Он кивнул:

— Именно это ты и сделаешь.

— Ты что-то недоговариваешь?

— Да нет, ничего. Ну то есть, наверное, ничего. Просто возьми ее с собой. Прошу тебя.

Джесс мчалась домой — мир вокруг расплывался пятном, словно рисунок под дождем. Она била ногами по асфальту, до тех пор пока с нее не начал капать пот, а во рту не появился привкус крови. Девочка остановилась перед дверью в свой дом и пару раз втянула воздух, чтобы хоть как-то успокоить дыхание.

Она на цыпочках прокралась на кухню и достала из кармана ракушку. Поверхность уже начала подтаивать, некоторые мелкие детальки смылись и просто-напросто стерлись. Она обернула льдинку куском фольги и засунула в самый угол морозилки, под пакет с горохом, до которого почему-то никогда не добирались.

В ту ночь ей снились странные сны: настолько реальные, что казалось — она вовсе не спит. Она стояла в замерзшей пещере. Лед там был такого же темно-лилового оттенка, как и ракушка, которую она держала в руке. Ей было страшно, потому что она знала: на верхушку пещеры ярко светит солнце и растапливает ее. Она видела, как крыша над головой становится все тоньше и тоньше. Сосульки, острые, как ножи, прорывались внутрь и, разбиваясь, падали на землю тут и там. Солнце делало свое черное дело, прожигая дыру в крыше, и в конце концов луч света прорвался в пещеру. Спрятаться было негде, жалюзи опустить не получилось бы. Джесс была открыта свету. Она приготовилась было к жгучей боли, которая — девочка не сомневалась — вот-вот охватит ее, но никакой боли не было. Вообще никакой. И бояться было нечего. Солнце было ласковым и теплым, оно приятно согревало кожу. Джесс удивленно озиралась по сторонам.

— Боюсь, доктор Стэннард задерживается, — сообщила сестра.

Джесс заметила, что мамины губы раздраженно сжались.

— А вы не знаете, насколько сильно? — спросила она.

— Всего лишь на полчаса или около того, — ответила та и разумно скрылась за углом.

— *Всего* на полчаса, — возмутилась мама. — *Всего*, она говорит!

— Я же сказала, что не стоило ехать.

— Мы должны были.

— Все же нормально.

— Доктор хотел снова осмотреть тебя.

— Мы могли сделать перевязку дома.

— Если бы ты с самого начала не была так неосторожна...

— Это случайность. Разве с тобой никогда не происходило ничего случайно?

— Не хами, Джесс.

Мужчина, сидевший по другую сторону помещения, поднял на них глаза. Мама и дочка пригвоздили его к месту Глазением, при этом ни одна из них не знала, что они начали это одновременно.

— У меня есть полчаса... — проговорила Джесс.

— Ну тогда иди, — ответила мама, махнув рукой. — Но в глухом колпаке.

Джесс отправилась к палате Дэйви и проскользнула внутрь. Там все было по-прежнему, словно это капсула времени, в которой все должно сохраниться для потомков в первозданном виде. Его грудь вздымалась и опускалась, но лицо, пожалуй, казалось еще более бесцветным, чем раньше. Таким же бледным, как у самой Джесс.

Девочка стянула перчатки и достала из кармана ручку и блокнот.

— Прости, Дэйви, — сказала она, — у меня не было времени написать тебе еще одну сказку. Но знаешь что, я напишу ее прямо сейчас.

И она начала.

«Контейнер был величайшим изобретением человечества, так как способен был безупречно сохранить человека на двести лет, которые требовались на путешествие в человеческое поселение на Новой Земле». Перестав писать, Джесс

склонила голову набок, вычеркнула слова «Новая Земля» и заменила их на «Авалон».

— Не было времени написать новую историю, — пояснила девочка. — Я должна была приехать сюда только на следующей неделе, правда, на моем запястье появилась одна штука, которая, как они считают, может стать еще противней. Тебе нравятся рассказы о космосе? Не совсем мое. Но, возможно, в этом нет ничего плохого. А вдруг, если завязнешь в том, что считается твоим, так и не обнаружишь, что́ именно делаешь лучше всех? Например, я как-то написала рассказ о девочке, которая жила в тропических лесах Амазонки, в племени, никогда не знавшем, что такое современный мир. А у этой девочки был врожденный талант — она могла стать лучшей электрогитаристкой всех времен и народов. Но из-за того что девочка жила в этом племени, она никогда не слышала ни об электричестве, ни о гитарах, так что ее талант так и остался нераскрытым. Немного грустный рассказ, честное слово. Так ты любишь рассказы о космосе? Думаю, я могу поднатужиться и написать для тебя такой. Если получится, я привезу его тебе в следующий раз.

Джесс поймала себя на том, что чешет свою повязку. Конечно же, мама и врачи были правы. В скопление мокнущих волдырей попала инфекция. Их нужно как следует продезинфицировать и снова перевязать. Да и чесалось все это ужасно. Или *раньше* чесалось. Она внезапно поняла это, потому что зуд вдруг прекратился. И вообще — в этом месте ничего не ощущалось. Рука как рука. Странное дело. Она поддела повязку и заглянула внутрь.

«Такого быть не может, — думала Джесс. — Такого просто не может быть».

Кожа была совершенно гладкой. Открытые красные язвы, которые были там еще прошлой ночью, совершенно исчезли, осталось лишь несколько темноватых пятнышек.

«Невероятно, — поражалась про себя Джесс. — Ведь они же были. Болели. Саднили, когда я засыпала. Не могли же они просто исчезнуть за ночь!»

Джесс пялилась и пялилась, но факт оставался фактом. Ее ожог, рана — все повреждения просто взяли и пропали.

Поразмыслив, девочка вдруг поняла, что она вообще чувствует себя по-другому. Но ощущений скорее не прибавилось, а убавилось: Джесс перестала чувствовать то, что обычно чувствовала. Все дело в коже. Кожа казалось другой.

Она вспомнила свой сон.

«Это невероятно», — сказала она себе, но подошла к окну и положила руки на жалюзи.

Сердце громко стучало где-то в ушах. Она глубоко вздохнула, просунула пальцы между металлическими пластинами и прижала их к окну. Джесс ощутила тепло солнечного света и приготовилась к жуткому жжению, которое вот-вот обязательно последует. Но ничего не произошло. Едва ощутимое покалывание на подушечках пальцев — и больше ничего.

К горлу подступил комок — девочка подняла руку и потянула за шнурок, чтобы поднять жалюзи.

— Ремиссия? — спросила мама.

— Мы не можем этого сказать, — возразил доктор Стэннард.

— Но ведь это так называется, верно? Когда при таком заболевании становится лучше? Что же это тогда?

— Боюсь, на данном этапе мы просто не знаем, что.

— У меня нет ожога, — сказала Джесс. — Я стояла прямо у окна в палате Дэйви, прямо на солнце — и никаких ожогов.

— Я все понимаю, но...

— Я всегда обжигалась. Вот как с той штуковиной на руке — я простояла на солнце минуты три, не больше, и вы видели, что произошло.

— И это нормально с твоим заболеванием.

— Так что же произошло?

— Это ведь невозможно, — заговорила мама. — Я спрашивала. Вы ведь понимаете, что я спрашивала, раз за разом? Мы ходили к стольким врачам, в столько клиник, и все они

говорили, что это состояние... что она никогда не выздоровеет. Да вы и сами говорили это, доктор. Вы сами говорили мне.

«Она будто недовольна, — с ужасом осознала про себя Джесс. — Говорит так, словно расстроена».

— Я не... так сказать, мне неизвестны случаи, когда люди с заболеванием, как у нее, внезапно... — Доктор-великан казался потерянным. — Мне неизвестны подобные случаи, — повторил он.

— Кроме этого, — съязвила Джесс. — Верно?

— У нас здесь нет необходимого оборудования. Нам придется направить вас в более крупную клинику, послушать мнения других специалистов, провести дополнительные исследования... — Он начал говорить уверенней. — Да, так и поступим. Мы проведем дополнительные исследования. Мы найдем самых лучших людей — разумеется, они будут работать под моим руководством, — и мы начнем исключать возможные причины. Не волнуйся, Джесс, мы докопаемся до истины.

«Он говорит будто о чем-то плохом, — ужасалась про себя Джесс. — Будто это и не улучшение вовсе».

— Как это могло произойти, доктор? — вопрошала мама.

Он провел пальцами по своим редеющим волосам:

— Я... даже не представляю. Вы придете завтра, и мы начнем исследования.

— Я ведь останусь такой? — осведомилась Джесс.

«Пожалуйста, можно я останусь такой?»

«Пусть я останусь такой, пожалуйста!»

«Пусть это будет на самом деле».

Оуэна нигде не было.

«Обычное дело, — сетовала Джесс. — Я хотела сообщить ему самую важную новость о своей жизни, а он куда-то подевался!»

Торопливо шагая по главной дороге, девочка громко звала своего друга, но он не отзывался.

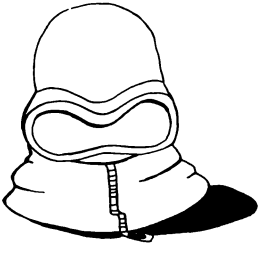
Она обнаружила его возле Старика — мальчик пристально смотрел на верхние ветки дерева.

— Я тебя повсюду искала. Ну не везде, но во многих местах. Оуэн, Оуэн! Оуэн, у меня новость. Ты меня слышишь? Мне нужно кое-что тебе сказать! Оуэн?

В душе у Джесс зашевелился ужас.

— Оуэн! — снова окликнула она, подходя ближе к мальчику.

Когда мальчик в конце концов посмотрел на нее, Джесс увидела, что его лицо искажено неподдельным отчаянием.



«Это не конец света», — очень любила говорить мама. Например, если Джесс поскальзывалась и ударялась головой.

«Это не конец света», — шепотом успокаивала она девочку. А когда Джесс дулась, что ее заставляют больше заниматься математикой, «это не конец света» означало: «Прекрати упрямиться и делай что тебе говорят».

Зато сейчас совершенно точно был конец света, и мама не имела о нем никакого понятия.

Оуэн поднял руку и дрожащим пальцем указал на что-то вверху.

Поначалу Джесс ничего не заметила. Она хотела было спросить, что все это вообще значит, но тут ее осенило: с самых верхних листьев беспрерывно брызгали водяные капли.

Джесс поняла.

Вода. В жидком состоянии.

Дерево тает.

А если дерево тает, значит наступил конец света.

Не приглядевшись, можно было утверждать, что в саду ничего не переменилось. Цветы все еще посверкивали,

воздух обжигал язык Джесс, если она его высовывала, а трава по-прежнему похрустывала под ногами. Однако, внимательно оглядевшись, Джесс и Оуэн повсюду обнаруживали признаки таяния. Вот след от капли на стволе фруктового дерева, вот маленькая лужица, спрятанная в глубине клумбы, тонкая пленка влаги на поверхности камня. Они даже видели, как течет вода. Ее было немного — всего-то ручеек шириной в ладонь, змеившийся по Размаху уверенным, непрерывным потоком.

Они долго наблюдали за ручьем — так, словно одной своей волей могли запретить ему существовать.

— Что будем делать? — в конце концов спросила Джесс.

— Мы ничего не сможем сделать, — просто ответил Оуэн.

— Что, просто будем ждать?

— А вдруг это прекратится?

— А может, только усилится. Возможно, ручей превратится в реку. И все растает. Вообще всё. Даже... — Джесс осеклась.

— Даже я, — подсказал Оуэн.

— Это *невероятно*.

— Нет.

— Оуэн...

— Ничего невероятного, Джесс. Ведь это происходит, верно? А значит, это возможно.

— Почему ты так спокоен?

— А каким я должен быть?

— Но мы же наверняка можем что-то сделать.

— Ничего. — Оуэн провел рукой по кусту, и из него посыпались целые стайки крошечных ледяных кристалликов; они принялись кружиться, словно пылинки в солнечном луче.

— Нельзя вот так говорить, — возразила Джесс.

— Как — «вот так»?

— «Ничего». И бездействовать.

— Возьми меня за руку. Чувствуешь? Лед. Я знаю, что это значит. Я же говорил тебе, что сад — мой дом. И я понимаю, насколько все серьезно. Тем не менее ничего нельзя поделать.

— А вот и напрасно! — рявкнула девочка.

Оуэн покачал головой:

— Что случилось бы, если бы ты упала со скалы?

— Что ты имеешь в виду? — удивилась Джесс.

— Ну, если бы ты поскользнулась и упала, что бы ты делала?

Джесс непонимающе посмотрела на мальчика.

— А ничего, — продолжал он. — Просто упала бы. И в эти несколько секунд ты бы понимала, что все вот-вот закончится, но поделать *ничего* нельзя. Хоть руками маши, хоть ори и визжи — все бесполезно. Так и здесь. Только падаю я медленно.

Джесс охватил внезапный приступ злости на друга. Неужели он не видит, насколько все серьезно?

— Нам нужно подумать, — сказала она.

— Джесс...

— Почему это происходит? Вот в чем вопрос. Почему именно сейчас? Что изменилось? С чего все началось?

— Джесс, прекрати! — лицо мальчика исказило бессилие; вокруг его лодыжек взметнулись снежинки.

— Если мы поймем это, нам удастся остановить таяние.

— *Джесс!* — Лоб Оуэна съежился, он сжал свои виски, будто стремился ухватить боль, поселившуюся в голове. — Ничего не выйдет. Да и смысла нет.

— Ты не должен опускать руки, Оуэн, я не позволю тебе.

— У меня болит голова.

— Мир рушится, а ты жалуешься на головную боль?

— Оставь меня в покое! — заорал мальчик.

Встревоженная, Джесс отступила на шаг назад. Оуэн тряс головой из стороны в сторону, слабо постанывая. Его голубые глаза стали почти серыми.

— Нет, нет, нет, — невнятно говорил он. — Только не это, только не это...

— Оуэн?

На секунду он сосредоточил внимание на подруге.

— Иди, — попросил он. — Иди и не возвращайся. Иди! Прошу тебя! Пожалуйста, Джесс!

Мальчик согнулся пополам от боли, его яростно трясло.

Джесс шагнула ближе и наклонилась, чтобы заглянуть ему в лицо. Словно темные тучи сгустились в голубом небе его глаз. Он пронзительно закричал — без всякого предупреждения. Звук был оглушительный — этакий рев горной бури. И вдруг девочку поглотила неистовая метель. Все кругом враз побелело, и Джесс пришлось ухватиться за ветку, чтобы ее не сдуло с ног. Ледяной ветер ударил в лицо. Оглушительный шум и нестерпимый холод, — но хуже всего было ощущать неистовые злость, страх и горе Оуэна, что кружили повсюду.

А потом все закончилось. В ушах у Джесс звенело. Лицо покрылось слоем инея. Но мальчика видно не было — лишь слабые следы ног в том месте, где он развернулся и пустился бегом.

— Оуэн! — закричала Джесс, направляясь за ним. — Погоди!

Взвалив на плечи рюкзак, девочка помчалась по его следу. Она спешила вверх по тропке, размахивая руками и жадно ловя воздух, но прекрасно понимала: Оуэна на полных парах ей не догнать. Но она шла дальше — во фруктовый сад. Девочка споткнулась о корни дерева и растянулась на земле. Из-под какого-то листа на нее уставились глазки летучей слономыши. Джесс с трудом поднялась на ноги, вышла на открытое место и увидела отпечатки ног, что вели к мосту.

«Только не в лес, Оуэн, куда угодно, только не в лес!» — умоляла про себя девочка.

Но остановиться она не могла. Джесс была не в силах вот так уйти от друга.

«Джессика, не надо!» — звучал мамин голос в ее голове, но девочка не обращала внимания и быстро шагала к мосту — она почти не сбавляла скорость. На льду было скользко, а по обе стороны моста зияла пропасть. Ощущение было такое, словно она балансирует на языке огромного чудища, которое обдает ее своим холодным пахучим дыханием, — казалось, Джесс даже слышит, как клокочет внизу его голодное брюхо.

С чувством глубокого облегчения девочка шагнула на противоположный край пропасти и наконец остановилась. Мост заканчивался узкой тропкой, которая вела прямо в лес. *Тропинка.*

— Оуэн! — крикнула Джесс и услышала, как эхо продирается между деревьями, теряя силу с каждым новым повтором.

Тишину то и дело нарушало шуршание в подлеске.

«Что там, в лесу? Что ждет меня в чаще?» — думала девочка.

— Оуэн! — снова закричала она.

Как так получилось? День, когда сбылась мечта всей ее жизни — она излечилась, — в конце концов наступил, но потом обратился кромешным адом.

— Оуэн! — заорала она, вкладывая в это слово всю свою силу до последней капли; в конце крик сорвался на рыдание, но Джесс сдержала его.

Тишина. Полная тишина.

Громкое пиканье испугало девочку. Часы. Здесь они звучали очень неестественно. Джесс выключила сигнал и закрыла глаза. Пора возвращаться. Но возможно ли это? Возможно ли оставить его в этом ужасном месте?

«Он успокоится, — думала девочка. — Я вернусь завтра, он будет в саду, и мы вместе решим, что делать и как все уладить. А если нет...» Закончить мысль не удалось. «Если нет» придется оставить до завтра.

Джесс добралась до дома и шмыгнула внутрь. Не пройдя и двух шагов, она поняла: тут что-то не то. Везде горел свет. Прошло еще несколько секунд, прежде чем она поняла, что все это значит, и сердце ухнуло в пятки. От лестницы она повернула в гостиную — как раз в тот момент, когда в дверном проеме возникла мама. Ее покрасневшие глаза запали, а кожа казалась белой, словно туго натянутая бумага. Рядом с ней стояла незнакомка. И это была полицейская.

Сначала была радость и такие крепкие объятия, что Джесс боялась никогда из них не вырваться. Волосы мамы пахли увядающими цветами (старый шампунь), а прикосновение сухой кожи передало все тепло ее тела.

А потом выплеснулась злость — раскаленная, способная прожечь стены.

— Как ты могла?

Джесс предпочла не отвечать.

— Как ты посмела просто взять и улизнуть?

Да и что тут можно ответить?

— Я пошла тебя проведать, Джесс, ты меня слышишь? Я говорю, что пошла проведать тебя! Знаешь, что я почувствовала?! Увидев, что тебя нет, а я вообще не представляю... не представляю! — От маминого крика все в комнате звенело. — Я думала, тебя похитили! Слышишь?!

Джесс было не по себе — но как-то по-особому. Она не могла припомнить подобного ощущения. Его невозможно было упрятать в аккуратненькую коробочку с надписью «Вина».

Виноватой чувствуешь себя, если съедаешь последний кусок пирога, пока мама не видит. Вина — штука приходящая и уходящая, словно внезапный порыв ветра: пусть он взметнул уличный мусор, но, разумеется, вскоре все о нем забудут. Это же чувство какое-то другое — более глубокое. Желание, чтобы все сделанное можно было взять и отменить. Чтобы все это время можно было как-то переписать, и маме не пришлось бы переживать все эти страдания. Чтобы мама никогда не смотрела на нее так, как смотрит сейчас.

Джесс сумела подобрать название своему ощущению. *Сожаление.*

— Я молю бога, чтобы тебе никогда не пришлось пережить то, что я пережила сегодня, Джессика. Пусть даже самую малость. Если бы что-нибудь случилось с тобой... — Мама ущипнула себя за переносицу. — После всего, что я сделала для тебя!.. Ты просто взяла и ушла посреди ночи, а ведь могло случиться *что угодно*. Тебя могли увидеть и... — Ее вздох прозвучал почти как стон, словно конец этой фразы было слишком страшно выговорить, словно мысли, толпившиеся в ее голове, были невыносимы.

«Какой плохой надо быть дочерью, чтобы устроить своей матери подобное? — ужасалась про себя Джесс. — Неужели я такая дрянь?» Но, несмотря на эти мысли, Джесс прекрасно понимала, что ей снова придется причинить маме боль. Потому что Оуэн в опасности, потому что его мир рушится. Она не сможет остаться в стороне и пустить все на самотек. Ей необходимо вернуться в ледяной сад. Необходимо найти способ туда попасть.

Полицейская оставила их одних. Они молча сели за кухонный стол — друг напротив друга. Злость миновала. Ее всполохи притушила грусть, тяжелым одеялом накрывшая дом.

«Скажи что-нибудь, — велела себе Джесс. — Разряди обстановку». Но она понимала, что слова тут не справятся. Нужно время.

Мама заварила себе чаю. На одном окне жалюзи были закрыты не полностью, и в комнату стало попадать размытое сияние утреннего света. Джесс встала и по привычке поправила жалюзи. Но, уже сделав это, вдруг поняла: возможно, это не нужно. От этой мысли по ее коже побежали мурашки.

«Неужели это все-таки правда?»

— Быть на улице и не надевать колпак, — начала Джесс. «*Как это объяснить?*» — Это совсем другое ощущение. Это как... Это мне необходимо. — «*Продолжай же. Ты обязана объяснить ей это. Ей нужно понять хотя бы что-то*». — Я ничего такого не делала, — соврала девочка. — Просто побродила и вообразила себе, как места, которые я видела, могут выглядеть при свете дня. В Вестонском парке есть площадка. Я посидела там на качелях.

— Ты дошла аж до парка?

— Ну я вроде как... вроде как выбралась из клетки. Будто я зверь, которому удалось удрать на несколько минут.

Мамины глаза наполнились слезами.

— Я никогда не хотела, чтобы ты чувствовала себя так.

— Это не твоя вина.

— Я старалась, Джесс. Я старалась, чтобы тебе было как можно лучше.

— Я знаю.

— Я старалась изо всех сил.

— Это не твоя вина.

— Давно это? Ну то есть — сколько ночей?

— Всего неделю.

— Я понятия не имела.

— А откуда тебе было знать?

— Я твоя мать. И должна была понять: что-то не так. Должна была почувствовать. Верно ведь?

— Тут нет твоей ошибки. Все дело во мне.

— А почему сегодня, малышка? — спросила она.

— Что ты имеешь в виду?

— Возможно, все закончилось. Вероятно, ты...

Джесс уже знала конец этого предложения. Вероятно, она *поправилась*, зачем же рисковать и убегать?

— Ты же слышала, что говорил доктор Стэннард. Обследования. Другие врачи. Еще больше людей будет говорить мне, что я могу и чего не могу делать. — Произнося эти слова, Джесс вдруг поняла: это и есть правда. Ей хотелось излечиться, но она не знала, чем это грозит. Ей было приятно вести с мамой честный разговор, даже несмотря на то, что она не упоминала о ледяном саде, а значит, все-таки врала.

— А разве ты не хочешь понять, что с тобой происходит?

— Конечно, хочу. Но это... — Она не договорила.

— Я понимаю, малышка.

Ну вот — и говорить не пришлось. Джесс боялась обследований, которые должны были начаться сегодня. Но мама, конечно же, будет настаивать, чтобы она поехала — так ведь приказали врачи. Так было правильно. По-взрослому. Нельзя просто-напросто поверить в чудо и ничего не делать.

— Ложиться спать нет смысла, я так понимаю. Я приготовлю завтрак.

— Прости, мама, — ляпнула Джесс.

«А еще прости, что мне снова придется уйти», — добавила она про себя.

В больнице настаивали, чтобы Джесс все равно ходила в глухом колпаке. Пока не выяснится, что на самом деле происходит, лучше, чтобы девочка не рисковала.

Иголка больно проколола кожу на руке, но Джесс не отвела взгляда. Напротив, она наблюдала, как ее кровью наполняют пробирку за пробиркой. После были еще обследования: какими-то штуками скребли у нее во рту, какими-то лампами светили ей на кожу.

— Она молодчина, мамочка, — радовался доктор Стэннард. — Правда ведь молодчина?

Мама слабо улыбалась. По дороге в больницу они не разговаривали. Можно было бы обсудить очень многое, но в то же время обсуждать было нечего.

Медсестры приходили и уходили. Минуты раздувались в часы. Явился еще один врач и снова начал задавать девочке самые разные вопросы. У него был очень низкий голос и кустистые брови, которые скатывались с лица, словно волны. В это время доктор Стэннард сидел в углу комнаты и казался куда более хрупким, чем обычно. Джесс начала про себя сочинять сказку о великане, который проснулся однажды утром и понял, что стал обычного человеческого роста, как и мечтал всю жизнь. Но люди не дали ему как следует порадоваться: они посадили его в клетку и принялись брать анализы, чтобы понять причину изменений.

Впрочем, больше всего она думала об Оуэне. Несмотря на все беседы, ощупывания и уколы, в мыслях она все равно оставалась со своим другом. Вернулся ли он в сад или все еще бегает по лесу, забираясь глубже и глубже в чащу?

Маме дали какую-то бумагу. Джесс наклонилась посмотреть. Расписание. Несколько последующих недель ее жизни были расписаны по таблицам и спискам.

«Неужели они считают, что я буду это делать? — ужасалась она про себя. — Неужели они считают, что это нормально?» Вот, значит, какую цену нужно платить за хорошее самочувствие: они не отстанут, пока не отнимут у Джесс всю радость?

— Можно мне выйти на улицу?

— Не сейчас, Джесс. Давай подождем, когда все выяснится: а вдруг мы что-то упускаем и это по-прежнему опасно?

— Мам!

— Слушай доктора.

— Но...

— Я сказала: слушай доктора.

— Значит, я поправилась, но не имею права порадоваться этому? Мне по-прежнему нужно прятаться, словно я *нежить* какая-то.

Мама моргнула и поморщилась, словно от пощечины.

— Джесс... — начала было она, но продолжить так и не сумела.

— Мне лучше! Я вылечилась! — заорала Джесс. — Но я все равно ненормальная, верно? Для тебя я никогда не буду нормальной.

Девочка поднялась так поспешно, что ее стул перевернулся и упал, огласив грохотом тихую комнату. Не произнеся больше ни слова, Джесс развернулась и вышла, но, уже оказавшись в коридоре, вдруг испытала неприятное ощущение.

«Ты только усложняешь», — подумала она. Зачем рычать на маму за то, в чем она вообще не виновата? Но почему же она не воспротивилась доктору Стэннарду? Почему даже в этот раз не встала на сторону дочери?

Джесс осознала, что пялится в пустоту, только в тот момент, когда за спиной вдруг поднялись крики, и ей пришлось прижаться к стене, чтобы ее не сбила с ног целая гвардия врачей и сестер, мчавшихся по коридору. Джесс видела, как они исчезли за какой-то дверью. И вдруг кровь застыла у нее в жилах.

Это была палата Дэйви.

Ее так захватили события, связанные с Оуэном, и ссора с мамой, что она почти не вспоминала о спящем мальчике. Но теперь страх за Дэйви вновь заполнил все ее существо, и Джесс рванулась к входу в его палату.

Вокруг его кровати толклись люди. Кто-то выкрикивал команды, кто-то действовал, однако Джесс все это казалось жутким хаосом. То и дело девочке удавалось увидеть Дэйви, и она ужасалась тому, насколько бледным и замученным он выглядел. Аппарат рядом с ним выл на одной, очень высокой ноте.

Джесс никто не замечал — она пробралась в палату и остановилась в уголке. Ощущение было такое, будто все ее тело вывернулось наизнанку. Каждое сухожилие напряглось до предела, а в мозгу пульсировал вопль: «Пусть все будет

хорошо, пусть все будет хорошо!» И вдруг ее сознание заполнили сказки, которые можно было бы написать для него. Истории о джиннах, рождавшихся из камней посреди песчаной пустыни. О ребенке, который мог превращаться в ворона. О доме, который пожирал всех людей, решивших в нем поселиться; о девочке, которая нашла волшебный сад, полностью состоявший изо льда. Она готова была отдать все что угодно — всю свою душу до последней частички, все свои силы до последней капли, все мысли и всё добро до последней искры, — только чтобы Дэйви очнулся. Только чтобы он поправился. У него обязательно все будет хорошо. Он просто обязан очнуться. Обязан послушать все те сказки, которые она для него напишет.

Пусть все будет хорошо. Пусть все будет хорошо. Пусть все будет хорошо. Пусть все будет хорошо.

Кто-то положил руку ей на плечо. Джесс вздрогнула, словно пробудилась от кошмара. Палата почти опустела. Вокруг койки крутилось уже меньше людей, и движения у них были уже не такие порывистые, как несколько секунд назад.

«Пип, пип, пип», — твердил аппарат.

— Что ты здесь делаешь, Джесс? — Это была мама Дэйви. — У тебя все в порядке?

— Я видела... Я видела, как все они вбежали сюда.

— Знаю.

— А он... Как он?

Женщина задрожала. Она была исполнена такой печали, что Джесс с трудом смотрела на нее. Этим утром мама встретила ее с таким же выражением лица.

— Он поправится? — снова спросила Джесс.

— В первый раз это случилось вчера. Много дней вообще ничего не было — никаких перемен. Ни к лучшему, ни к худшему. И вдруг вчера, ни с того ни с сего, случилось это. И сегодня опять. Врачи не знают, почему вдруг. Говорят, что делают все возможное, но... — Мама Дэйви замолчала так надолго, что Джесс уже и не ждала продолжения. Но когда женщина

вновь заговорила, у нее получался только шепот: — Они говорят: чем чаще это случается, тем меньше шансов спасти его.

В глазах потемнело. Джесс слышала голос, свой собственный голос, говоривший правильные вещи и пообещавший, что она вернется с новой сказкой, но все это происходило словно в сотне километров от нее. В этот момент она была в другом месте — во тьме, где метались и спотыкались друг о друга ее мысли.

Как так получилось? Всего несколько дней назад ее жизнь казалась самой предсказуемой на свете. У нее были ее уроки, ее рассказы, ее мама и ее поездки к доктору Стэннарду. А потом — понеслось. Встреча с Дэйви, ночной побег из дома, визит в ледяной сад... Словно открыв дверь в другую жизнь, она пригласила на порог полнейшее безумие.

«Вчерашний день, — решила она про себя. — Ключ к разгадке — во вчерашнем дне». Именно вчера произошло чудесное исцеление. Вчера начал таять ледяной сад. И вчера первый раз реанимировали Дэйви. Неужели все это просто совпадение? Или за этим стоят какие-то иные события? Которые Джесс никак не может постичь.

Наконец придя в себя, девочка поняла, что стоит возле кабинета доктора Стэннарда. В открытое окно струился солнечный свет. И попадал ей прямо в лицо. Она ждала. Ждала, что получит ожог. Но ничего не произошло. Солнце больше не обжигало.

Закрыв глаза, Джесс продолжала стоять в ярком солнечном свете.

Той ночью мама пришла к ней в комнату в тот час, когда Джесс уже давно полагалось спать. Девочка не стала открывать глаза. В конце концов послышался звук удаляющихся шагов.

«Смогу я или нет? — спрашивала себя девочка. — Смогу или нет?» Вопрос решился сам собой.

Ждать пришлось до ужаса долго, но в конце концов Джесс встала и прижала ухо к двери в мамину спальню. Девочка услышала медленное глубокое дыхание — верный признак сна.

Джесс даже не попыталась спуститься вниз. Она знала, что дверь заперта. Девочка сразу же выбралась из межэтажного окна на плоскую крышу кухни, а оттуда сползла на задний двор. Там был проход на улицу. Металлическая калитка заскрипела, когда Джесс толкнула ее. Девочка поморщилась.

Она изо всех сил пыталась изгнать из памяти мамино заплаканное лицо, но оно упорно возникало перед ее мысленным взором. Но выбора у Джесс не было — когда-нибудь она наладит отношения с мамой, а вот Оуэну надо помогать прямо

сейчас. Нужно немедленно исправить то, что она наделала и что погрузило в хаос оба мира.

Впереди раскинулся лес — темный-темный лес. Он состоял из миллиона переплетенных между собой частей. Деревья и лозы образовывали плотную мерзлую завесу — лес был огромным и очень грозным. Джесс предстоял опасный путь.

Она обыскала весь сад, но Оуэна так и не обнаружила, зато увидела новые приметы таяния. Он не вернулся. Значит, оставалось только одно.

«Что с тобой, Джесс? — слышала девочка мамин голос. — Ты ушла, не думая о питании и убежище, прихватила лишь сумку, что висит на твоем плече. Ты понятия не имеешь, где он, возможно, тебе придется скитаться несколько дней. А завтра ты должна показаться врачам».

Снова ступив на мост, Джесс затряслась всем телом. И на каждый шаг лед отвечал протестом: он скрипел и стонал под ее ногами. Девочка понимала, что ей необходимо дойти до Оуэна, но ноги словно перестали слушать мозг — Джесс приходилось силой волочить их вперед. На шее и затылке начал собираться пот. Даже в собственном дыхании она слышала дрожь.

— Иди же! — шепотом командовала она, злясь на собственный страх.

«Ты должна помочь ему, — мысленно ругала себя Джесс. — Это всего-навсего мост, а ты обязана помочь Оуэну!»

Девочка едва миновала середину, и тут раздался резкий треск, громкий, словно выстрел из винтовки. Она остановилась и замерла на месте; сердце бешено колотилось в груди. Джесс сделала еще один, пробный шаг и почувствовала, что пластина прямо под ней сдвинулась, лед тревожно захрустел. У ее ног разошлась тонкая трещина. Она с трудом сглотнула. Трещина начала расти, убегая змейкой все дальше и дальше и отрезая все пути к отступлению. Всего на мгновение она бросила взгляд в жуткую тьму внизу, а потом пустилась

бегом. Она бешено работала ногами, увеличивая скорость, а за ее спиной рушился мост. Девочка еще больше ускорилась и последний метр преодолела в один прыжок: она оказалась на другой стороне пропасти как раз в тот момент, когда мост за ее спиной обвалился окончательно. С разинутым от ужаса ртом она наблюдала, как мост целиком рухнул в пропасть.

Потрясенная, Джесс, покачиваясь, поднялась на ноги. Она была жива, но оказалась в ловушке. Она в ловушке! Вернуться в сад уже не получится, остается только двигаться вперед. Выбора нет — придется идти в лес.

Джесс окружали деревья — оскаленные зубы искристого льда. Путь извивался, словно только что размотанная веревка, то вниз, то вверх по крутым склонам оврагов. Когда глаза девочки привыкли к мраку, она начала различать птичек и других мелких существ. Из кустов за ней кто-то следил. Она слышала, как животные перекликаются между собой. Летучая слономышь спорхнула с одной из веток, когда Джесс проходила мимо, и девочка вскрикнула от неожиданности.

Она наклонилась, чтобы подставить свою бутылку под струйку воды, вытекавшую из подлеска. Таяние распространялось быстро, а Оуэна и след простыл. Никаких отпечатков ног, никаких следов. Неужели он все еще бежал, по-прежнему не останавливаясь, в самую сердцевину леса? И как далеко он мог убежать, пока ее не было здесь?

Джесс не знала, сколько времени она шла, чувствовала только, как ноют ноги. Конца у этой дороги не предвиделось. Сквозь плотный купол леса то и дело просвечивали крохотные кусочки неба. Джесс устало брела вперед, почти не чувствуя окоченевших ступней. И вдруг подумалось: если ей суждено погибнуть здесь, никто никогда ее не найдет. И никто никогда не узнает, что с ней случилось. Девочка поежилась.

Она добрела до небольшой полянки и без сил опустилась на землю: ноги просто отказывались двигаться. На мгновение она закрыла глаза.

«Я могу поспать тут немного, — подумала Джесс. — Могу отдохнуть».

Кто-то коснулся ее плеча.

Джесс резко открыла глаза. Лоза, свисавшая с одного из деревьев, обвилась вокруг ее предплечья. Девочка с усилием скинула ее, но ледяную лиану тут же сменила другая — тоже холодная и гладкая.

Джесс ухватилась за растение, пытаясь освободиться, но вьюн резко дернулся и крепко сжал ее руку. Девочка вскрикнула от боли и сбросила лозу, но на запястье остался ледяной браслет. Она поднялась на ноги, но сразу оступилась — из подлеска выскользнул еще один ползучий стебель. Она ударилась головой о твердую почву и взвизгнула — звук, совершенно не характерный для Джесс. Визжать умеют девочки, живущие в зефирно-розовом мире. А она не визжала — ни когда врачи всаживали в нее иголки, ни когда солнце обжигало ей кожу. Джесс визжала только теперь — когда все больше и больше вьюнов-щупалец высовывалось наружу. Они падали с деревьев, словно змеи, атакующие жертву. С невероятной скоростью извивались они по ледяной земле, опутывая каждый сантиметр ее тела, волоча ее назад, в глубь леса.

Ползун шириной с ее запястье скользнул по шее Джесс и сжался — девочка задыхалась. Растение ухватилось за нее так крепко, что высвободиться не получалось. Грудь девочки была сдавлена в удушающем объятии. Перед глазами замелькали яркие точки, а в ушах гудело так, словно она стояла посреди переполненного машинами шоссе. На мгновенье она очутилась в машине — была ночь, мимо проносились опоры, оставляя в черном небе дорожки света. Джесс на пассажирском сиденье, за рулем мама — обе громко подпевают радио. Кто-то что-то кричал, но Джесс едва слышала этот звук, будто бы он шел из глубины водоема. Звук казался далеким и бессмысленным. Джесс ехала в машине вместе с мамой, и все должно было быть хорошо.

— Тяни! — прорвался голос. — Джесс, помоги мне тянуть!

Окружавший ее туман прорвал и еще один звук — треск разбиваемого льда. Джесс ощутила, как растения немного ослабили хватку, и инстинктивно набрала в легкие побольше воздуха, а потом открыла глаза. *Оуэн.* Это был Оуэн.

Джесс была поражена, что все-таки осталась в живых. Она смутно помнила, как Оуэн кинулся к ней, пролезая между лозами, и стал отдирать их от нее, вытаскивать ее из ловушки. У Джесс вдруг зачесалась щека — поморщившись, она нащупала ранку прямо под глазом и вытащила из нее осколок льда. Ползучие растения нависали над ними, покачивались и извивались, словно змеи, стремясь улучить момент для новой атаки. Обессиленный Оуэн поднялся и взял Джесс за руку.

— Не отходи от меня, — шепнул он и шагнул вперед.

Лозы несколько съежились и немного отстранились, но полностью не сдались.

«Он тут ни при чем, — подумала Джесс. — Они за мной охотятся». Девочка заметила, что растения будто бы окаймлены тьмой: мрак окружал их, словно нимб.

— Джесс, — прошипел Оуэн прямо ей в ухо, — нам придется *бежать*. Ты готова?

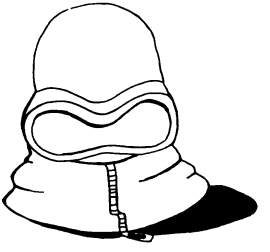
Девочка покрепче сжала руку друга, и они пустились бегом через полянку, чтобы оказаться на лесной тропе. Было слышно, как ползучие растения отчаянно пытаются дотянуться до них и снова схватить убегающую добычу. Джесс и Оуэн не оборачивались. Они бежали гуськом по самому центру тропы, чтобы враги из подлеска не смогли броситься на них.

Джесс вдруг вспомнила первый день, который они провели вместе, гоняя по лабиринту. Оуэн говорил ей, что сад способен раскрываться. Похоже, то же может делать и лес. Вдруг в ней появилась уверенность: если бы она была одна, наверняка застряла бы тут навеки. Могла ходить, бродить, но так никуда бы и не вышла. Но Джесс не одна. У нее есть Оуэн. И это — его мир.

Джесс услышала, как мальчик завопил, словно в ответ на ее доверие:

— Туда!

Девочка и сама видела: лиловый свет прорывался сквозь густые заросли деревьев. Она бежала изо всех сил; еще один, последний, рывок — и она, спотыкаясь, вылетела на открытое пространство.



— Что ты здесь делаешь? — спросил Оуэн. В его голосе слышалась не только злость, но и робкая радость.

Мальчик протянул Джесс руку, и она поднялась; затянутой в перчатку ладонью она стряхнула снег с одежды. Перед ними раскинулась широкая равнина, за которой, упираясь в небо, шел ледяной горный массив.

— Больше *никогда* так не убегай, — сказала Джесс, сильно ткнув Оуэна указательным пальцем. — Понял? — И девочка заключила его в объятия: она была так рада, что и думать забыла о жгучем морозе.

— Мне больно, — попытался возразить мальчик.

— Как ты нашел меня?

— Я услышал твой крик. И подумал, что ты могла попасть в беду. Зачем ты пошла за мной?

— Я волновалась — ты что, дурак?

— Но ведь я сделал тебе *больно*!

— Да ладно, ничего подобного.

— Так случается порой, если я расстроен. Я не знаю, как справиться с этим, поэтому убегаю, чтобы не натворить дел похуже.

— Со мной все нормально, Оуэн. Погляди на меня. У меня все хорошо.

В ветвях деревьев, стоявших за их спинами, ветер пропел печальную песню.

— Я провожу тебя назад.

— Назад мы не попадем.

— О чем это ты? Конечно же, я тебя провожу!

Джесс рассказала мальчику о мосте: о том, как тот раскрошился, словно сахарная глазурь. На лице Оуэна отразилась целая радуга эмоций — от недоверия до ужаса, — и Джесс боялась, что снова кинется к нему на шею.

— Мы найдем путь назад, — с уверенностью заявила она.

— Его просто нет, — выпалил мальчик. — Мы же оба видели. Пройти через пропасть можно было только по мосту.

— Я выведу тебя домой, Оуэн. Не волнуйся. Выведу. — Джесс слушала свой собственный голос, такой сильный и уверенный, и ей очень хотелось, чтобы внутренние ощущения ему соответствовали.

Мальчик рассмеялся.

— Ты выведешь *меня*? — в конце концов произнес он. — А ты? Это ведь я должен вывести тебя домой.

В лесу Джесс как-то умудрилась позабыть — или просто хотела позабыть — свое собственное положение. Она так сосредоточилась на необходимости найти Оуэна, что эта более серьезная проблема отодвинулась куда-то на задворки сознания. Но мальчик, разумеется, был прав: белая стена у кромки сада — единственный путь в ее мир. И если она не сможет попасть в сад...

«Прекрати, Джесс, — велела она себе. — Прекрати думать об этом сию же секунду!»

— Что такое? — спросил Оуэн, нервно отступив на шаг назад. Это просто Джесс сделала каменное лицо и пустила в ход Глазение. — Почему ты так смотришь на меня?

— Ты же меня слышишь, правда? У меня есть мама, которая до ужаса волнуется обо мне, поэтому я обязательно найду дорогу домой. А это означает, что *ты* тоже *непременно* попадешь домой. По ходу дела мы разберемся с проблемой таяния, чтобы тебе и в самом деле было куда возвращаться. Понял? — Джесс переключила Глазение на максимум. — Я спрашиваю: ты понял?

Оуэн кивнул.

— Хорошо, тогда нам тут нечего делать. И если мы не можем повернуть назад, тогда нам нужно просто идти вперед. Возможно, есть еще один путь домой. Еще одна прореха, вроде той, что в стене.

«Должна быть еще одна, — думала девочка, поеживаясь. — Обязательно должна быть...»

Горы становились все больше. Спустя несколько часов начало меняться небо. Выкатились пухлые, брюхатые тучи, и из них начали медленно вылетать огромные — величиной с блюдца — снежинки. Снег падал все сильнее и сильнее — в конце концов Джесс почти перестала видеть дорогу, а ее одежда полностью покрылась льдом. Стужа пронизывала ее насквозь, до самых костей, но она не жаловалась. Вместо этого она вспомнила господина Олмоса, как он, сидя у себя на кухне, прихлебывал свой жуткий чай.

— Джессика, позволь мне дать тебе один совет, — говорил он. — Когда тебя уверяют, что ты не в силах сделать то или иное, всегда отвечай, что они идиоты, и все равно делай это. — Его засаленные пальцы скребли по жесткой бороде. — Говорили, что я не смогу построить ракету в своем саду. С чего они это взяли?

— Но ведь вы *не смогли* построить ракету. Она не сработала.

— Так в том-то и дело! Я же ее построил. Несмотря на то что они не верили. В этом *все дело*!

Оуэна почти совсем не было видно. Джесс споткнулась и упала на колени в глубокий снег, ее сердце заходилось в груди, словно большой барабан. Она крикнула, но звук утонул в вое ветра. Девочка крикнула снова, но ее голос совершенно терялся на огромном просторе. Она застряла в белом шаре из кружащихся снежинок. Позади него метались какие-то тени.

«Отдай ее, девочка, — шептали они. — Отдай ее».

— О чем вы говорите? — крикнула Джесс. — Что я должна отдать? Я не понимаю, чего вы от меня хотите!

Чья-то рука схватила ее за предплечье и потянула вверх. Тени отступили, и показалось лицо Оуэна. Он подхватил девочку на руки и понес ее вперед, ступая тяжелыми, решительными шагами, а Джесс просто слушала страшные пророчества воющего ветра.

Она вспомнила о Дэйви — он лежал на больничной койке, и никто не читал ему сказок. Интересно, а какой у него голос? Было бы здóрово однажды услышать его.

Тропа, которая довольно долго была абсолютно прямой, вдруг начала извиваться, а потом свернула в горы. Они немного отдохнули: Оуэну нужно было восстановить силы. Когда Джесс спросила, как он себя чувствует, он только улыбнулся и сказал, что пора идти. Они поднимались все выше и выше, однако из-за снежной бури видимость почти равнялась нулю. Оуэн продолжал шагать вперед, а Джесс следовала за ним; ноги гудели — карабкаться было трудно.

Однажды мама принесла Джесс японскую шкатулку с секретом. Это был большой темный куб с замысловатыми узорами на верхней части и по бокам. У шкатулки не было ни крышки, ни петель, ни замочной скважины. Было вообще непонятно, как ее открыть. Однако, когда Джесс потрясла ее, она услышала: внутри что-то шевелится.

Некоторым — неважно, взрослому или ребенку, — шкатулка быстро наскучила бы, и они бросили бы с ней возиться. Но только не Джесс. Спустя час или около того она обнаружила небольшое углубление в деревянной стенке. Невооруженным

глазом его почти не было видно, но она не сомневалась: один из листочков расположен чуть-чуть неровно. Девочка надавила на это место и услышала, как внутри что-то щелкнуло. Теперь у нее была зацепка. Она терпеливо ощупала шкатулку пальцами. В конце концов девочка обнаружила еще две кнопки. Джесс надавила на них, услышала, как открылись замочки, и поняла, что одна из панелей теперь сдвигается. Внутри располагалась еще одна шкатулка, а внутри этой — еще одна. Джесс проходила шаг за шагом, ни на секунду не разочаровавшись и не потеряв терпение, и наконец обнаружила в самом сердце шкатулки серебряное кольцо с выгравированными буквами — ее именем.

Этот путь по равнине очень напоминал Джесс такую шкатулку с секретом, и она продолжала двигаться с присущей ей решимостью. Она не могла себе позволить задуматься о том, сколько времени прошло в ее мире. И в очередной раз ей пришлось задвинуть в дальний уголок сознания мамин образ с выражением ужаса на лице.

Они нашли укрытие в небольшой пещерке и вместе съели то немногое, что у них было. Обветренные губы Джесс защипало, когда она надкусила ледяное яблоко, но все равно фрукт сумел согреть ее изнутри. Оуэн лег на землю, свернувшись калачиком. Его глаза стали тускло-серыми. От ярких цветов, что поблескивали под его ледяной кожей, теперь не осталось и следа. Джесс поняла: то, что происходило с ледяным миром, теперь напрямую отражалось на ее друге.

«Что мы делаем? — думала она. — Мы не должны быть здесь». Если бы Оуэн не сбежал, если бы она не последовала за ним, они бы по-прежнему оставались в безопасном саду, выстраивая тактику дальнейших шагов. Однако снежный ком все-таки скатился со склона холма, набирая по дороге скорость и размеры, так что обратного пути уже нет.

— А знаешь, ты же так и не рассказала мне о своих новостях, — в конце концов пробормотал Оуэн.

— О чем это ты?

— Ну, помнишь, когда ты нашла меня возле Старика? Ты сказала, что должна сообщить мне о чем-то.

Джесс не смогла удержаться от смеха.

— Мне кажется, я выздоравливаю, — просто объяснила она. — Кажется, моя кожа становится... Думаю, я становлюсь нормальной.

— Это хорошо, — сказал мальчик. — Это очень хорошо.

Это очень хорошо. Джесс вспомнила о ракушке, которую ее друг вырезал изо льда и которая сейчас лежит дома в морозилке. Может, дело в ней? Джесс стало интересно. Она должна была понять. Но, пока она не окажется дома, ничего понять не получится.

— Никто не знает, как так получается. Оуэн? — Джесс ткнула его локтем. — Я сказала, что никто не знает. Может... может, ты знаешь?

Но мальчик уже уснул.

И вдруг на девочку обрушилась целая лавина страха и отчаяния, она так крепко сжала кулаки, что ногти больно врезались в кожу ладоней. Ей нужно попасть домой. Она *должна*.

Джесс резко проснулась — ей показалось, что она снова в больничной палате и опять наблюдает, как врачи и медсестры мчатся на помощь к Дэйви.

Когда она села, Оуэн, что-то бормоча, перевернулся на другой бок. Мышцы ныли, пока Джесс с трудом поднималась с твердой земли и шла к входу в пещеру. Снег перестал идти, однако стужа оставалась столь же суровой. Вдалеке что-то ревело и завывало. Девочка шагнула наружу.

Открывавшаяся ее взгляду часть тропы упиралась в высокий утес, а справа от нее земля резко обрывалась. Просто чудо, что никто из них не оказался в пропасти во время снежной бури. У Джесс закружилась голова.

«Всего один неверный шаг, — думала она, — и дело с концом».

Они были где-то высоко — гораздо выше, чем она думала. Джесс смотрела на бесконечные километры девственной белизны и видела тропу, по которой они шли в гору и которая на просторах снежной равнины напоминала рельсы железной дороги. Она видела вдали поблескивавший лес, а еще дальше — мерцающее пятнышко: подернутый дымкой ледяной сад. Внезапно она ощутила полнейшую беспомощность. Она шла так далеко в надежде найти еще один путь в свой мир, а вдруг его просто не существует? И никогда не существовало.

«Ну а что нам еще было делать?» — мысленно отвечала Джесс самой себе.

Она двинулась на ревущий звук — путь ее пролегал у основания покрытого камнями склона, а затем по узкому оврагу. Девочка с трудом передвигалась по тесной тропе; она еле вписывалась в нее — вертеться бы не получилось. Ее преследовало ощущение, что за ней кто-то наблюдает; казалось, целый мир неотступно следит за ней.

— Ау! — крикнула она, но, разумеется, ответа не получила, только эхо ее голоса перекатывалось от стены к стене: «Ау, ау, ау...»

Рев усилился. Она перепрыгнула покатый склон, выбравшись из оврага, и, тяжело дыша, замерла: там, где обрывался утес, было видно весь горный массив. Девочка не сумела сдержаться и вскрикнула: повсюду были водопады — тысячи и тысячи водопадов. Они грохотали, обрушиваясь вниз с каждой хрустальной вершины; искристые потоки с высоты в сотни метров обливали почву долины. Облака испарений клубились и качались над ними. Это было красиво и ужасно. Здесь Джесс наконец сумела оценить масштаб таяния, которое в конце концов уничтожит ледяной мир. Уничтожит ее друга.

Пока она смотрела на все это, ее посетила абсолютная уверенность. Все ее бешеное смятение растаяло в один миг.

«Мне тут не место», — решила она. Ледяной мир не принадлежал ей. Она всего-навсего заблуждалась, что может быть его частью. Она набрала полные легкие воздуха и глубоко

вздохнула. Воздух покинул ее вздрагивавшую грудь и тут же превратился в пар.

— Все дело во мне, — сказала она. — Всё-всё. Это из-за меня.

— Нет, Джесс, не из-за тебя, — раздался голос за спиной девочки; это Оуэн стоял вместе с ней на гребне утеса. — Это моя вина. Я это сделал.

— Я надеялся, что это сработает, — объяснил он. — На следующий день после того, как ты рассказала мне о... о себе. О своей коже. Я понадеялся, что это поможет. Конечно, наверняка я не знал. Просто мне пришла в голову эта идея. И, конечно же, я понятия не имел, что случится все это... — Мальчик умолк, глядя на разрушения вокруг них. — Видишь, вон там? — Он жестом указал на край утеса, что стоял по другую сторону долины. С его кромки лилась вода, и, когда ветер подхватывал эту струю, она превращалась в дым.

Джесс внимательно осмотрела утес. На нем было нечто вроде темно-лилового шрама, тянувшегося вертикально, от верха до низа, он был куда темнее, чем лед возле него.

— Это материнская порода, — пояснил Оуэн. — Лед, лежащий подо всей почвой. Есть места, где он выступает и оказывается прямо на поверхности. Что-то вроде... — Он умолк, подыскивая слово. — Что-то вроде костей. Ну помнишь, ты показывала мне скелеты динозавров в книге?

Джесс снова вспомнила о ракушке, которую подарил ей Оуэн. Она была такая же лиловая, лед был тот же самый.

— Все, что есть в моем мире, все волшебство, что скрывается в глубине, — все это заключено в материнской породе. И той ночью, после того как ты ушла, я принялся думать.

— Оуэн, — начала было Джесс, но он поднял руку.

— После того как ты рассказала мне о своей коже, я понял, что надо как-то помочь. И у меня появилась идея. Ведь небо в этом мире не приносит тебе вреда. А может, дело вовсе не в небе? А вдруг этот мир *сам по себе* такой, что тебе

здесь лучше? А что если ты возьмешь его с собой? Поэтому я взял кусочек материнской породы со всей присущей ей силой и сделал кое-что для тебя. Я не знал, сработает ли это...

— Это сработало.

Он улыбнулся. Его мир рушился, а он все равно улыбался.

— Я надеялся, что это поможет. Но как только ты взяла ракушку и ушла через прореху в стене, меня словно подкосило.

— Тебе нужно было окликнуть меня. Позвать меня назад...

— Было такое ощущение, словно меня переломило где-то посредине. Словно что-то пролезло внутрь и овладело мною, словно кто-то намотал меня на сжатый кулак и... и... — Он упал на колени. Его плечи начали вздыматься, и он закрыл лицо руками.

Джесс просто смотрела на него. Ей хотелось упасть на землю и обхватить его руками. Но она вдруг поняла, что не в состоянии этого сделать. Внезапно она обнаружила, что в ней поднимается нехорошая злость — она-то и мешает ей обнять друга. Эта злоба все нарастала и нарастала, превращаясь в жгучую ярость.

— Ты же все знал, — прошипела она наконец, удивляясь яду в собственном голосе. Оуэн непроизвольно задрал голову. — Ты должен был сказать мне, — добавила Джесс.

Оуэн выглядел так, словно Джесс ударила его.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты же знал, что все дело в ракушке. Ты же все это время знал, почему тает сад. Я тут, как идиотка, рассуждала о том, как мы спасем его, а ты тем временем все знал! И поэтому ничего не делал! Ты мог остановить все это, но просто не хотел!

— Нет, это не так. Я не был уверен, откуда мне было знать!

— Ты знал, что начнется таяние, когда подарил мне ее? Когда ты подарил мне ракушку?

— Конечно же, нет! Я даже не был уверен, что тебе станет лучше, я просто *надеялся* на это.

Джесс почти не слушала его. Ярость пылала, словно ее подстегивал хмель.

— Ты должен был сказать мне! Если бы ты сказал, я бы немедленно помчалась домой. Принесла бы ракушку назад — и все это прекратилось бы!

— Вот именно! — заорал Оуэн в ответ. — Я подарил тебе вещь, которая улучшила твое здоровье, а если бы я рассказал обо всем тебе, ты бы просто выкинула ее! Ты бы выбросила ее, и все бы вернулось к тому, что было раньше. Я так не хотел. Мне хотелось, чтобы ты была счастлива. Чтобы ты выздоровела!

— Но ведь твой мир разрушается!

— Это мое дело!

— Нет, не твое! — заорала она. — Ты совсем как доктор Стэннард и моя мама, которые считают, будто всё могут

решать за меня. Ты должен был сказать мне! Почему ты не сказал? Почему ты не позволил мне *принять решение*? Это же моя жизнь!

— Как ты можешь быть такой... такой *неблагодарной*! — зашипел он. — Я же поступил как друг.

— Друзья не лгут друг другу!

— Я сделал это для тебя.

— Друзья разговаривают. И все решают вместе!

— Я не знал, что начнется таяние! Но когда оно началось, все верно: я принял решение. Я решил: пусть будет как будет. Ради *тебя*!

Злость Оуэна нарастала, наталкиваясь на злость Джесс, и грянула буря. Девочку мгновенно поглотила бешеная метель, снег и лед царапали ей лицо. Или это были не они? Возможно, ее терзали когти какого-то невидимого зверя, стремившегося пробить ее плоть, или острые, словно иглы, зубы неизвестной ведьмы? Джесс абсолютно не понимала, что с ней: стоит она или сидит, летает по воздуху или падает в бездонную пропасть. Физическую боль пересиливало страдание другого рода — ужасное, безысходное отчаяние.

Земля начала вздрагивать и трястись. Джесс едва держалась на ногах. Гора словно взбрыкивала под ней. На льду проявились малюсенькие трещинки, которые тут же начали расползаться в стороны.

Вдруг послышался громкий хруст, и Джесс резко подняла голову — как раз вовремя, потому что откос прямо над ними обломился. Тяжелая масса разломанного льда и снега повалилась прямо на них. Джесс попыталась отскочить, но усталые ноющие ноги уже не слушались. Лавина накрыла их с головой. Девочку поглотила тьма.

— Глухой колпак, Джесс! Побыстрее, пожалуйста!
— Это обязательно?
— Неужели это так сложно?
— Я пишу рассказ.
— Ты только этим и занимаешься, юная леди.
— Я почти закончила.
— Мы опоздаем в парикмахерскую.
— Ничего, подождут.
— Они не станут ждать. С чего вдруг, только ради нас?
— Но мне ведь не нужно стричься.
— У тебя волосы почти до пояса.
— Мам...
— Джессика!
— Из-за меня им придется опускать жалюзи.
— Для них это не проблема.
— Но у них же всегда бывают другие люди.
— Я уверена, что им тоже все равно.
— Я стесняюсь.

— Джессика! Никогда больше при мне не говори такого, поняла? Тебе нечего стесняться. Абсолютно нечего. Ты *вообще ничего* не должна стесняться!

Вздрогнув, Джесс пришла в себя; ее рот и нос были полны снега. Она попыталась выбраться, но снега кругом было слишком много — он полностью облепил девочку. Она закопана в снегу. В глазах щипало от горячих слез. Почему все получилось так ужасно? Мама никогда не узнает, куда она пропала. Что она подумает? Что Джесс ушла от нее? Что убежала и бросила ее одну?

Откуда-то сверху раздался глухой удар, спустя мгновение — еще один. Джесс закрыла глаза, и во тьме задрожали и забегали тысячи огоньков. В груди горело умирающее воспоминание о последнем вдохе. Легкие жгло огнем. Ей нужно держаться. Только бы, только бы продержаться...

Удары стали раздаваться чаще, словно кто-то пытался пробиться к ней сквозь снег.

«Оуэн», — поняла девочка. Она снова принялась извиваться всем телом, выбиваясь из последних сил, чтобы хоть как-то помочь другу. Снежные оковы ослабили-таки свою мертвую хватку, и где-то возле ее рта появилось отверстие — воздух. Джесс почувствовала, как легкий ветерок коснулся ее носа, и жадно втянула его. Барьер начал приподниматься и потихоньку соскальзывать, и тут до нее дотронулась чья-то рука. А потом Джесс устремилась вверх, помогая тому, кто ее вытаскивал, и через мгновение уже оказалась на поверхности.

С помощью Оуэна девочка освободилась из-под снежного заноса. Она жадно хватала воздух, а ее лоб был липким от крови. Джесс попыталась встать, но одна нога подвернулась, и девочка с криком упала. У нее вздулась щиколотка — до ноги просто невозможно было дотронуться. Джесс лежала на спине, тяжело дыша и мечтая избавиться от боли. Стайки ледяных птичек летали по небу, собираясь в клинья.

Девочка снова поднялась — на этот раз она действовала осмотрительнее и для начала проверила, какую нагрузку

способна выдержать ее нога. Невероятно. Горный склон был разрушен. Там, где раньше лежал девственно-белый снег, теперь все было искорежено — верхний слой полностью сошел, обнажив твердый серый лед.

Оуэн стоял чуть поодаль; плечи его были опущены, а взгляд отведен в сторону. Девочка чувствовала, что ему стыдно, он прямо-таки излучал это.

— Ты здесь не виноват, — хрипло проговорила она. — Ты меня слышишь?

— Я не могу это сдерживать.

Джесс вдруг поняла, что он весь трясется, из последних сил пытаясь остановить шторм, который готов был снова разразиться в любой момент. Рои снежинок метались вокруг мальчика.

— Оуэн? — окликнула она. — Оуэн, все нормально. Я знаю, что ты этого не хотел. Ведь ты же меня спас.

Он поднял глаза на Джесс, девочка непроизвольно отшатнулась и ощутила резкую боль в щиколотке. Его глаза почернели. Но цвет был не просто темным, он был чернее самой черноты, и Джесс узнала этот мрак. Она уже сталкивалась с ним, когда тьма лабиринта потянулась к ней, стремясь поглотить. Она видела его за мгновение до того, как летучий слономышь Арнольд вонзил зубы в ее руку. Она видела мрак вокруг ползучих лоз в лесу.

— Он хочет навредить тебе, Джесс, — с трудом произнес Оуэн. Каждое слово стоило ему настоящих усилий.

— Кто? Кто хочет навредить мне?

Но девочка все понимала. Чернота его глаз — это темное сердце ледяного мира, стремящееся извести незваную гостью.

— Это место, — пояснил мальчик. — Мой мир. Для него ты лишняя.

Девочка отшатнулась.

— Но почему? — спросила она. — Почему мне нельзя быть здесь?

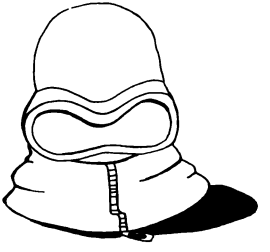
На лице мальчика отразилась боль; он покачал головой:

— Для меня ты не лишняя, Джесс. Ты нужна мне. Но я не уверен, что сумею управлять им.

Она подошла к мальчику. Он рванулся назад, но Джесс обхватила его плечи руками и прижала к себе. Жгучая стужа снова коснулась ее, но была уже не такой пронизывающей. В этот момент между ними возникло нечто более сильное. Мрак в глазах мальчика немного отступил, словно он захватил власть над скопившейся в нем разрушительной силой. Он был ее другом. Ближе друга у девочки никогда не было, и ничто не могло заставить ее уйти в тот момент, когда он нуждался в ней больше всего. В тот момент, когда он не доверял даже себе.

— Нам нужно продолжать идти, — проговорила Джесс. — Больше ничего тут не поделаешь.

Она взяла мальчика за руку, и они вместе двинулись вперед по изуродованным склонам — туда, куда вел путь.



Это была пещера. Темная разинутая пасть в горном склоне, в которой скрывалась тропа. Выбиваясь из последних сил, Джесс вскарабкалась на возвышение и шагнула в тень.

Они передвигались с предельно возможной скоростью, опираясь друг на друга. И, как все это время, по-прежнему не сходили с тропы. Пещера превратилась в туннель, изгибающийся и извивающийся, словно хвост питона. Он освещался бриллиантиками, которыми были утыканы стены и пол. В конце концов путники попали в огромный зал — в самое сердце горы. Потолок оказался настолько высоким, что его было почти не видно. Здесь заканчивалась тропа. Заканчивался их путь. В единственном месте, куда они могли попасть.

Тут было пусто. Небытие. Ни лаза в мир Джесс, ни подсказки, как помочь Оуэну. Джесс вдруг поняла, что напрасно цеплялась за хрупкий шарик надежды, который теперь крошился и расслаивался в ее руках. Она разинула рот, пытаясь понять, что происходит.

Оуэн, пошатываясь, добрался до середины зала. Его глаза утратили жуткую, рыщущую тьму и приобрели дымчато-серый оттенок. Он опустил голову и упал на колени.

— Оуэн! — испуганно крикнула Джесс и бросилась к другу.

— Прости меня, — сказал он, и Джесс показалось, что он говорит двумя голосами одновременно. Один голос принадлежал мальчику, которого она так хорошо знала, а другой звучал значительно старше, даже старше самих гор. Оуэн поднял глаза: — Прости, что причинил тебе боль.

— Нет, это моя вина. Ты всего-навсего пытался помочь мне. Я не должна была кричать на тебя. Ты был прав: я повела себя, как неблагодарная тварь. А ты все это время только пытался помочь мне.

Девочка с ужасом поняла, что он плачет. В каждом глазу возникло по слезе — они росли и набухали, а потом полились по щекам Оуэна и снова замерзли. Как только Джесс поняла, что это значит, вся ее боль мгновенно улетучилась: «Он начал таять изнутри».

— Я не должна была злиться на тебя. Но я была так разочарована. Мне никогда не позволяют решать самой. Вот и все. Прости меня, Оуэн. Прости. — И из глаз девочки тоже полились слезы.

— Те твари, что напали на тебя в лесу, Джесс, они не способны *думать*, как мы с тобой. Они всего-навсего сопротивляются, повинуются инстинкту. — Мальчик на мгновение замер. — Они стремятся наказать тебя, несмотря на то что виновата не ты.

«Я словно вирус, проникший в организм, — подумала девочка. — И организм борется со мной».

— А ты? — спросила она.

— Все взаимосвязано. Весь этот мир взаимосвязан, а я — его часть, словно цветок, растущий в саду или на самой высокой горной вершине. Я — *это я*, я — Оуэн. Но *все это* — тоже я, и в глубине моей души есть частичка, которая повинуется

инстинкту, и я не в силах управлять ею. Именно поэтому возникает буря. И она причиняет тебе вред.

— Я здесь чужая, — пробормотала Джесс, и Оуэн опустил голову. — Я думала... — начала было она, но на этом слова кончились.

— Ты думала, что сад — для тебя, — закончил за нее Оуэн.

Злость снова вспыхнула в ней — внезапная и бешеная.

— Если я не должна была появиться здесь, зачем вообще этот дурацкий мир открылся мне? Никто больше не нашел его — только я! С чего вдруг он меня пустил?

— Сколько я себя помню, я всегда был один, — вдруг снова заговорил Оуэн. — И я был счастлив, потому что не знал ничего другого... И вдруг как-то раз мне показалось, что я слышу какой-то голос.

Джесс нахмурилась:

— Что ты хочешь сказать?

— Он был очень слабым, но, если я стоял тихо-тихо, я мог различить шепоты, кружащиеся в воздухе. Спустя некоторое время я стал понимать фразы. Это были сказки. Истории о вещах, которых я не понимал, о краях, которых я никогда не видел. Одни рассказы казались просто мыслями, другие создавали целые миры.

Джесс вдруг почувствовала, что задыхается: настолько невероятным было все это.

— А потом, — продолжал мальчик, — в один прекрасный день, голос зазвучал громче. Ближе. Показался настоящим. Я приложил ухо к ледяной стене...

— Продолжай... — Девочка непроизвольно поежилась: наконец-то кусочки мозаики начали соединяться в ее сознании.

— Казалось, он прямо здесь, по ту сторону стены. Он рассказывал о месте, где полно детей. О двух девочках, которые карабкались вверх, и об их мамах, которые наблюдали.

В горле у Джесс поднимался жесткий ком.

— Я должен был понять. Сообразить. Я боялся, но мысль овладевала мною все больше и больше; в конце концов

я просто не смог удержаться и поддался ей. Я прикоснулся к стене и вдруг почувствовал каждую ее молекулу. Она казалась такой внушительной, но я-то видел, какая тонкая она на самом деле, эта кромка моего мира. Я развел руки, и образовалась прореха. Я развел их еще сильнее, и образовалась дыра, через которую можно было проскользнуть внутрь. Там было очень темно. У воздуха был совсем другой привкус, и жара стояла невероятная. Но, знаешь, мне было все равно. Потому что теперь я мог слышать голос гораздо лучше, чем раньше. Я знал, что он где-то рядом.

Джесс вспомнила ту ночь, когда нашла ледяной сад. Припомнила, как сидела на качелях, описывала играющих рядом детей, которые, правда, существовали лишь в ее воображении, и вдруг поежилась от холода, словно на нее налетел сильный порыв ледяного ветра.

— Было так жарко. Я понимал, что не смогу двинуться дальше и оказаться в этом мире, но мне очень не хотелось, чтобы голос снова затих. Поэтому я оставил дверь слегка приоткрытой в надежде, что он меня найдет. И он нашел. Однажды вечером он рассказал мне историю о портном, на которого все разозлились и которому пришлось бежать. И я был счастлив. Но потом я увидел тебя в лесу и вдруг понял, что́ натворил. Я впустил постороннюю в свой сад.

— И из-за этого ты сильно разозлился.

— Не разозлился. Испугался.

— Я тоже часто путаю эти ощущения.

— А потом я подарил тебе ракушку — и началось.

— Ты должен был сказать мне, что́ из-за нее произошло. Когда ты это понял. Сразу же как понял.

— И забрать назад свой подарок?

— Да.

— Но ведь благодаря ему тебе стало лучше, Джесс, это очень важно. Если ты уничтожишь ракушку, ты снова станешь такой, как была.

В сознании девочки вдруг возникла детская площадка. Но не укутанная мглой, а умытая ярко-желтым солнечным

светом. А в самом центре была она — качалась вперед-назад на качелях.

Джесс сжала губы.

— Не говори ерунды, — с трудом выдавила она. — Ты же видел водопады. Все разрушения. Очень скоро весь этот мир... *ты*... Я не могу этого позволить. Даже ради... — «Обнаженных рук. Возможности поваляться на травке. И познакомиться со светловолосой девочкой, которая звала играть в футбол». — Даже ради этого.

Все ее существо наполнилось болью.

— Но ведь именно в этом дело, — ответил Оуэн. — Дело в выборе. Иначе не получится.

Иначе не получится. Забрав ракушку с собой, она внесла сумятицу в этот мир, и теперь его сила постепенно утекает. Если проткнуть пластиковое ведро, из него тут же брызнет вода и оросит траву. Можно спасти ледяной сад, растопив ракушку, но так и не исцелиться. А можно оставить ее в морозилке и продолжать жить, как другие, нормальные люди. Можно будет выходить на улицу. Обзавестись новыми друзьями. Но Оуэн и его мир исчезнут навсегда.

Джесс подумала об их дружбе: вспомнила, как они болтали под ветвями Старика и как на бешеной скорости слетали с горки. Как играли в прятки в лабиринте. Она этого не допустит — разумеется, не допустит. Нельзя думать только о себе!

Она снова услышала крики детей, которые шли тогда в парк. Детей, с которыми она никогда не познакомится. Вспомнила задернутые шторы и истории из книг. И как она читала сказки мальчику, который, возможно, никогда не очнется.

На Джесс накатила глухая тоска. Слезы на щеках превращались в иней.

— Я не могу, — наконец вымолвила она. — Оуэн, я не позволю тебе умереть.

— Джесс, — тихо ответил он, покачав головой. — Я не дам тебе выбросить ее. Ты должна пообещать мне. Ты *должна*... —

Мальчик умолк: слова отняли у него последние силы, и он разом рухнул на землю.

— Нет! — закричала она, опускаясь на четвереньки рядом с ним. Кожа Оуэна стала влажной, а дыхание тяжелым и прерывистым. — Нет... — простонала Джесс.

«Ты не должен умереть. Только не из-за меня. Пожалуйста, только не из-за меня», — стучало в голове у Джесс. Ей вдруг почудилось, что она слышит высокое протяжное пиканье аппарата в палате Дэйви, но, наверное, это просто ветер дул в пещерных туннелях.

— Тебе нужно идти, Джесс! *Иди.*

Девочка попыталась было возразить, но тут Оуэн поднял один дрожащий палец, и девочка с ужасом увидела, что стены пещеры стали искажаться — и таять. Она огляделась, округлив глаза, не в силах побороть панику — безумную и бесконтрольную.

— Иди, — простонал Оуэн; говорить ему было тяжело.

— Это не имеет значения. Даже если бы я пообещала тебе. Пути назад нет. Мы с тобой в западне.

— Вовсе нет. Погляди.

И тут она увидела. В дальнем конце зала — там, где кончалась тропа, — была гладкая белая стена, немного отличающаяся от остальных. Она и вправду точь-в-точь походила на ту, что была в саду. Джесс не верила своим глазам. Она говорила Оуэну, что им нужно двигаться вперед, потому что иного выхода не было. Однако тропа все-таки вывела их к дому.

— Я не могу оставить тебя, — сказала Джесс, понимая, что ей придется это сделать.

Если она хочет помочь другу, ей нужно вернуться в свой мир. И уничтожить ракушку.

«Я спасу тебя, Оуэн, — думала она. — Я спасу тебя».

Запечатлев поцелуй на лбу мальчика, Джесс ринулась к стене. Со стены уже текла вода. Когда девочка прижала ладонь ко льду под потоком, он показался ей хрупким, словно яичная скорлупа.

Она ударила по нему. Поверхность треснула. Джесс ударяла снова и снова, пока не проделала брешь нужного размера — такую, чтобы можно было пролезть. Она обернулась к Оуэну — мальчик привстал, опираясь на одну руку.

— Ты вовсе не странная, Джесс, — с усилием выговорил он. — Я знаю, что ты считаешь себя странной, но ты вовсе не такая. Ты не похожа на других. И это хорошо. Это просто *прекрасно*.

— Я больше никогда тебя не увижу. — Ее голос сорвался. — Ты мой единственный друг.

— Не забывай меня, — попросил мальчик.

— Не говори глупостей, — ответила Джесс.

— Обещай мне. Обещай, что оставишь у себя ракушку. Обещай, что будешь *жить*.

Не отворачиваясь, Джесс попятилась в прореху и попала под студеный водопад.

Лицо мальчика скрылось из виду.

Джесс было тепло — странное ощущение после такого долгого перерыва. Она сделала вдох и почувствовала в сладковатом воздухе привкус пыли. Не было ни льда, ни стужи, ни резкого ветра, бьющего в лицо. Кругом было совершенно тихо и мирно. Покой. Тепло.

Снежная слепота мешала ей видеть, и только через несколько минут цветные пятна приобрели явные очертания. Пятно прямо перед ней превратилось в качели, а то, что рядом, — в игровой комплекс. И вдруг разом — словно кто-то нажал на переключатель, — на Джесс нахлынули звуки: детские крики и монотонное бормотание взрослых разговоров.

— Разумеется, настоящая проблема — в учителях! — сказала женщина, очень напоминавшая чучело, невероятно высокому мужчине. — Разве Джекоб станет слушать чьи-то *команды*? Нет, его надо *попросить*.

Мужчина тяжело вздохнул, соглашаясь, и закашлялся.

Это просто невероятно. И совершенно не укладывается в голове. Столько километров, тысячи и тысячи шагов —

а Джесс вон где, лежит, свернувшись калачиком, на земле, возле входа на детскую площадку.

«Это не самое главное», — пронеслась в голове смутная мысль. Есть что-то еще, и она это упускает. Мысли в голове ворочались слишком медленно: еле-еле, словно мед, стекающий с ложки. Нужно подумать. Нужно вспомнить.

«Думай!»

— Боже, у тебя все в порядке? — Чучело приближалось к Джесс, а мужчина топтался у нее за спиной, словно корова. — Я не заметила, что ты здесь лежишь. Все хорошо? И долго ты... — Женщина осеклась на полуслове: рациональная часть ее сознания отрицала возможность того, что девочка просто взяла и возникла из ниоткуда.

— Думай, — сказала Джесс.

— Что, прости? — не поняла женщина.

— Думай, — повторила девочка.

И вдруг на нее хлынули воспоминания. Зал в самом сердце горы. Тающие стены. Обессилевший, страдающий от боли Оуэн. *Ракушка*. Она должна уничтожить ракушку.

Джесс вскочила на ноги, но тут же закричала — боль точно ножом полоснула по травмированной щиколотке. Встревоженная женщина отскочила на шаг назад, и Джесс внезапно поняла, как странно она выглядит в своей мокрой и грязной зимней одежде, со следами крови на лице.

Что делать теперь? Девочка вдруг поймала себя на том, что вертится, стоя на месте, отчаянно разыскивая... нечто.

«Отправляйся домой, — велела она себе. — Ты должна уничтожить ее. Даже несмотря на то, что ты ему сказала. Сейчас же отправляйся домой...» Домой. К маме. Ком вины, который девочке удавалось удерживать очень глубоко, вдруг оказался где-то в пищеводе, и ее начало страшно мутить. Нужно идти домой.

«Но как осмелиться? Как я буду смотреть ей в глаза?»

Джесс ухватилась за перила и, подволакивая травмированную ногу, двинулась вверх по дороге. Запахи и звуки

приводили в замешательство. Машин было слишком много, и двигались они слишком быстро. Было видно, как из них вылетают выхлопные газы и исчезают в липком летнем воздухе. Почти все кругом было серым, а цветное — окрашенное или пластиковое — казалось слишком искусственным и кричащим. Свернув, девочка продолжила подниматься в гору, к центру городка.

Видимо, была суббота, поскольку все тротуары заполняли люди, направлявшиеся за покупками. Такую картину Джесс могла наблюдать только из тонированных окон маминой машины. Девочка всегда стремилась оказаться среди этих людей. Но сейчас они преграждали ей путь, и девочке пришлось петлять и уворачиваться — насколько это было возможно с больной ногой. Она мельком увидела свое отражение в одной из витрин: маленькая фигурка, с ног до головы укутанная в теплую одежду. Люди смотрели на нее и шепотом переговаривались. Через пару секунд над ней послышался знакомый голос, и чья-то рука сомкнулась на ее плече.

— Джессика! — окликнул голос. — Что ты тут делаешь? Ну и ну — что это с тобой?

Это был господин Олмос из дома № 33.

— Прошу вас, — проговорила девочка, — проводите меня домой. Сейчас мне очень нужно оказаться дома! — С этими словами она упала ему на руки.

Господин Олмос внес ее в холл через раздвигающиеся двери.

— Мне нужна помощь! — закричал он. — Мне нужен врач!

Правда, Джесс казалось, что кричит он откуда-то издалека. В голове помутилось, мир вокруг казался блеклым и расплывчатым. И только боль была совершенно реальной — этакий горящий шар в ее сознании.

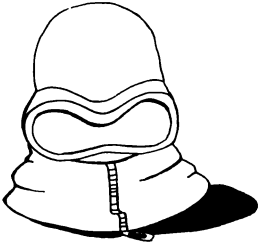
Ее посадили на кресло-каталку. Кругом было полно людей. Девочка слышала, как сосед спросил, все ли с ней будет в порядке, а чей-то тихий голос что-то пробормотал ему

в ответ. Джесс пыталась заговорить, объяснить, что все это ошибка, что ей нужно попасть домой, но горло у нее окончательно пересохло.

Возле ее локтя промелькнул чей-то белый халат, и к ней склонилась высокая фигура.

— Бог мой, — сказал доктор Стэннард. — Джесс... Посмотри на меня, Джесс. Где ты была? Сюда приходила полиция. Задавала вопросы. Где ты была? Слава богу! Слава богу, что ты цела!

Очередной приступ головокружения начался было — и прошел. Голова казалась чересчур тяжелой, а мышцы горели, словно тлеющие угольки на кострище. Доктор Стэннард и его коллеги крутились возле ее кресла, словно фигуры на карусели. Голоса их казались все более и более далекими. Джесс закрыла глаза и провалилась во тьму.



Кто-то был рядом — силуэт, подсвеченная сзади фигура. *Оуэн?* Нет, вряд ли. Судя по всему, это вообще не ребенок. Кто-то повыше. Очень высокий. Человек зашевелился. Он глядел вниз, на какую-то медицинскую карту, как обычно, слегка нахмурившись. *Доктор Стэннард.* Джесс наблюдала за ним из-под полуопущенных век: ей не хотелось показывать, что она очнулась. Этот разговор может подождать. Девочка села на кровати только тогда, когда врач закончил свои дела и исчез за занавеской, отделяющей ее кровать от всей палаты. Организм исполнял целую рапсодию боли, но это волновало ее далеко не в первую очередь. Ведь она спала. Спала! И с каждой потерянной минутой положение Оуэна становилось все опаснее.

По отделению плавали обрывки разговоров.

Джесс увидела мамин мятый халат, валявшийся на стуле. Девочке хотелось плакать от того, что нужно было сделать, но в этот раз ей потребуется всего-то несколько часов. Нужно улизнуть из больницы, попасть домой и уничтожить ракушку.

Тогда Оуэн и весь его мир будут в безопасности. И тогда мама может ругаться и кричать, сколько ей вздумается, Джесс снесет все это безропотно, ведь то, что она делает, действительно ужасно. Правильно, но ужасно.

Девочка спустила ноги с кровати и натянула ботинки, в последний раз пытаясь не обращать внимания на боль. Но двинуться дальше она так и не смогла: занавеска дернулась, и появилась чья-то голова.

Это была ее мама.

На мгновение обе замерли, ужасаясь виду друг друга. Джесс подготовилась было к надвигающемуся штурму, но оказалась в объятиях, которые, как она втайне надеялась, будут длиться вечно. В нос ударили мамины духи — слаще всех цветов на свете, сдобней любого хлеба. Мама и дочка оросили друг друга слезами. Когда они в конце концов отпустили руки, мама не стала кричать, а просто склонила голову и сказала:

— Я все понимаю.

Джесс не ответила. А что она могла сказать? Как это объяснить?

— Когда доктор заговорил обо всех этих исследованиях, которые тебе нужно пройти, о поездках в Лондон к специалистам, я поняла: ты испугалась. Решила, что не вынесешь этого. А потом мы поругались, и это было последней каплей, поэтому ты... ушла. Просто взяла и ушла. — Мама будто бы задохнулась. — Боже мой, я думала, что совсем потеряла тебя!

— Прости, — наконец выговорила Джесс. — Прости, мамочка. — Она никогда не называла ее так, теперь почти никогда, но в тот миг это слово вылетело само собой. — Может, поедем домой?

— Поедем. Очень скоро. Мне только нужно сходить за доктором. — Джесс покачала головой, но мама продолжила: — Ему нужно увидеть тебя, осмотреть.

— Он же только что был тут.

— Ну то есть, я хотела сказать, сейчас, когда ты очнулась.

— Нет.

— Говорят, что у тебя, возможно, переломаны ребра, щиколотка выглядит ужасно и...

— Я просто хочу домой.

— Нужно чтобы доктор осмотрел тебя.

— Мне нужно домой, мама. — А вдруг они запрут ее здесь? Что же тогда случится с Оуэном? — Мне нужно домой прямо сейчас.

— Нет, ты должна снова лечь в постель, пока не станет ясно, насколько серьезно твое состояние. А еще ты должна рассказать мне, где тебя черти носили!

— Почему ты не хочешь просто послушать меня?

— Ложись, Джессика.

— Нет.

— Не спорь со мной.

— Мама, прошу тебя!

— Доктор сказал, что ты должна остаться хотя бы еще на одну ночь.

На одну ночь? Джесс подумала о водопадах, с грохотом льющихся с ледяных гор, о невыносимых слезах в глазах Оуэна. И так прошло уже слишком много времени. Мама по-прежнему что-то говорила, но девочка не понимала ни слова. В конце концов Джесс потеряла терпение и крикнула:

— Я знаю, что для меня лучше!

Мама осеклась — на ее лице застыло потрясение.

— Я знаю, что мне необходимо, мама. Я знаю, что для меня лучше и что я должна делать. Ты всегда слушаешь только доктора Стэннарда! И всегда делаешь то, что он говорит, даже несмотря на то, что я этого не хочу.

— Понимаю, Джесс, что ты считаешь себя совсем взрослой, но это не так, ты еще не совсем выросла, и иногда нужно слушать то, что говорят взрослые. Я твоя мама, он твой врач, а тебе всего двенадцать лет.

— Я знаю, что для меня лучше. Хорошо, возможно, я не всегда права, но по крайней мере иногда, а сейчас я тебя очень

прошу: отвези меня домой, пожалуйста. Ты *должна* меня отвезти, мама. Прошу тебя. Обещаю, я все объясню, а пока ты должна мне поверить.

Занавеска заскрипела, когда доктор Стэннард резко отодвинул ее.

— Мне показалось, что я слышу голоса. Она очнулась, мамочка, это очень хороший симптом.

Джесс не сводила с мамы глаз. Ее лицо было исчерчено морщинами, а над скулами появились темные круги.

«Прошу тебя, — мысленно молила девочка. — Поверь мне, всего один раз. Пожалуйста».

— Прошу прощения, — наконец произнесла мама. Сердце Джесс ухнуло вниз, но мама повернулась к доктору Стэннарду: — Моей дочке сейчас очень нужно оказаться дома.

Очень странно было перешагнуть порог дома. Как оказалось, Джесс отсутствовала всего два дня, но сегодня она вошла в дом совершенно другим человеком.

Доктор Стэннард не столько разозлился, сколько озадачился. Он не привык к равнодушию пациентов, и Джесс не без удовольствия прослушала все его сбивчивые протесты.

— Ну вот мы и дома, — сказала мама. — Ты расскажешь мне, где была?

— Сейчас, — ответила Джесс, направляясь на кухню.

Она открыла дверцу морозилки и немножко порылась в содержимом, пока пальцы не сомкнулись вокруг маленького свертка из фольги.

Затем она поспешила на малюсенький задний дворик.

«Как я пойму? — волновалась она про себя. — А вдруг я уже опоздала?» Однако, развернув ракушку и подержав ее в руке, Джесс ощутила нечто вроде пульса, ритма жизни и уверилась: Оуэн все еще жив. Его можно спасти. Его и весь его мир.

Мама наблюдала за ней из двери, и Джесс даже стало интересно: а о чем она сейчас думает? Неужели только о последних

нескольких днях? Или изумляется тому, что ее дочь стоит среди дня на самом солнцепеке?

Джесс заплакала. Она просто не смогла удержаться. На солнце было так приятно и тепло — оно одновременно и успокаивало, и придавало сил.

«Я могла бы радоваться этому, — думала девочка. — Радоваться этому всю свою жизнь». Но она, конечно, не могла. Не за такую цену.

Она держала ракушку на своей ладони и наблюдала, как та медленно превращается во влагу, наслаждалась последними лучами света, что ложились на ее кожу, и сражалась с глубоким чувством утраты, таким сокрушительным, что Джесс чуть было не упала на колени. Она представила себе лицо Оуэна, и это придало ей сил. Она поступила правильно. И смогла в последний раз постоять под солнцем, пусть даже совсем чуть-чуть.

В конце концов на ладони остались всего несколько капель воды; Джесс позволила им просочиться сквозь пальцы и скатиться в траву. Она обернулась к маме, почти ничего не видя от слез. И почувствовала, как кожу начало покалывать: ласковое солнце снова становилось тем, чем было для нее всегда — врагом.

— А теперь надо идти в дом, — выговорила она. — Нам придется задвинуть шторы.

Мысль о больнице приводила Джесс в ужас, но она понимала, что придется туда вернуться. Щиколотка приобрела болезненно-желтый цвет, а ребра ныли. Но ни то, ни другое не беспокоило доктора Стэннарда так сильно, как возвращение болезни. Почему она ушла и с чего возвратилась вновь? Оба вопроса вызывали у него одинаковое смятенное недоумение. Он вызвал коллег, и они щупали, тыкали и исследовали Джесс до тех пор, пока мама не объявила, что ей все это порядком надоело и что, если врачи не возражают, она предпочла бы снова увезти дочь домой.

Джесс и не думала никого слушать, в конце концов она прекрасно знала, что с ней произошло. К тому же у нее было более серьезное дело. Нужно было навестить Дэйви.

Мама шла вместе с ней, держа ее за руку, пока Джесс ковыляла по коридору. Они подходили все ближе и ближе к палате, и грудь девочки сжималась все сильнее. Она думала только о том, каким он был во время ее последнего посещения. Джесс даже хотела было повернуть назад. Ей не хотелось узнать страшное — она не перенесла бы плохих новостей. Девочка

спасла Оуэна, но потеряла его навсегда, да и собственное исцеление ей больше недоступно. Если Джесс потеряла еще и Дэйви, она точно этого не вынесет. Но в глубине ее сознания постоянно зудел какой-то голос. Оуэн говорил, что слышал, как она читает сказки, но как так могло быть? Она ведь читала их только одному-единственному человеку.

Вскоре они оказались перед дверью палаты, и мама кивком разрешила Джесс войти. Ручка показалась девочке очень холодной. Она в последний раз глубоко вдохнула.

Нажала на ручку.

Шагнула в палату.

И широко улыбнулась.

Дэйви сидел в постели, опираясь на пару подушек. Он был худым — несколько хороших обедов ему бы не помешали. Но он очнулся. Был в сознании и что-то читал, держа в руке небольшую стопку бумажных листков.

— Ты в порядке! Тебе лучше! — закричала Джесс, и ее лицо тут же залилось краской. — Ну, то есть... здравствуй. — Она махнула рукой и тут же почувствовала себя дурой.

«Ну, скажи что-нибудь другое», — мысленно просила она саму себя.

— Так приятно, что ты проснулся, — наконец выговорила Джесс и снова махнула рукой.

На лоб мальчика упала русая челка. Его глаза насыщенно-голубого цвета искрились. Джесс вдруг поняла, что никогда раньше не видела их.

— Здравствуй, — ответил Дэйви; его акцент показался девочке совсем незнакомым. — Ты заблудилась?

Джесс открыла было рот, чтобы все объяснить, но потом передумала. А что она могла сказать?

«Понимаешь, это может показаться немного странным, но пока ты был без сознания, я вроде как начала навещать тебя, и, хотя ты меня совсем не знаешь, мы на самом деле друзья; надеюсь, ты не против».

— Нет, я не заблудилась, — пробормотала она вслух. — Я просто пришла навестить тебя.

Мальчик нахмурился — наверное, что-то обдумывал. А потом кивнул:

— Ты ведь Джесс, верно? — Он поднял бумаги, которые держал в руке. — Ведь это ты принесла мне этот рассказ.

Лицо Джесс приобрело ярко-алый оттенок, а сердце начало отстукивать бешеный ритм.

— Откуда ты узнал, что это я?

— Твой голос. Я узнал твой голос.

— Я знала, что ты меня слышишь! Я говорила об этом маме. И доктору Стэннарду.

— Конечно же, я слышал. Ну, это не совсем так. Не так, как я слышу тебя сейчас. Я имел в виду другое. На самом деле, я не знаю, как это объяснить. Звучит дико. Но я слышал их, эти твои рассказы. Они были почти как сны. Будто бы они мне снились. Будто бы я жил *в них*. А когда я пришел в себя, я нашел вот это возле кровати.

— Тебе стало лучше, — сказала девочка, качая головой. — Тебе и правда стало лучше... Врачи говорили твоей маме, что ты можешь и не очнуться.

— Они понятия не имеют, что происходит, мне кажется. Постоянно приходят, смотрят на меня, а потом исчезают — между собой беседуют. Думаю, они даже не представляют, что обсуждают.

— И не говори!

— Ага. Но проблема в том, что они считали, будто мне становится все хуже и хуже. А потом вдруг, всего несколько часов назад, я просто взял и открыл глаза. Я медицинское чудо, судя по всему. — Мальчик с гордостью улыбнулся.

«Я тоже была чудом, — подумала Джесс. — Хоть и недолго». А потом ее захватила другая мысль.

— Несколько часов назад? — спросила она.

— Ну да.

Несколько часов назад. В это время она стояла на заднем дворике, наблюдая за тем, как тает ракушка.

— Слушай, а ты живешь здесь? Ну то есть в этом городке? — поинтересовался Дэйви.

— Да.

— А мы переехали сюда. Ну, примерно за неделю до аварии.

— Вот уж не повезло тебе тогда.

— Даже не говори. И ни с кем не подружишься, когда ты без сознания.

— Не сомневаюсь — ты с кем-нибудь познакомишься!

— В школе, наверное. А вдруг мы учимся в одной школе?

— Нет. Я не в школе... Я дома учусь.

Внутри у Джесс что-то кольнуло. А ведь она могла учиться в школе, но теперь уже точно не сможет.

— Дома? Это круто.

— Разве?

— Ну конечно! Это придает тебе... как это? Загадочности, что ли?

— Неужели?

— Точно! Это отличает тебя от других. Кому же хочется быть как все, а?

Джесс просияла.

— Кстати, ты закончила космический рассказ? Наверное, он очень интересный.

— Не успела.

— Я буду ждать.

— Есть, сэр.

Дэйви радостно улыбнулся:

— А другой?

— Какой еще другой?

— Тот другой, о котором ты мне говорила.

Джесс покачала головой:

— Я не понимаю, о чем ты. Был еще только «Незадачливый портной».

— Нет, ну тот вообще сумасшедший. Ну то есть и этот сумасшедший, а тот вообще — улет.

Джесс почувствовала, что у нее закружилась голова.

— О чем он? — спросила девочка.

— Всего я не помню. Я же говорю, он довольно чудно́й. Но в нем говорилось о каком-то саде.

Пусть Джесс не исцелилась окончательно, но временное выздоровление не прошло даром. Она не могла выходить на открытое солнце, но в пасмурную погоду, если облачность была низкой и если Джесс мазалась самым сильным кремом от загара, можно было, не укрываясь, дойти до магазина в конце улицы и обратно. Как считала Джесс, частичка той силы, которой обладал сад, осталась у нее, и она была очень благодарна.

В следующее воскресенье Джесс и ее мама приготовили жареного ягненка с йоркширскими пудингами. После обеда они вместе мыли и вытирали посуду.

— Это произошло не из-за тебя, — наконец произнесла Джесс.

Мама замерла, держа перед собой сервировочную миску. А потом медленно опустила ее на подсобный столик. И сделала то, чего вообще никогда не делала: опустилась на колени.

— Это произошло не из-за тебя, — повторила Джесс.

— А ты расскажешь мне, где была?

— Ты мне не поверишь.

— А ты попробуй.

— Когда-нибудь попробую.

— Но ты хотя бы пообещаешь, что больше никогда такого не сделаешь?

— Да.

— Никогда-никогда?

— Никогда-никогда.

Джесс кивнула, и впервые за много дней мама расплылась в улыбке.

— Я скучала по тебе, малышка, — призналась мама.

— И я по тебе скучала.

В тот вечер Джесс отправилась в свою комнату сочинять, как делала это раньше — много-много раз. Плотные шторы закрывали ее от закатного летнего солнца. Она села за стол и выбрала ручку — на этот раз с лиловыми чернилами.

«Ледяной мальчик», — написала она, но продолжить не смогла: на улице раздались чьи-то крики. Джесс отодвинула штору: солнце было уже низко, и длинные тени защищали девочку от его света. По самому центру дороги шла группка детей. Среди них не было девочки с рыжеватыми волосами, но даже если бы была, ничего не изменилось бы.

«Они все немножко похожи, а я слегка отличаюсь. Я другая, но это и хорошо. Я — это я».

Детские разговоры визжали и клокотали, и на мгновенье Джесс почувствовала себя, как обычно, подавленной. Однако, когда одна девочка посмотрела вверх и увидела ее, Джесс не стала прятаться. Она просто улыбнулась. Девочка улыбнулась в ответ и двинулась дальше своей дорогой.

«Его подруга ушла, и ледяной мальчик остался один, — написала Джесс, снова вернувшись к работе. — Один, как он привык, но все же немного по-другому. Он построил новый мост, чтобы попасть домой, в ледяной сад, и это было нетрудно, потому что теперь все гнулось и складывалось от его прикосновения. Он заделал брешь в стене и задумался о том, чем бы ему заняться».

Джесс постучала кончиком ручки о стол, чтобы равномернее распределить чернила и привести в порядок взбушевавшиеся мысли.

«Он прожил в саду всю свою жизнь, не решаясь никуда уйти. Там было очень красиво. Там росли миллионы цветов. Там можно было полакомиться фруктами. Но теперь ему хотелось узнать, что еще есть в мире, он больше не мог сдерживать свое любопытство. Так что он снова вышел в мир. Забрался на самую высокую вершину, чтобы хорошо разглядеть сверху землю. Он двинулся вслед за птицами в их гнезда посреди скальных выступов. Их яйца напоминали ледяные, абсолютно прозрачные сферы. Он заметил внутри птенцов: они росли, менялись и ждали момента, когда смогут оказаться рядом с мамами.

Он прогулялся по лесу и поспал среди ползучих растений. Лозы потащили его вверх, к самому небесному своду, и там, высоко над землей, он мог попрыгать с ветки на ветку. Там были животные. Кругом кипела жизнь, и он научился понимать ее. Он видел так много всего! Ледяных волков, стаями бегающих по тундре. Пещеры, полные летучих мышей, миллионы и миллионы их, взлетающих в небеса неровными серебристыми столбами. Огромных зверей, что носят своих детенышей во рту...»

Джесс продолжала писать, воображая, какую жизнь ведет теперь ее друг. Он там, думала девочка. Только она не в силах до него дотянуться. Ей не оказаться рядом, но он жив и здоров, и это очень радует.

Когда Джесс подняла глаза, с неба уже смылись почти все цвета. Во входную дверь кто-то постучал.

— Джесс, ты можешь открыть дверь? — крикнула мама.

— Я в комнате.

— Ну да, я знаю.

— На мне даже не полуколпак.

— Ну так надень его!

Джесс вздохнула и потащилась вниз, по пути расправляя рукава и натягивая маску. Когда девочка открывала дверь,

закатное солнце так ослепило ее, что некоторое время она совсем ничего не видела. А когда снова прозрела, на пороге стоял мальчик.

— Дэйви! — закричала Джесс и прыгнула вперед, обвивая его руками; она и сама еще не до конца поняла, что сделала.

— Я подумал, что надо зайти поздороваться. Ты так прилежно навещала меня всю неделю, что я решил: теперь моя очередь. — Его голос, словно медный звонок, оглашал тихую улицу.

— Тебя выпустили!

— И сказали, что все будет хорошо, если я не решу снова попасть под машину.

— Надеюсь, не решишь.

— Я постараюсь.

— Может, зайдешь в дом? Я как раз пишу новый рассказ.

— Вообще-то я думал, что это ты выйдешь на улицу.

— На улицу? Я?

— Сегодня хороший вечер, а еще я так долго пролежал в помещении, верно?

— Я не могу, — возразила она, показывая на свой капюшон. — Я же говорила тебе, что никогда не выхожу на улицу без этой штуки.

— Так и не снимай ее тогда. Что в этом такого страшного?

— Ну не знаю даже...

— На другом конце города есть игровая площадка. Там огромная горка. Ты можешь посмотреть, как я съеду с нее головой вперед, и восхититься.

— Да я тоже могу скатиться головой вперед, подумаешь, удивил!

— Ну и хорошо, если, конечно, ты все равно восхитишься мною.

Улыбка замерла на губах Джесс. Мама ни за что ее не отпустит. Джесс повернула голову и увидела: вон она, мама, стоит, опершись на переплет кухонной двери. Лицо ее казалось напряженным и вымученным, но, к удивлению Джесс, она кивнула:

— Пожалуйста, недолго, а потом, Дэйви, может быть, ты останешься на ужин?

— Думаю, мама заварила мне чай, но я могу поесть дважды — не беда. Я же должен восстановить силы, верно? Только, пожалуйста, ничего не говорите ей.

— Иди, Джесс. Но будь осторожна.

Они вдвоем шагнули на улицу: один — худой как палка, в футболке и шортах, и другая — снаряженная, словно пчеловод. В темнеющем небе облака казались угольно-черными кляксами.

— А спорим, я тебя обгоню? — сказал мальчик.

— А спорим, что тебе слабо́?

— Это мы еще посмотрим.

— Хорошо, а где финиш?

— Вон там, в конце дороги. Впрочем, у тебя нет шансов. В своей прежней школе я всегда первым пробегал стометровку. И только четверо других парней меня опережали, вот как.

— Что же, посмотрим.

— Так, значит, спорим? — Дэйви вытянул руку, чтобы начать спор, и, когда Джесс взяла его за пальцы, ее обдало холодом, слово это было эхо из прошлого.

На мгновенье у девочки закружилась голова. Они по-прежнему связаны, только больше не увидятся. И Джесс решила, что это правильно.

— Вперед! — заорал Дэйви, и Джесс помчалась вслед за ним.

Мир летел мимо, но теперь она была его частью.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я чрезвычайно признателен всем тем людям, которые поддерживали меня во время написания этой книги. Во-первых, я благодарен Питеру Бакману за мудрые советы по всем вопросам. Во-вторых, я благодарю великолепную Кесию Лупу за ее неистощимую веру в эту историю и неустанные попытки ее улучшить. Барри Каннингему и Рейчел Лейшон — за их верные инстинкты, консультации и за то, что эта книга была издана. Элен Кроуфорд-Уайт и Рейчел Хикман — за великолепный дизайн оригинальной обложки. И, разумеется, всей остальной команде издательства «Чикен Хаус»: Джэз, Элинор, Эстер, Лоре, Клэр и Саре.

Я также говорю спасибо Лоре и Джейми Дауард за ключевую роль, которую они сыграли в том, что эта книга появилась на свет. Моим родителям и сестре — за их многолетнюю поддержку и веру в меня. Невероятно талантливому Эду Кертису, без которого я бы никогда не стал писателем. И наконец, огромная благодарность моей прекрасной жене Шебе за... да в общем за всё.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 11
Глава 4 15
Глава 5 19
Глава 6 25
Глава 7 31
Глава 8 38
Глава 9 43
Глава 10 50
Глава 11 56
Глава 12 62
Глава 13 65
Глава 14 76
Глава 15 82
Глава 16 90
Глава 17 98
Глава 18 107
Глава 19 112
Глава 20 120
Глава 21 127
Глава 22 131
Глава 23 140
Глава 24 145
Глава 25 153
Глава 26 157
Глава 27 163
Глава 28 168

Литературно-художественное издание
для детей среднего школьного возраста

СЕРИЯ «ЗЕРКАЛА»

Гай Джонс
ЛЕДЯНОЙ САД

Перевод с английского *Ольги Лютовой*
Иллюстрации и обложка *Татьяны Булгаковой*

Генеральный директор *Мария Смирнова*
Руководитель проекта *Елизавета Зверева*
Ведущий редактор *Наталья Тюленева*
Художественный редактор *Андрей Двоеглазов*

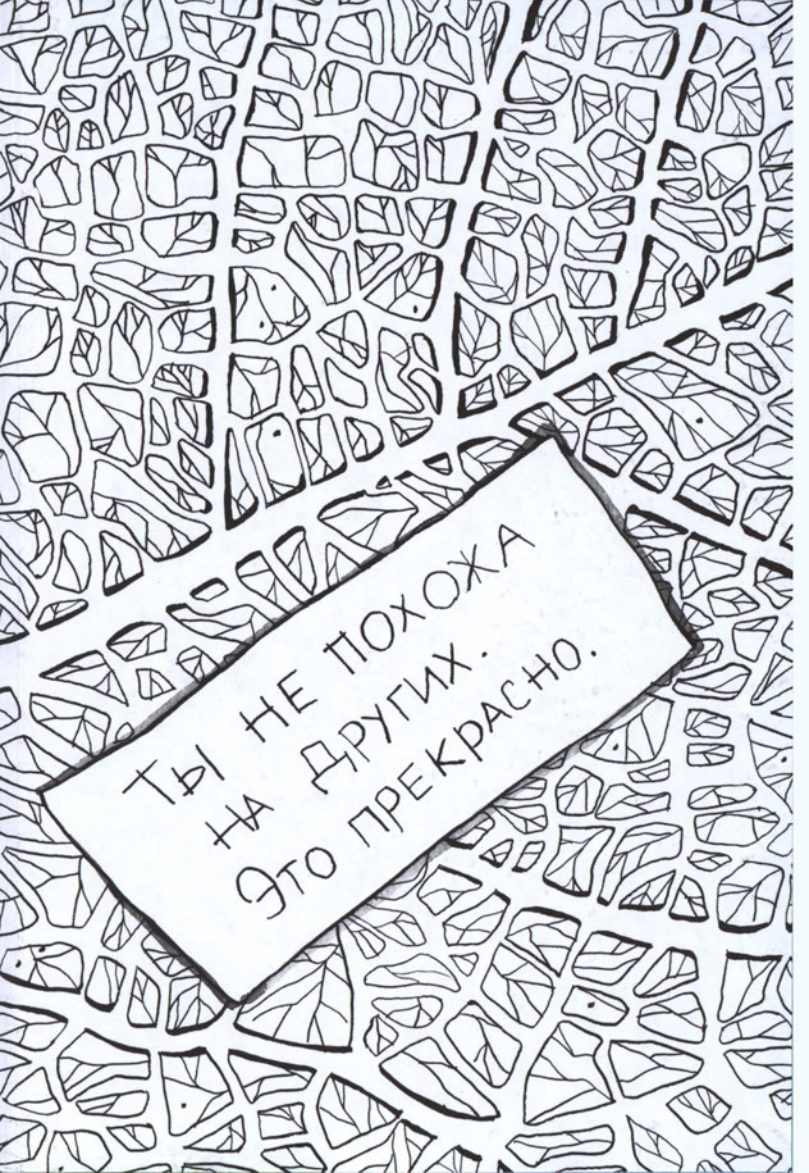
Подписано в печать 10.12.2018. Формат 70×100 1/16.
Объём 11 печ. л. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Заказ № ВЗК-06257-18. Дата изготовления 10.01.2019

ООО «Издательство Качели»
Телефон редакции: (812) 401-62-67
Адрес для писем: 197022, СПб, а/я 6
e-mail: info@kachellybook.ru

Заказ книг в интернет-магазине «Лабиринт»: www.labirint.ru
По вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в ТД «Лабиринт»: тел. +7 (495) 780-00-98
www.labirint.org

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

12+


Ты не похожа
на других.
Это прекрасно.